

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

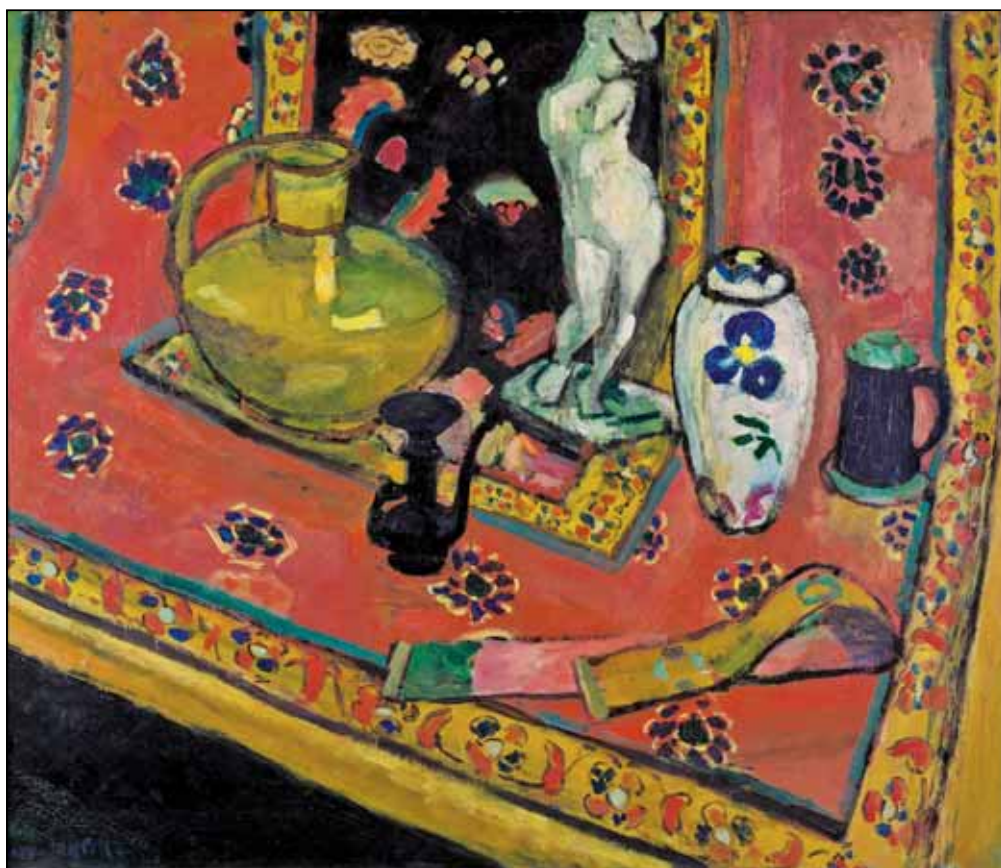
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2022

**НИКОЛАЙ
ЦИСКАРИДЗЕ:**

*«Театральная Москва
приняла меня сразу...»*

---

*Об истории двух картин и о жизни русского мецената
Ивана Морозова читайте на стр. 71*

Из российской истории

Светлана Марлинская   **Несчастный царевич** 4

Судьбы

Дмитрий Зелов   **Меценат по призванию** 12

Фантастика

Владимир Марышев   **Теплый снег** 20

Неизвестное об известном

Юрий Осипов   **Евгений Замятин: «Служить
большим идеям»** 31

Алла Зубкова   **История Франсуа Аруэ,
именовавшего себя Вольтером** 99

Замечательные современники

Дарья Соколова   **Николай Цискаридзе: «Я пошел
в балет из-за влюбленности
в балерину Надежду Павлову»** 46

Марина Бойкова   **Алексей Рыбников: «Выразить
духовный мир — на это
способны лишь единицы»** 110

Минувшее

Евгения Мишнаевская   **Очень серьезный доктор
и ироничный писатель** 58

Шедевры

Ирина Опимах   **Два коллекционера,
два художника и две картины** 71

Звезды не гаснут

Евгения Гордиенко   **Почти забытый Петр Лещенко** 81

Это интересно

Николай Долгополов   **Бдеск и нищета графа
советской разведки** 87

Поэзия

Алексей Борычев   **Стихи** 118

Детектив

Варвара Клюева   **Черный ангел** 124

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Ректор Академии Русского балета
им. А.Я. Вагановой
Николай Цискаридзе.
Фото Андрея Лушпы

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.11.2022

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших», — писал в своем дневнике Лев Николаевич Толстой незадолго до ухода из Ясной Поляны. Он мучился там, мучился везде, раздираемый противоречиями своей парадоксальной натуры. Софья Андреевна говорила: «Сорок восемь лет прожила я с Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он был за человек». Поражает даже могила Толстого в Яснополянском парке — просто насыпной холмик, согласно его воле, без креста, плиты с надписью или памятника, — под развесистыми деревьями, на краю оврага, где они в детстве со старшим братом Николенькой искали «зеленую палочку», способную принести людям счастье...

Юрий **Осипов** «Тайна Толстого»

Речь в этом материале пойдет о Святках, которые начинаются 6 января в Рождественский сочельник и длятся до Крещения 19 января. На Руси Святки всегда являлись главным, самым веселым зимним праздником, посвященным языческому богу Святovidу. К сожалению, многие традиции этого праздника оказались утраченными или забытыми. Стоит попробовать вспомнить самые, пожалуй, любимые когда-то в народе обязанности каждого доброго христианина на Святки, а также те забавы и ритуалы, которые были распространены на Руси еще во времена язычества.

Светлана **Марлинская** «От первой звезды до крещенской воды»

Последний мужской потомок династии Романовых по прямой линии, он приходился внуком Петру Великому и сыном царевичу Алексею. Ему не исполнилось и двенадцати лет, когда он после смерти Екатерины I взошел на престол под именем Петра II. Скончался же он в возрасте 14-ти с небольшим лет, прожив очень короткую, но насыщенную яркими событиями жизнь.

Алла **Зубкова** «Венценосный охотник»

25 января Владимиру Семеновичу Высоцкому исполнилось бы 85 лет. В городе Гороховец живет человек, который в течение уже нескольких лет проводит фестивали Высоцкого, на которые съезжаются все друзья и почитатели его таланта. Такого в России больше нигде нет. Это Андрей Князев — бизнесмен, «Меценат года» в России, вкладывающий деньги в свой город и мечтающий превратить его в сказку. Как говорит он сам: «Высоцкий души очищает, что сегодня, мне кажется, это особенно важно».

Беседа журналистки Марины **Бойковой** с Андреем Князевым

Продолжение детектива Варвары **Клюевой** «Черный ангел»

НЕСЧАСТНЫЙ ЦАРЕВИЧ

О двух женщинах — кронпринцессе Шарлотте и крепостной девке Ефросинье — известно очень немного. Пожалуй, лишь то, что одна из них была женой, а вторая — любовницей царевича Алексея. А между тем именно им, точнее, их отношениям с несчастным царевичем Алексеем Петровичем Россия обязана сотрясавшим ее в течение почти всего XVIII века смутам, дворцовым заговорам и переворотам. Если бы царевич уделял больше внимания жене, то спокойно унаследовал бы корону своего великого отца. Но Алексей предпочел любовь крепостной девки, ради которой отказался и от короны, и от скипетра, и даже от собственных детей.

Все это, разумеется, не приходило в голову царю Петру, когда в 1690 году от немилостивой законной жены Евдокии родился у него сын и наследник Алексей. Впрочем, видел он свое чадо крайне редко, поручив его заботам любимой сестры, старой девы царевны Натальи.

В девятнадцать лет молодой царевич отправился за границу — грызть гранит науки. Там год спустя его настигло письмо отца следующего содержания:

«Объявляю вам, что по прибытии к вам господина князя Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит, и, кому с вами ехать, прикажет. А когда скончишь, пиши нам. За сим управи Бог путь ваш».

«Отпиши» — означало конец учебы и женитьбу. Для того и был командирован в Германию Меншиков — правая рука и доверенное лицо царя Петра. Преобразователь России задумал искоренить еще один русский обычай: избирать невесту в царский дом среди своих же подданных, и породниться с каким-нибудь иностранным августейшим семейством. Меньше всего при этом он склонен был спрашивать мнение собственного сына, хотя сам в молодости довольно пострадал от навязанного ему матерью и боярами брака без любви. И не задумывался над тем, что его собственный «гражданский брак» с простолюдинкой Мартой может подтолкнуть царевича Алексея к кое-каким не совсем приятным для отца выводам. Тем не менее, Меншиков принялся усер-

дно искать невесту наследнику русского престола. И нашел ее в 1710 году. Принцесса бланкенбургская София-Шарлотта была сестрой австрийской императрицы Елизаветы. *«Дом наших сватов — изрядный»*, — писал Петр своему сенату.

Надо думать! Австрийский двор был одним из самых церемонных и самых роскошных в Европе. Шестнадцатилетняя кронпринцесса Шарлотта была приучена жить в роскоши, имела многочисленную прислугу, целый штат придворных дам. Она и представить себе не могла, какая жизнь ждет ее в далекой России.

В конце 1710 года Алексей написал отцу, что готов исполнить его волю — жениться на иноземке. Он был достаточно умен (вопреки сложившемуся о нем в истории мнению) и понимал: противиться воле отца бессмысленно. Прикажет — на лягушке женишься.

В августе 1711 года состоялось бракосочетание царевича Алексея с принцессой Шарлоттой. Молодая жена сохранила лютеранское вероисповедание, но дала обещание воспитывать будущих детей в православии. Венчание состоялось в Дрездене, а через три дня царевич получил приказание отца... немедленно отправиться в Россию и там заведовать продовольствием для армии. Такой «подарок» царственного свекра шокировал не только новобрачную, но и весь двор.

Лишь через полгода принцесса встретила со своим мужем, приехав к нему в армию. В каких условиях

*Царевич
Алексей*

Справа:
*Принцесса
Шарлотта*

пришлось там жить Шарлотте, остается только догадываться. Сам царевич не ломал голову над удобствами для молодой жены: он привык к тому, что его мачеха, «сердечненький друг Катеринушка», безропотно делит с отцом все тяготы военнокочевой жизни. О том, что бывшая прачка получила несколько иное воспитание, нежели немецкая принцесса, никто не задумывался. Более того, три месяца спустя Петр отправил сына в действующую армию, а принцесса целый год вынуждена была жить в одиночестве в заштатном прибалтийском городе Эльбине, не имея денег на самое необходимое.

Петр тем временем официально женился на «друге Катеринушке» и стал отцом долгожданного сына Петрушеньки — «шишечки», как его называли счастливые родители. Тут не до невестки и не до старшего сына: не путаются под ногами — и ладно.

Понадобилось вмешательство ближайших советников Петра, чтобы разъяснить царю щекотливость ситуации. Народ с недовольством воспринял женитьбу царевича-наследника на иноземке, иноверке, так нужно ее как можно скорее привезти в столицу, постараться склонить к православию, да и о наследнике подумать. Петр отправил невестке

приказ ехать в Россию. Кронпринцесса, наконец, прибыла в Северный Парадиз — Санкт-Петербург, где ее встретили льстивые, раболепные придворные и... известие о том, что ни мужа, ни свекра она не увидит. Оба — в очередном военном походе.

Наконец Алексей вернулся в Петербург. Полгода они с принцессой Шарлоттой смогли провести вместе, и народу объявили долгожданную весть: ее высочество в тягости и к середине года родить изволит, если на то воля Божья будет.

Первенец Алексея и Шарлотты родился ровно через три года после свадьбы. Это была девочка, крещенная Натальей — любимое имя царя Петра. Впрочем, новоявленный дед добродушно попенял невестке, что внук его обрадовал бы больше, чем внучка. И Шарлотта обещала, что следующим будет мальчик, *«ежели ваше царское величество соизволит мне с мужем разлучаться реже»*.

И хотя царевич Алексей не слишком много времени уделял жене, она выполнила свое обеща-

ние и через год, в 1715 году, родила сына, царевича Петра, будущего императора Петра Второго. Роды прошли благополучно, но через несколько дней родильная горячка свела Шарлотту в могилу. Ей не было еще и двадцати двух лет.

В Германии утверждали, что в могилу ее свела печаль — слишком одинокой и никому не нужной оказалась она в России. Возможно, в этом была доля истины. Но сама принцесса не сделала ни малейшей попытки приспособиться к новым условиям жизни. Ни слова не знала по-русски, не общалась ни с кем, кроме своих придворных дам-саксонок. Петр ошибся в своих расчетах: иноземка-невестка ничем ему не помогла, только внука родила — но ради этого не стоило родниться с австрийским императоро-

ром и вызывать лишнее неудовольствие бояр и духовенства.

А самое печальное заключалось в том, что вялая, мало темпераментная Шарлотта совсем не привлекала своего мужа как женщина, и тот начал искать утешение на стороне. Нашел он его довольно быстро, еще при жизни жены, и утешение это, переросшее в страстную любовь, стоило впоследствии царевичу жизни.

Ефросинья Федорова, крепостная девка, была отдана царевичу Алексею одним из тех его приятелей, которым он в минуты раздражения жаловался на «жену-чертовку». И очень скоро царевич жизни себе не мыслил без этой простой девушки, с которой не только проводил время, но и советовался по многим вопросам. После смерти законной супруги он наконец-то смог уединиться со своей ненаглядной Ефросиньюшкой. Правда, ненадолго, ибо пришло грозное письмо от отца, в котором Петр требовал от Алексея сделать выбор — или стать настоящим сподвижником государевых дел и наследником, или отказаться от престола и постричься в монахи. Ни в том, ни в другом варианте Ефросинье места не было.

И царевич решил скрыться от отца в каком-нибудь европейском государстве.

Бежал он не куда-нибудь, а в Вену, к родственникам своей покойной жены. Там он поведал австрийскому вице-канцлеру следующее:

«Я ничего не сделал отцу, всегда был ему послушен, ни во что не вме-

шивался, ослабел духом от преследований, потому что меня хотели запереть до смерти. Отец был добр ко мне. Когда у меня пошли дети, и жена умерла, то все пошло дурно. Она с князем Меншиковым постоянно раздражала отца против меня, оба люди злые, безбожные, бессовестные. Я против отца ни в чем не виноват, люблю и уважаю его по заповедям, но не хочу постричься и отнять права у бедных детей моих, а царица с Меншиковым хотят меня уморить или в монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты к солдатству, но все поручения отца по армии я исправно выполнял, и был он мной доволен. А потом мне дали знать, что приверженцы царицы и Меншикова хотят меня отравить, для чего подговорили отца вызвать меня к себе, дабы у них на глазах находиться, или в монастырь идти. Сказал я, что к отцу еду, а сам сюда приехал, дабы просить покровительства и убежища для себя и детей моих в память о жене».

Интересно, в каком качестве представил тогда Алексей свою спутницу? Впрочем, Ефросинья путешествовала, переодетая в костюм пажа. В таком виде она укрывалась с царевичем в крепости Эренберг недалеко от Вены, а когда ищейки Петра напали на след царевича, перебралась с ним в Италию, в Неаполь.

Тем временем в Вену с требованием выдачи царевича явился Петр Толстой. Он заявил, что Россия готова объявить Австрии войну, если дело не решится мирно, путем переговоров. Австрийцы немедленно рас-

крыли секрет местонахождения царевича, и вице-король Неаполя сообщил Алексею, что, если он не подчинится воле отца и не вернется на родину, его разлучат с Ефросиньей.

Только этим обманом и напугали царевича. Чтобы не расставаться с возлюбленной, он решил ехать в Россию. Правда, с двумя условиями: разрешить ему жить в деревне и обвенчаться с Ефросиньей. На свой страх и риск Толстой ему это обещал —

ся на той, которая при нем, и в том весьма ему позволит, когда в наши края приедет, хотя в Риге, или в своих городах, или в Курляндии у племянницы в доме (герцогини Анны Иоанновны), а чтоб в чужих краях жениться, то больше стыда принесет. Буде же сомневается, что ему не позволят, и в том может рассудить: когда я ему такую великую вину отпустил, а сего малого дела для чего мне ему не позволить? О чем

После смерти законной супруги Алексей наконец-то смог уединиться со своей ненаглядной Ефросиньюшкой. Правда, ненадолго, ибо пришло грозное письмо от отца, в котором Петр требовал от Алексея сделать выбор — или стать настоящим сподвижником государевых дел и наследником, или отказаться от престола и постричься в монахи. Ни в том, ни в другом варианте Ефросинье места не было, и царевич решил скрыться от отца в каком-нибудь европейском государстве. Он бежал в Вену, к родственникам покойной жены

и повез своего царственного пленника к Петру. Беременная Ефросинья ехала особым поездом, и Алексей всю дорогу упрашивал Толстого задержаться, дождаться ее, дать ему обвенчаться с нею и уж потом являться на глаза грозному батюшке. Толстой вилял и тянул время, пока не подоспела депеша от самого Петра:

«Мои господа! Письмо ваше я получил, и что сын мой, поверя моему прощению, с вами действительно уже поехал, зело меня обрадовало. Что же пишете, что желает женить-

наперед сего писал и в том его обнадежил, что и ныне подтверждаю. Также и жить, где похочет, в своих деревнях, в чем накрепко моим словом обнадежьте его».

Ясно, что прощение получено полное. Ведь и отец был не без слабостей: любил когда-то дочь вино торговца Анну Монс, а теперь бывшую пленную немку-прачку царицей сделал. Отчего же и сыну не позволить любить ту, которая ему дороже всего на свете? Тем более что в наследниках мужского пола и без не-

го уже недостатка нет: младший сын от Катеринушки, внук...

3 февраля 1718 года царевич предстал в Кремле перед отцом. Бросился ему в ноги, во всем повинился, со слезами просил помилования. Петр простил на условиях — отказаться от наследства и открыть своих сообщников в побеге.

«Писал царевич письма по-русски к архиреям, и по-немецки в Вену, жалуюсь на отца. Говорил царевич, что в русских войсках бунт, и что это его весьма радует. Радовался всякий раз, когда слышал о смуте в России.

Узнав, что младший царевич болен, благодарил Бога за милость сию к нему, Алексею.

Перед Петром встал страшный выбор. На то, чтобы казнить родного сына, даже он не мог решиться. Сердечный друг Катеринушка просила сохранить царевичу жизнь, постричь его в монахи, на что царь резонно возразил: «Клобук монашеский к голове не гвоздем прибит». В конечном итоге Алексей был предан суду и осужден на смерть как изменник Отчизны

Алексей отрекся от престола в Успенском соборе перед Евангелием, подписал отречение и выдал всех, кто ему помогал. За полтора месяца розыска свыше десяти приближенных царевича приняли мученическую смерть на колу или на колесе. А сам он ждал свою возлюбленную, мечтал о тихой жизни с ней в деревне. В светлый праздник Пасхи на коленях умолял мачеху похлопотать еще раз перед отцом за этот брак.

Буря, казалось, миновала. А когда в Петербург приехала Ефросинья, ее решили допросить — просто так, для порядка. Никто и подумать не мог, что ее показания приведут к такой страшной развязке. По неведению или из желания спасти себя, эта женщина открыла такое, до чего никто не докопался, и чего царь никак не ожидал.

Говорил, что "старых" всех переведет и изберет "новых" по своей воле. Что когда будет государем, то жить станет в Москве, а Петербург оставит простым городом, кораблей держать не станет вовсе, а войско — только для обороны, ибо войны ни с кем не желает.

Мечтал, что, может, отец его умрет, тогда будет смута великая, ибо одни станут за Алексея, а другие — за Петрушу-"шишечку", а мачеха глупа зело, чтобы со смутой справиться...»

Перед Петром встал страшный выбор. На то, чтобы казнить родного сына, даже он не мог решиться сразу. Сердечный друг Катеринушка просила сохранить царевичу жизнь, постричь его в монахи, на что царь резонно возразил: «Клобук монашеский к голове не гвоздем прибит».

В те времена следствие без пыток не проходило. Добились ли от Алексея признаний о его желании идти против отца — осталось неизвестным, но известен факт, что его три раза подвергали пыткам кнутом на дыбе. В конечном итоге Алексей оказался предан суду и был осужден на смерть как изменник Отечества.

26 июня 1718 года царевича Алексея не стало. По официальной версии, он умер от остановки сердца, прощенный отцом и раскаявшийся.

О дальнейшей судьбе Ефросиньи и ее ребенка ничего не известно. Но если бы у нее хватило ума помолчать на допросе — вполне могла когда-нибудь оказаться на престоле российском, и не было бы кровавого царствования Анны Иоанновны, убийства внучатого племянника Петра — Петра III и прочих событий,

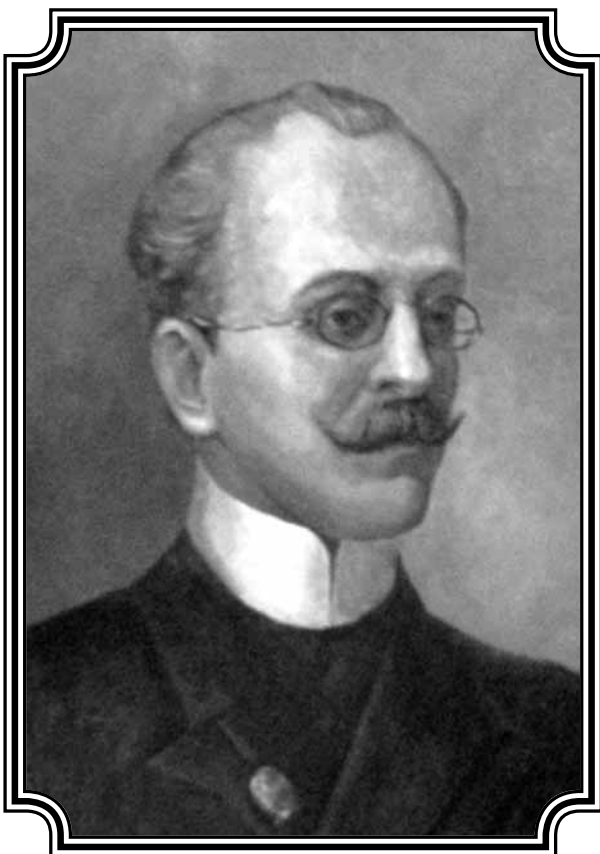
стоивших жизни десяткам тысяч ни в чем не повинных людей.

Две женщины имели роковое значение в трагической судьбе царевича Алексея, две невестки герра Питера — законная и незаконная — лишили его старшего сына и фактически пресекли род Романовых.

Французы правильно говорят: «Ищите женщину».

P.S. Сыну Алексея Петру суждено было стать императором Петром II, правда, царствовал он недолго — всего четыре года. И все же одно стоящее дело он успел завершить: посмертно реабилитировал отца, изъяв все документы, осуждающие его, и вернул ко двору бабушку Евдокию Федоровну Лопухину. Но об этом мы расскажем уже в следующем номере... □

Меценат по призванию

У основательно подзабытого в наши дни писателя Дмитрия Григоровича есть пронзительная повесть «Акробаты благотворительности». В ней блестяще изображены мнимые филантропы, использующие благотворительность сугубо в своих корыстных целях, в то время как до подлинно нуждающихся доходит лишь малая толика пожертвований. Впрочем, в России всегда хватало меценатов не «по букве», а по призванию. Одним из таких был Андрей Николаевич Коняев, личность для Твери знаковая и уникальная.

ТВЕРСКОЙ МУКОМОЛ

Дальние и близкие родственники Андрея Николаевича Коняева, выходца из купеческого сословия, давно обосновались в Твери и на протяжении позапрошлого столетия занимали разные знаковые должности в управлении расположенного между Москвой и Санкт-Петербургом поволжского города.

Сын тверского купца первой гильдии, одного из основателей мукомольной мельницы «Торгового дома братьев Коняевых», Андрей Коняев родился 23 августа 1872 года. На заре своего жизненного пути юноша блестяще окончил в Твери начальную школу и семиклассное реальное училище, после чего в 1890 году поступил в Московское Императорское высшее техническое училище.

Получив диплом инженера-механика, Андрей Николаевич возвратился в родной город, на семейное предприятие, которое стало именоваться «Товарищество паровой мукомольной мельницы братьев Коняевых». К 1896 году его отца, Николая Андреевича Коняева, уже не было в живых. И тогда, по возвращении в Тверь, брат Сергей Николаевич и дядя Алексей Андреевич назначили Андрея на пост технического руководителя семейного «бизнес-проекта».

Мукомольное производство, основанное тверскими купцами Коняевыми, на исходе XIX столетия было более чем востребовано в торговом волжском городе и успешно развивалось. Пшеница для производства муки закупалась на Кавказе, в приволжских и малороссийских городах и даже импортировалась из Нового Света. Искренне заботясь об улучшении нелегких условий труда мукомолов и желая модернизировать семейное производство, Андрей Коняев установил на мельнице одну из первых в Твери электростанций, благодаря которой освещались цеха и подсобные помещения. (Мукомольное производство в Твери на базе коняевской мельницы сохранилось до наших дней. Нынче это успешно функционирующее предприятие ОАО «Мелькомбинат», радующее тверичан и гостей города вкусной и разнообразной продукцией. А в одном из помещений предприятия действует интересный ведомственный музей, по-

священный истории мукомольного производства с момента его основания купцами Коняевыми и до настоящего времени.)

Молодой и перспективный наследник успешного семейного бизнеса мог почитать на лаврах: ему вполне по средствам было вести полную удовольствий, сытую и беззаботную жизнь. Именно так и поступали многие его сверстники, наследники семейных фирм и компаний. Но не таков был нрав Андрея Николаевича Коняева. Его интересами, чаяниями и стремлениями полностью завладела педагогическая деятельность. И уже в 1897 году молодой инженер начал преподавать технологии дерева и металлов, а еще и физику с черчением в четвертом классе ремесленного училища Тверского благотворительного общества «Доброхотная копейка», основанного, между прочим, при материальном содействии братьев Коняевых.

ИДИТЕ В БАНЮ — УЧИТЬСЯ УМУ РАЗУМУ

Великий преобразователь России царь Петр I, 350-летие со дня рождения которого торжественно и широко отмечается в России весь 2022 год, заложил в созданной им империи основы функционирования училищ для сирот и детей из бедных и малообеспеченных семей. В Твери же эти благие намерения воплотились в жизнь только в 1877 году, и первоначально обучение учеников

ремесленного училища происходило... в бане! Однако ближе к концу столетия ремесленное училище, в котором постигали азы технических премудростей порядка ста человек, стало пользоваться в Твери большой популярностью, так как выпускавшиеся из его стен мастера имели высокий профессиональный уровень и очень ценились будущими работодателями. В связи с растущей потребностью города в грамотных специалистах в этой сфере, попечительский совет училища решил выстроить новое здание для учебных классов и производственных мастерских.

Андрей Николаевич Коняев безвозмездно занялся организацией строительных работ будущего здания и лично пожертвовал на создание нового корпуса 1000 рублей.

Также на собственные средства им были приобретены для училища оборудование физического кабинета и керосиновый двигатель, использовавшийся в качестве наглядного пособия.

В 1900 году Тверское ремесленное училище, преобразованное при материальной поддержке благотворительного общества «Доброхотная копейка» в «Школу ремесленных учеников» (таким школам полагалась ежегодная государственная субсидия), переехало в новое, специально для нее построенное здание с электрическим освещением. Во вновь открытой школе Коняев трудился на должности учителя-техника.

Автором оригинального проекта учебных и производственных зданий школы стал местный зодчий Александр Петрович Федоров, который приходился внуком Осипу Ивановичу Корицкому, занимавшему в 1823–1829 годах должность директора Вышневолоцкой водной системы. Кстати, именно Корицкий капитально модернизировал и фактически возродил вновь после сильнейшей засухи 1817 года эту старейшую в России, основанную еще при Петре Великом и имевшую колоссальное значение для экономики страны, искусственную водную транспортную систему.

Но при этом неожиданно возникли новые непредвиденные трудности. В связи с изменением статуса учебного заведения (с училища на школу) срок обучения был сокращен

с четырех до трех лет. Это обстоятельство тут же привело к резкому снижению уровня технической подготовки выпускников. Что, в свою очередь, ожидаемо перестало устраивать тверских работодателей, резко сокративших и так весьма небольшую материальную поддержку школы.

Ситуация сложилась патовая, спасти положение могли лишь экстраординарные меры. И тогда Коняев, на свой страх и риск, решил обратиться к директору народных училищ Тверской губернии Добровольскому с предложением преобразования школы в низшее техническое училище. Это оказалось весьма непросто, и такого преобразования Андрею Николаевичу удалось добиться лишь в 1909 году. А сам Коняев был назначен директором нового училища. Он жертвовал на неотложные и текущие нужды возглавляемого им училища немалые личные средства. Например, в том же 1909 году на эти цели им было потрачено 3765 рублей. Средства расходовались на погашение долгов по общежитию для учащихся и самому училищу, на материальное поощрение служащих, на приобретение инструмента, материальную помощь малообеспеченным ученикам, текущий ремонт, организацию торжественных мероприятий и так далее.

За годы директорства Коняева это низшее техническое училище стало одним из самых престижных учебных заведений во всей Твер-

ской губернии. Под его непосредственным руководством были расширены и надстроены мастерские, выстроен жилой дом для преподавательского состава. Впрочем, его неутомимой и кипучей энергии и деятельности с лихвою хватало и на многие другие благотворительные проекты в городе, призванные улучшить жизнь и обучение не только малоимущих и бедных слоев населения, но и всего города в целом.

БЛАГОДЕТЕЛЬ ТВЕРИ

Подлинно всенародную любовь у горожан меценат Коняев снискал как организатор школьных елочных праздников с обязательным угоще-

нием учащихся и подарками, а также выездов школяров на увлекательные загородные экскурсии, устройство самодеятельных благотворительных концертов. Андрей Николаевич умудрялся превращать в яркие городские праздники посадку деревьев и благоустройство школьных двориков, организовывал бесплатные обеды для учеников из малообеспеченных семей и сборы средств для нуждающихся.

Большое внимание тверской меценат уделял духовной жизни горожан: Коняев входил в состав различных комиссий и обществ, направленных на нравственное просвещение и повышение культурной жизни жителей Твери и Тверской губернии. Так, например, по благословлению архиепископа Тверского и Кашинского Алексия он стал председателем православного Общества организации путешествий учащихся Тверского реального училища и церковным старостой храма Николая Угодника при Тверском юнкерском кавалерийском училище. А с конца 1914 года еще и старостой кафедрального Спасо-Преображенского собора.

В 1913 году, во время широко отмечавшегося по всей России 300-летия Дома Романовых, император Николай II посетил с официальным визитом Тверь. К приезду государя горожане решили построить храм Воскресения Господня при Христорождественском монастыре. Последний русский царь пожертвовал на это благое дело 1500 рублей и лично при-

был на освящение церкви. Почетное право встречать царя хлебом-солью было предоставлено городскому голове Арефьеву и гласному городской думы, известному и уважаемому в городе меценату Андрею Николаевичу Коняеву. (Кстати, его избирали на эту должность вплоть до роспуска думы в 1918 году.)

ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ ВЕЮТ НАД НАМИ

Едва только на просторах Российской империи отшумели грандиозные праздники в честь юбилея династии Романовых, как уже на следующий год на страну обрушилась Первая мировая война. Экономика отечества спешно переходила на военные рельсы, и Коняеву было поручено координировать выполнение военных заказов на тверских предприятиях. Кроме того, Андрей Николаевич принимал активное участие в работе комиссии городской думы по урегулированию цен и помощи семьям мобилизованных на войну.

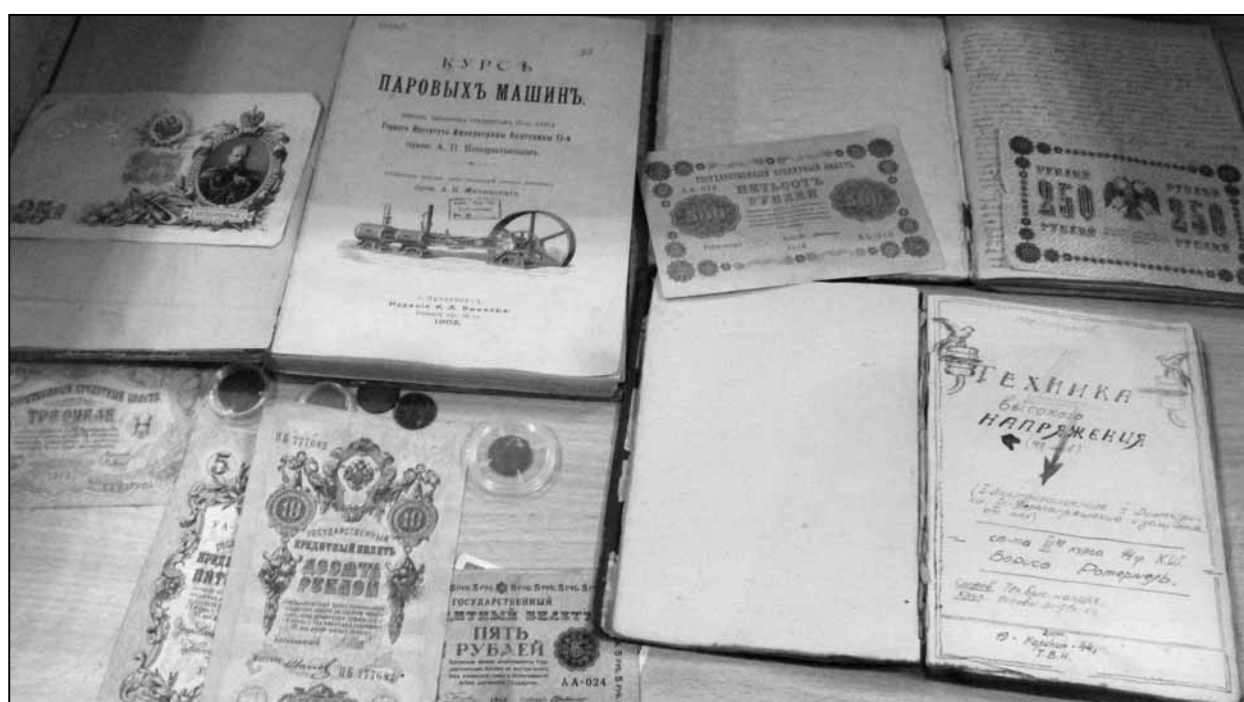
В тяжелые военные годы городская дума выделила Тверскому низшему техническому училищу 852 рубля на стипендии нуждающимся. Стремясь хоть как-то сбить галопирующий рост цен на продукты и поддержать наиболее обездоленные слои населения, Товарищество братьев Коняевых продало городу 7000 пудов хлеба по заниженной цене.

В 1917 году по всей стране начались рабочие забастовки, которые

приводили к срыву, либо к полной остановке производства, а в итоге к еще большему ухудшению и так весьма незавидного положения рабочего люда. Стремясь не допустить конфликта на мукомольной мельнице, Андрей Николаевич Коняев в это крайне непростое время, в ущерб интересам правления, полностью удовлетворил требования рабочих активистов.

уйдя с директорского поста, Андрей Николаевич продолжал трудиться в училище, а в 1931 году был даже отмечен как лучший педагог.

В начале Великой Отечественной войны Тверь, именовавшаяся Калинином, была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. Отступая, враги подожгли город — от зданий техникума остались лишь обгоревшие стены. Но вскоре после

В середине 1917 года Тверское низшее техническое училище было преобразовано в Среднее техническое училище по механической и архитектурной специальности, а его директором вновь назначили Коняева. Оставался на своей должности он и в первые годы советской власти: большевики по достоинству оценили его богатый педагогический и практический опыт по управлению училищем. Впрочем, даже

освобождения Калинина Красной армией началось восстановление города, а вместе с ним и ставшего родным для Андрея Николаевича учебного заведения, именовавшегося теперь Калининским индустриальным техникумом. В числе первых на работу в техникум был зачислен преподаватель Коняев.

Уже в феврале 1942 года (город был освобожден в середине декабря 1941 года) в общежитии техни-

кума начались занятия, а на его территории в первую очередь были восстановлены цеха, способные выполнять заказы располагавшегося в непосредственной близости от Калинина фронта. Андрей Николаевич не только продолжал трудиться в техникуме, но и активно помогал в восстановлении национализированной государством, когда-то принадлежавшей семейному клану Коняевых мукомольной мельницы.

Подлинный патриот своего Отечества, Коняев ушел в мир иной прямо на рабочем посту — 28 октября 1944 года, в перерыве между занятиями.

эти благие цели предприниматель и общественный деятель, директор учебного заведения и педагог, Андрей Николаевич Коняев бескорыстно жертвовал как личные (весьма немалые, кстати) средства, так и собственный неустанный труд.

Жизнь его условно можно разделить на два больших периода: до октября 1917-го и после. В первый из них этому видному меценату и благотворителю удалось сформировать целый пласт представителей тверского дворянства и купечества, отличавшихся подлинной образованностью и культурой, искренним радением о за-

ПАМЯТЬ О МЕЦЕНАТЕ

Андрей Николаевич Коняев прожил трудную, непростую, но честную и достойную высокого звания человека и гражданина жизнь. Потомок купеческого рода мукомолов посвятил свой земной путь обучению тверских детей из бедных семей. На

ботах и нуждах родного поволжского города. Во второй, уже советский период своей жизни Коняев продолжал свою поистине подвижническую деятельность по обучению и воспитанию рабочей молодежи.

В первые послереволюционные годы он не уехал, подобно многим другим меценатам, из России, объа-

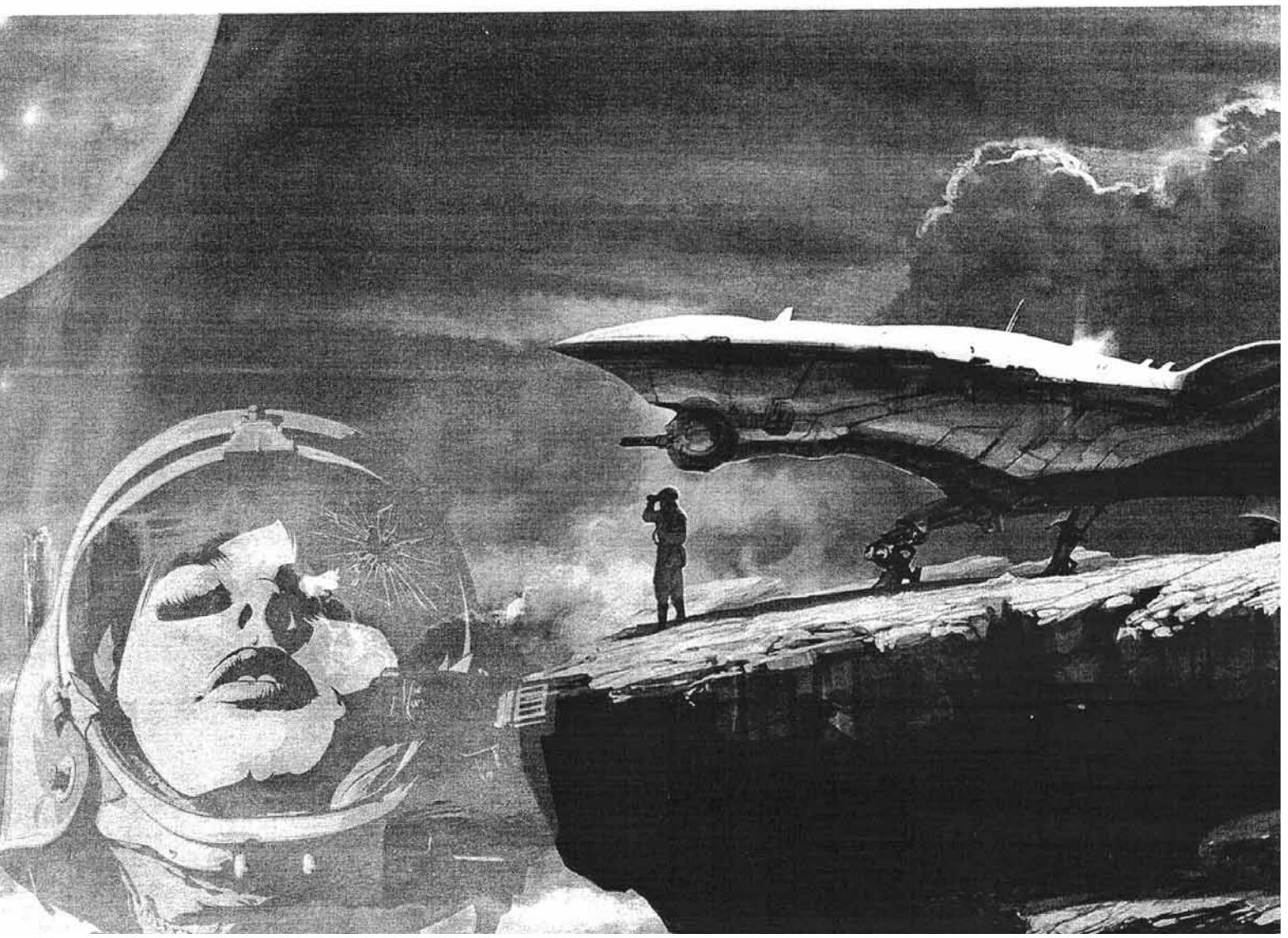
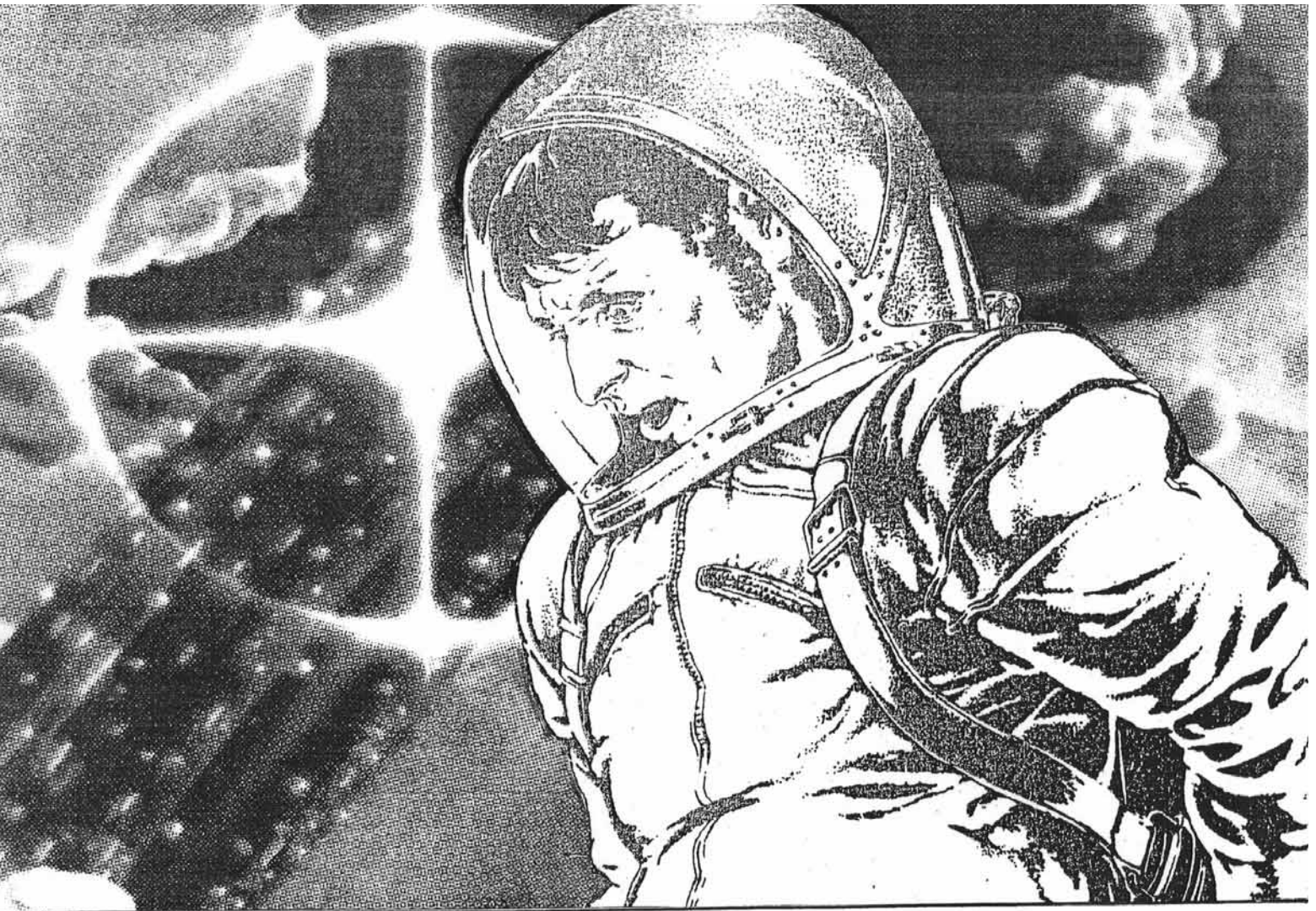
той пламенем пролетарской революции, а затем и жуткой братоубийственной гражданской войны, хотя такая возможность у Коняева, безусловно, была. Просто Андрей Николаевич считал своим долгом остаться вместе со своим народом и страной, какие бы тяжелые духовно-нравственные или материально-физические испытания ни выпали на ее и его долю.

и в преподавателей тоже, зорко и пристально вглядывается сам его основатель, запечатленный в гипсовом барельефе. А если перейти наискосок улицу, окажешься у старинного, из красного кирпича, здания ремесленного училища с мемориальной доской, посвященной Коняеву; здесь блестящий инженер и педагог жил и работал, сея разумное, доброе, вечное.

Вот уже два десятилетия Тверской колледж (славный наследник основанной в 1877 году при активном и непосредственном участии благотворительного общества «Доброхотной копейки» Тверской ремесленной школы) носит имя Андрея Коняева. А при входе в учебное заведение в каждого из студентов, да

Своей яркой, насыщенной, полной служения людям и Отчизне жизнью Андрей Николаевич Коняев доказал, что быть и оставаться подвижником благочестия, благотворителем с большой буквы можно и нужно всегда и в любых условиях, невзирая на трудности или какие-либо социальные катаклизмы... □

Теплый снег

Рогульского спасла быстрота реакции. Едва успев осознать, что мягкой посадки не получится, он нырнул в аварийный отсек. Коротко клацнула автоматически закрывшаяся дверь, и тут же по корпусу корабля словно ударили тысячетонной кувалдой. Пол вздыбился, и Рогульского отбросило к стене, вжало в ее упругую обивку из пенолироновых подушечек. Новый удар, еще сильнее прежнего, швырнул его обратно.

В недрах корабля что-то рвалось, лязгало и скрежетало, но это были уже последние конвульсии пораженного насмерть исполина. Он оказался невероятно живуч: его могучее бронированное тело продолжало вздрагивать даже после того, как умерли все звуки. Затем прекратилась и вибрация...

Выждав еще минут десять, Рогульский рискнул покинуть свое убежище. Открывшееся зрелище превзошло его худшие ожидания. Взрывом почти полностью выжгло энергетический отсек, вспороло корпуса приборов и раскидало их микроэлектронные внутренности по коридорам. Мозг корабля — сложная система биокристаллов — был безжалостно раздавлен рваными кромками искореженных переборок. Гиперпространственный передатчик представлял собой груды лома.

Но самое страшное ожидало впереди.

Он с трудом заставил себя подойти к развороченной, превратившейся в застывшие стальные лохмотья двери анабиозной камеры.

Жанна и Виктор были мертвы. Последнюю паутинку надежды оборвал физиодатчик — простейший и потому уцелевший в металлическом и пластмассовом крошечке медицинский прибор. Холодные зеленые светлячки букв на экране сложились в приговор: «Необратимая остановка всех жизненных процессов. Возможна консервация с целью предотвращения распада тканей».

В сущности, рассчитывать на иной диагноз и не приходилось. Анабиозные ванны, треснувшие в нескольких местах, были сброшены с оснований; прозрачный желеобразный наполнитель медленно вытекал через пробоины; тру-

бочки жизнеобеспечения, вырванные из гнезд, сочились ручейками разноцветных растворов.

Жанна, казалось, все еще спала в анабиозе. Ее безмятежное лицо, обрамленное мягкими пепельными локонами, ничуть не изменилось.

Рогульский взялся рукой за горло, словно пытаясь протолкнуть засевший в нем твердый угловатый комок.

— Жанна, — хрипло произнес он и сделал шаг к разбитой ванне. Ему все еще не верилось в реальность происшедшего, он не был готов принять в себя боль дикой, невозможной утраты. Но боль пришла.

— Жанна! — Рогульский изо всех сил рванул куртку на груди, как будто надеялся разорвать сверхпрочную ткань, а вместе с ней и кожу, чтобы, покинув прежнюю оболочку, родиться заново, в другом мире, где на тебя не смотрят неподвижно и бесстрастно мертвые глаза любимой. Еще мгновение — и он рухнул бы на пол, припав к стенке ванны-саркофага. Но он сдержал этот порыв, больно, до хруста, сжав правой рукой кисть левой.

«Возможна консервация», — всплыла в мозгу строка из приговора, и Рогульский начал действовать. Он осмотрел приборы и убедился, что не все из них безнадежны.

Анабиозная масса — капризная субстанция. Она живет, дышит, получает из регенератора питательные вещества, отправляет туда продукты распада. Стоит прервать эту цепочку обменов — и чудодейственное желе прекращает функционировать, обрекая на быструю смерть погруженного в него человека. Консервант же — довольно простая жидкость. Мертвые организмы могут сохраняться в нем практически вечно. Но только мертвые... В консервант, как правило, отправляли добытые во время экспедиций образчики флоры и фауны.

Счет шел на минуты. Рогульский извлек Жанну и Виктора из опутанных шлангами капсул с прозрачными лицевыми щитками, заварил пробоины в пластике ванн, затем, подогрев анабиозную массу, превратил ее в пар и тут же пустил консервант. Наконец золотистая жидкость сомкнулась над телами погибших.

Он подошел к саркофагу Виктора, уже закрытому герметичной крышкой, взгляделся в красивые, почти юношеские, черты его лица, затем повернулся к Жанне. Она лежала обнаженная, скрестив руки на груди, и, казалось, блаженствовала, боясь пошевелиться, чтобы не выплыть из нирваны.

Рогульский впервые видел ее такой, без клочка одежды, но представлял — бесчисленное множество раз, то в воспаленных безудержных мечтах, то во снах — плотских и зримых, когда не можешь и не хочешь верить в иллюзорность созданного угодливым воображением. Однако раскованные фантазии не могли сбыться наяву — Жанна была подругой Виктора и принадлежала только ему.

Он все стоял и смотрел. И вдруг ощущение того, что это прекрасное юное тело все еще хранит тепло жизни, пропало. Девушка превратилась в произведение искусства, изящную статуэтку, выточенную мастером-чародеем из цельной глыбы янтаря.

Рогульский судорожно сглотнул и отвернулся. На плохо сгибающихся ногах прошелся по камере, и взгляд его наткнулся на маленькую ванночку, расколотую пополам. Капсула лежала рядом. С нее, дрожа, сползали студенистые потеки наполнителя.

«Ролли, — вяло подумал Рогульский. — Значит, и ты, песик, тоже... У меня не осталось никого. Даже твою лохматую морду я не смогу потрепать, когда мне вдруг захочется взвыть от тоски...»

Он вынул собаку из капсулы и положил на пол. Можно было погрузить Ролли в консервант, но стоило ли? «Похороню на планете, — решил Рогульский. — Потом. Я еще не все осмотрел»

Он заглянул в трюм. Большая часть конструкций, предназначенных для строительства базы, была исковеркана взрывом, но из того, что осталось, мог получиться вполне приличный, даже просторный домик. А роботы, находившиеся во втором отделении трюма, вообще почти не пострадали. С такой армией можно было выжить и в более суровых условиях, чем эта уединенная планетка — спутник остывающего светила в созвездии Зайца. Тем более что через три, максимум через четыре месяца с Земли прилетит корабль. Он доставит на базу, которая к этому времени должна быть построена, группу ученых.

Маленькое красное солнце тлело сквозь жидкие хлопья буроватых облаков. Из-за скудного освещения поверхность планеты — неровная, в бесформенных каменных складках — казалась обиталищем кошмарной нечисти, прячущейся в чернильных лужах почти неподвижных теней. Среди этой воображаемой жути приземистый купол возведенного за пару дней дома был олицетворением всего земного, надежного и прочного, настоящей цитадели, неприступной для сумеречных страхов.

Сооружая дом, роботы перенесли в него с корабля все, что еще работало или могло быть отремонтировано. Так Рогульский обзавелся самым необходимым — синтезатором пищи, обогревательной установкой и целым блоком резервных энергетических батарей. Настоящим подарком судьбы было то, что воздух планеты мало отличался от земного. Однако в остальном этот мир вряд ли мог считаться удачной находкой. Ночью здесь царил леденящий холод, днем температура не превышала нуля. Животных Рогульский не обнаружил, редкие растения с трудом цеплялись разветвленными корнями за голые камни. Ветер часто отдирал их от ненадежной опоры и, измочаливая о булыжники, уносил вдаль.

Сергей Рогульский был капитаном и штурманом звездолета «Альгораб», Виктор Камаев — бортинженером и роботехником, Жанна Михальченко —

медиком и специалистом по внеземной фауне и флоре. Стандартный набор профессий для того, чтобы успешно достичь незнакомой планеты и выполнить на ней свою работу. Полеты кораблей такого класса, несмотря на сверхсветовую скорость, обычно длились от нескольких месяцев до полутора лет, поэтому была предусмотрена смена дежурств. Кто-то бодрствовал положенное время, остальные погружались в анабиоз — ведь каждый хочет стареть на твердой земле, а не в кочующей среди звезд посудине. А чтобы дежурный не свихнулся от одиночества, в экипаж, как правило, включали пса. Когда-то Ролли бодрствовал непрерывно, но потом, щадя короткие собачьи годы, его все чаще стали погружать в анабиоз. Все обычно и естественно... Но надо же было такому случиться, чтобы в момент посадки, когда задание уже казалось выполненным наполовину, один из контуров энергоотсека внезапно замкнулся сам на себя...

Первые два дня, проведенные Рогульским в домике, были бесцветны и однообразны. Зато на третий, как будто специально для смены надоевших декораций, пошел снег — невиданный, роскошный, какой бывает лишь в боевиках о покорении ледяных миров. Пушистые хлопья, похожие на клочки растрепанной ваты, невесомо порхали в воздухе и, только слипшись десятками в сверкающие белизной комья, лениво опускались вниз.

«Вот это да! — думал Рогульский, надевая легкий прогулочный скафандр с подогревом. — Планетка-то, оказывается, не так скучна. Этот снегопад, по крайней мере, стоит того, чтобы заснять его голокамерой!»

Он вышел наружу и сразу же по щиколотку провалился в искрящийся под лучом прожектора снег — изумительно мягкий, почти неощутимый. Сделал несколько шагов и обернулся: нечеткие впадины его следов затягивались на глазах. Белые хлопья беспорядочно кружились в воздухе, ежесекундно прилипая к суперглассу шлема, и вскоре Рогульский уже почти ничего не видел. Он протер лицевой щиток, затем, немного поколебавшись, снял с правой руки перчатку. Словно ожидая этого, одна из пушинок, настоящая великанша, села ему на ладонь.

Рогульский поднес руку к глазам. Нет, это, разумеется, был не снег. Пушинка не холодила руку — напротив, казалась теплой, как крошечный мохнатый зверек. У нее было едва заметное центральное утолщение, от которого отходили во все стороны миниатюрные белые «зонтики» на тонких ножках. Это напоминало головку одуванчика, но не ровную, шаровидную, а какую-то всклокоченную.

Вторая пушинка спикировала сверху, коснулась первой и словно приклеилась к ней. Рогульский нагнулся, взял пригоршню «теплого снега», сжал в кулаке. Получился рыхловатый комок. На поверхность его выступила влага, но не вода, скорее — сок, прозрачный и немного липкий.

Он выбросил комок, вытер пальцы о бедро, достал голокамеру и, ловя наиболее интересные ракурсы для съемки, подумал: «Какой-то неизвестный орга-

нический полимер. Здешняя атмосфера, похоже, содержит активный слой, в нем происходят химические реакции и возникают такие вот чудеса.

«Снегопад» продолжался часа четыре. За это время искрящиеся сугробы поднялись чуть ли не до крыши домика. Рогульский велел роботам расчистить подступы к жилищу, но вскоре ему пришлось отменить приказание — «снег» начал таять. Сугробы теряли свое недавнее величие, приобретали грязновато-серый оттенок, покрывались крупными маслянистыми каплями, которые, сливаясь, струйками сбегали с ноздреватых боков и собирались лужицами в размякших ямках. С невообразимой, по земным меркам, скоростью бескрайнее белое покрывало расползлось, обнажая проплешины, залитые темной, тускло отсвечивающей под неярким солнцем жидкостью. Наконец исчезли последние пятна «снега». Но потопа, который можно было предположить, не получилось — к вечеру вся жидкость бесследно просочилась под камни.

На следующий день Рогульский снова вышел прогуляться. Теперь, желая поскорее привыкнуть к здешнему воздуху, шлема он не надел, но вскоре пожалел об этом — усилившийся холодный ветер хлестко бил по щекам и швырялся, стремясь попасть в глаза, мелкими камешками. Пройдя метров двести и засняв несколько танцующих над поверхностью пылевых воронок, он повернул к дому.

И тут кто-то налетел на него сзади, ударил небольшим, но сильным телом под коленки и сбил с ног.

Бывают моменты, когда поздно рассуждать и принимать решения, когда единственный способ сохранить жизнь — отдаться во власть безошибочных рефлексов. Упав на спину, он сделал молниеносный кувырок через голову, вскочил и тут же ударил ногой напавшего на него зверя. Удар пришелся вскользь, но темный лохматый клубок с визгом отскочил в сторону, и Рогульский глупо разинул рот — перед ним, жалобно скуля, вертелся... Ролли.

«Чушь, галлюцинация, — подумал он. — Отравился здешним воздухом... Ролли мертв. Я сам вынес его из корабля, опустил в первую попавшуюся ямку и забросал подвернувшимися под руку камнями. Помню, что очень торопился — дел еще было выше головы. Так кто же это? Фантом?»

Он присел на корточки. Недоверчиво, бочком-бочком, пес приблизился к нему и лизнул в нос.

«Это Ролли, — сказал себе Рогульский. — Пусть все медики на свете признают меня сумасшедшим, но это Ролли. И, значит...»

«Снег»! — словно выстрелило у него в голове. — Этот дьявольски красивый непонятный «снег» — он оживляет умерших! Или я признаю это, или мне остается выстрелить себе в лоб, потому что безумие хуже смерти... — Он машинально гладил пса, тычущегося мордой в его колени. — А что, не так уж глупо. Природа здесь скупа, но под камнями, возможно, скрываются какие-нибудь животные или растительные зародыши. Чтобы пробудить их к жизни,

необходим мощный катализатор — этот самый чудотворный «снег». Да, занятно... Но... если это так, то...»

«Жанна! — Сердце оглушительно бухнуло в груди. — Со следующим же «снегопадом» я смогу оживить Жанну! Если только это не бред отравленного мозга...»

— А-а! — простонала Жанна.

Рогульский склонился над ней:

— Что?

— Сон. Глупый и злой сон. Это ты, Сергей? Мы уже прилетели?

— Да. — Рогульский продолжал избегать многосложных фраз. У него отчаянно колотилось сердце, першило в горле, и он боялся, что, заговорив длинно, взволнованно и сбивчиво, раньше времени встревожит Жанну. Как будто эта оттяжка что-нибудь значила...

Жанна потянулась и открыла глаза. Увидев Рогульского, улыбнулась, затем огляделась по сторонам, и ее брови поползли вверх.

— Где это мы? Что случилось?

Рогульский молчал. Он был предельно измотан. Дождаться «снега», набрать в резервуар, дать растаять, поместить в образовавшуюся жидкость тело Жанны, сутки дежурить у физиодатчика, а потом, убедившись, что чудо, вопреки здравому смыслу, произошло, вынуть девушку из ванны, положить на кровать, одеть и ждать — нетерпеливо, в каком-то странном горячем ознобе ждать ее пробуждения...

— Что произошло? — Жанна медленно села в кровати. Видно было, что она еще очень слаба.

— Авария... — глухо произнес Рогульский. — Энергоотсек... На посадке... Я легко отделался, а ты... за тебя пришлось повоевать. Аппаратура вышла из строя... я две недели не мог вернуть тебя из анабиоза...

Глаза Жанны расширились:

— Какой ужас!.. А Виктор? Что с Виктором?

Рогульский молчал.

— Что с ним?! — Голос ее сорвался. Она помассировала горло и шепотом повторила:

— Что с ним? Сергей, не молчи, скажи, он жив? Ну, пожалуйста, Сергей...

Она постепенно отползала от него, сжималась в комочек, и только глаза, горящие надеждой, казалось, делались все больше и больше...

У Рогульского булькнуло в горле.

— Нет... — хрипло ответил он и вышел. В спину ему вонзился крик...

В комнату Рогульский вернулся через полчаса. Жанна все еще сидела на кровати, подтянув колени к подбородку. Глаза у нее припухли, она уже не могла плакать, но плечи все еще тихонько вздрагивали.

Он сел рядом и взял ее за руку.

— Постарайся прийти в себя. Мы оба были на волосок от гибели, но мы... но мы живы. А Виктор... У него была легкая смерть. Он не успел ничего почувствовать.

Жанна всхлипнула.

— Я хочу видеть его, — всхлипнула Жанна.

— Нет, — ответил Рогульский, глядя в пол. — Это не для твоих нервов. Я поместил его в консервант и запер в металлическом контейнере. Замок закодирован. Так надо, Жанна. Ты же знаешь, я всегда поступаю так, как надо. Доверься мне. Когда прилетит корабль, мы отвезем Виктора на Землю. Он наверняка хотел бы быть похороненным на родине...

— Сергей, — почти беззвучно сказала Жанна, — не будь таким жестоким. Дай мне попрощаться с ним.

— Нет. Пойми, ты же врач. Это будет слишком сильным эмоциональным потрясением. Преодолей, сломай себя. Прямо сейчас. Потом будет легче. Ну, обругай меня. Ударь, в конце концов, только не...

Глаза Жанны на мгновение вспыхнули, она резко и, видимо, не отдавая себе отчета, вскинула маленький кулачок, но тут же из нее словно вынули невидимый стержень, она обмякла и, уткнувшись лицом в грудь Рогульского, заплакала навзрыд.

Он гладил ее по голове, и щека у него судорожно дергалась. Есть, конечно, люди, с полной безучастностью принимающие чужую боль, но их не так много, это целое искусство — уметь заковать свое сердце в абсолютно непроницаемый панцирь. Искусством подобного рода Рогульский владел плохо, каждый всхлип Жанны резал его душу по живому, он на пределе сил боролся с самим собой — тем Рогульским, который готов был завопить: «Не верь мне! Я подлец! Не верь мне!..»

И он одолел его — свое лучшее, совесть, казнящееся «я», усилием воли отшвырнул с пути, замуровал в потаенный тупичок сознания. И сразу почувствовал себя сильным.

— Жанна, послушай меня... Тебе обязательно надо поесть. Сейчас я что-нибудь приготовлю. Приходи, когда сможешь. Я буду ждать.

...Она почти ничего не ела, только все пила горячий чай.

— А теперь поспи, — сказал Рогульский. — И ни о чем не думай. Абсолютно ни о чем. Завтра тебе будет легче.

Жанна поднялась — бесшумно, как тень, и прошептала:

— Сергей, проводи меня. Мне страшно...

...Волосы Жанны стекли с груди Рогульского и мягкими подрагивающими волнами разметались по подушке. Он взглянул на девушку. Ее глаза, выплаканные до дна, были сухи, лицо заострилось и сделалось еще бледнее.

— Спи. Почему ты не спишь?

Жанна нашла под одеялом его руку и сжала ее.

— Сергей... — Она смотрела вверх, как будто, опустошенная сумасшедшей вспышкой своей необъяснимой, воспаленной страсти, была не в силах повернуть голову. — Как хорошо, что ты есть... Я бы не выдержала одна. Есть предел, за которым...

— Не надо, — покачал он головой. — Спи.

Жанна, казалось, не слышала его и продолжала:

— Я была уже на краю. Еще немного — и туда... вниз... на дно...

Рогульский молча кусал губы.

Он был неизмеримо богат — и в то же время нищ. Женщина, которую он боготворил, сама мысль об обладании которой пронизывала тело неумемной сладостной дрожью, отныне принадлежала ему. Но это была победа, равнозначная поражению. Рогульский понимал, не мог не понимать, какая сила бросила Жанну в его объятия. Он был для нее той самой банальнейшей спасительной соломинкой, за которую хватаются, падая в бездну, единственным средством избежать безумия и вновь — пусть наскоро, не добиваясь навсегда утерянного совершенства — собрать по осколкам мир, разлетевшийся вдребезги со смертью Виктора.

«Слишком быстро это произошло, — думал Рогульский. — Мгновенный безотчетный порыв толкнул Жанну мне навстречу. Но в любое время она может с той же легкостью отшатнуться от меня. Я должен был преодолеть себя и проявить сдержанность. Дать Жанне время свыкнуться с утратой, осознать, что мир изменился бесповоротно, чтобы она медленно — это самое главное! — постепенно и безболезненно поместила меня в центр нового мира, в котором так или иначе придется жить. Значит, проявить сдержанность... — Он внезапно обозлился. — Черт, ведь я же не робот, не шахматная машина, просчитывающая ходы! Как это просто — докатиться до вычислений, в какой день удобнее переспать с женщиной, чтобы понадежнее привязать ее к себе! Видимо, самое страшное оружие человека — это логика. С ее помощью можно разрушить, низвести до примитивного уровня все. Абсолютно все».

Он потянулся к Жанне, обнял ее... и едва удержался, чтобы тут же не отстраниться. Тело ее, еще несколько минут назад мягкое и податливое, впитывающее ласки каждой клеточкой кожи, вновь напряглось, как взведенная пружина. Оно опять не принадлежало ему...

Прошли три дня, трудно отличимых друг от друга. Рогульский возился с роботами, Жанна переоборудовала уголок дома под лабораторию — многие нужные ей приборы удалось починить — и изучала местные растения. Их уже было много, твердые буроватые ростки буквально на глазах проклевывались сквозь камень, и только Рогульский знал тайну этого неудержимого роста. Угрюмое

плато оживало. Казалось, скоро стелющаяся поросль покроет его сплошным упругим ковром, на котором затем — дай только срок! — распустятся невиданные цветы.

Днем Жанна почти не общалась с ним, выглядела отчужденной и деловой, но ночью они, словно кто-то свыше predetermined этот жесткий, неумолимый порядок, вновь оказывались в одной постели. И опять Рогульского терзали перемежающиеся приступы надежды и отчаяния...

А на четвертый день пошел «снег». Жанна заворуженно, как ребенок, впервые попавший в городок аттракционов, смотрела на танцующие за окном хлопья, затем всплеснула руками и стала натягивать скафандр. Предлога удержать ее Рогульский не нашел, и в груди у него заныло. «Снег», сослуживший однажды неоценимую службу, был теперь помехой, коварной миной, грозящей взорвать хрупкое равновесие, установившееся в их крошечном мире для двоих.

Жанна не возвращалась долго, невыносимо долго. Наконец она появилась — с полными пригоршнями «снега». За ней, разгоряченный, счастливо повизгивая, вбежал Ролли.

— С ума сойти! — сказала Жанна. — Сергей, он теплый! Просто чудо какое-то! — Она положила «снег» на импровизированный лабораторный столик и стала снимать скафандр. — Сейчас мы узнаем, из чего состоит эта диковина!

— Узнавай. А я немного пройдуся, — хрипло произнес он и поднялся.

— Конечно, конечно, — отозвалась Жанна, усаживаясь за столик. — И обязательно прихвати голокамеру!

Рогульский бесцельно бродил вокруг дома, взрывая ногами «снег». Рядом прыгал и кувыркался обалдевший от избытка впечатлений Ролли. «Все обойдется, — тупо стучала в голове одна-единственная мысль. — Все еще обойдется...»

— Сергей! — хлестнул по ушам крик Жанны, и он резко обернулся.

Она выросла перед ним — тонкая, напряженная, как тетива. Шлема на ней не было, и волосы, облепленные «снегом», трепетали на ветру, словно жили своей обособленной жизнью.

— Ты! — выкрикнула Жанна. — Я все поняла! Этот «снег»... катализатор... ты оживил меня, я была мертвой, мертвой, мертвой!!!

Казалось, с ней вот-вот случится истерика.

— Успокойся, Жанна, — сказал Рогульский. — Все не так...

— Ложь! Ты оживил меня. Иначе быть не могло. Я только сейчас поняла, как ты стал чудотворцем. Анабиозная ванна или действует, или нет, и тогда — смерть! Ты оживил меня, а Виктор... — Она словно захлебнулась словом «Виктор».

— Постой, я сейчас все объясню.

Глаза Жанны сузились.

— Я сама объясню. Ты хладнокровно оставил Виктора. Его ванна не могла пострадать больше моей. Ты сделал это намеренно, потому что... потому что... — Она запнулась.

Рогульский посмотрел ей прямо в глаза.

— Да! Ты угадала. Я сделал это. Но не хладнокровно. Ты представить себе не можешь, чего мне это стоило. Я всегда любил тебя, Жанна, с той самой минуты, когда впервые увидел. Тебе не надо объяснять, что такое любовь, но у меня это было не так. Больнее, во сто крат больнее. Ты жила в сладостном полусне, а я... Это была пытка, растянувшаяся на годы. Я не мог преодолеть себя, ты должна это понять. Должна!

Лицо Жанны было страшным.

— Код, — тихо, почти не разжимая губ, произнесла она.

— Что?

— Код, негодяй! — взорвалась Жанна. — Код от контейнера, где ты спрятал Виктора! И не вздумай сказать, что ты солгал и на этот раз. Если ты это скажешь... если скажешь... — Она сжала губы так, что они побелели.

Рогульский молчал. Он представил себе встречу с Виктором, вернувшимся из небытия. Как посмотреть в глаза человеку, которого ты собственноручно вычеркнул из списка живых, словно ненужный предмет из чересчур длинного и скучного перечня? Как жить с ним под одной крышей, разговаривать, совместно работать? Даже Иуда, ставший для многочисленных поколений синонимом эталонного, обнаженного в своей гнусности предательства, недолго тешился вожделенными сребрениками. Неподъемная глыба совести, которую он собирался шутя снести на своих плечах, раздавила его...

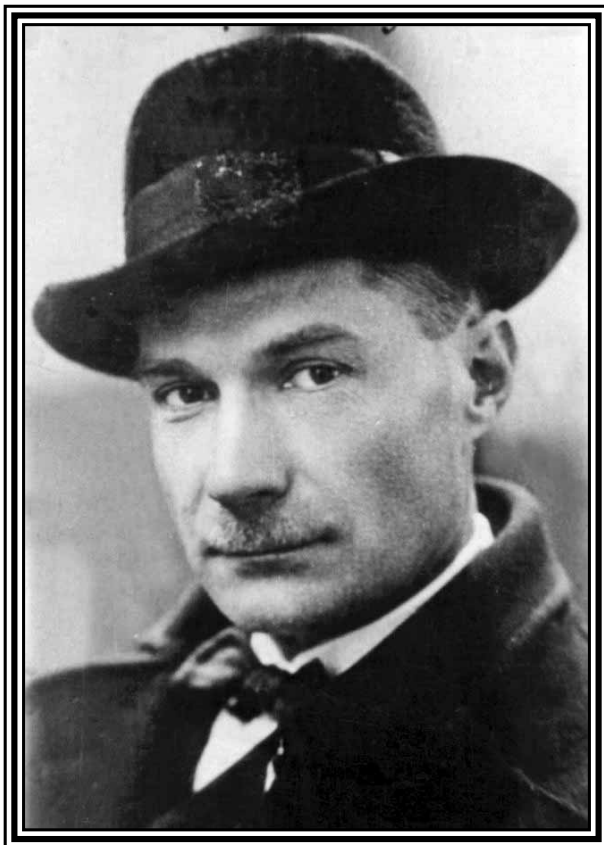
— Ну! — Голос Жанны требовательно напомнил ему о необходимости на что-то решиться. Вариантов было два, но вряд ли кто-нибудь захотел бы сейчас оказаться на месте Рогульского, чтобы справиться с этой простенькой дилеммой.

— Код E330A, — отрывисто произнес он и, повернувшись, зашагал прочь. Даже не взглянув на него, Жанна бросилась туда, где призрачно белела припорошенная «снегом» громада корабля. Блаженный дурачок Ролли потрусил следом.

...Рогульский стоял на краю расщелины, которую обнаружил еще в тот первый, трагический день. Противоположный, зазубренный край сахаристо поблескивал шагах в двадцати от него, но сделать эти шаги не удалось бы никому. Минут пять он стоял неподвижно, и ветер швырял в него «снегом», обряжая в белый саван. Наконец зашевелился, непослушными руками отцепил от пояса скафандра лазерный резак, предназначавшийся для сбора минералов, и поднес к виску прыгающее дуло...

Через несколько мгновений со стороны корабля, из-за клубящейся «снежной» завесы, раздался надрывный, холодящий душу собачий вой... □

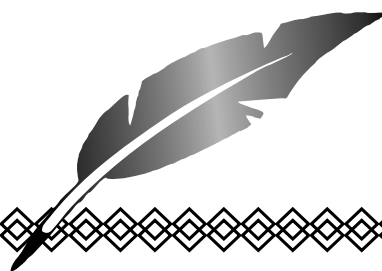

Евг. Замятин.

Юрий Осипов

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

**«СЛУЖИТЬ
БОЛЬШИМ
ИДЕЯМ»**

Писатель и инженер-кораблестроитель, Евгений Замятин всю жизнь мечтал «служить большим идеям без прислуживания маленьким людям». Это — фраза из письма Замятина к Сталину 1931 года, в котором он горячо просил вождя выпустить его за границу.

Эмиграция, тем не менее, не стала для писателя серьезным побудительным мотивом к творчеству. Мало того, в 1934-м он, проживая во Франции, но не отказавшись от советского гражданства, заочно вступил во вновь созданный Союз писателей СССР и до конца жизни (Замятин умер в Париже в 1937-м) сохранил слепую, всепоглощающую преданность революции. Притом, что остался в истории литературы и в благодарной памяти читателей автором первой полноценной художественной антиутопии — романа «Мы», произведения поистине взрывной силы, выносящего суровый приговор диктаторскому режиму, который нивелирует человеческую личность и калечит души людей.

Первоначальная слава романа оказалась международной, в России «Мы» были полностью напечатаны лишь в 1988 году в журнале «Знамя». Первая публикация замятинской антиутопии на русском языке

появилась в Чехии, а на английском — в 1925 году в Нью-Йорке. За это писатель вместе с еще одним «тамиздатовцем» Б. Пильняком был подвергнут на родине серьезным гонениям. И даже в подобных условиях продолжал исповедовать радикальные идеалы юности.

В этом фантасмагоричном произведении, которое автор называл своей самой серьезной и, вместе с тем, самой шутилой книгой, есть что-то булгаковское. И вот интересное совпадение: Замятин умер в один день с Булгаковым, 10 марта, только на два года раньше...

Ничем не примечательное детство и отрочество будущего писателя, кинодраматурга и кораблестроителя, родившегося в феврале 1884 года в семье священника и пианистки, прошло на Тамбовщине. Начальное образование он получил в Лебединской гимназии, а окончил с золотой медалью уже Воронежскую. И продолжил учебу на кораблестроительном факультете Санкт-Петербургского политеха. «В гимназии я получал пятерки с плюсом за сочинения и не всегда легко ладил с математикой, — писал Евгений Иванович в «Автобиографии». — Должно быть, потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое...»

Тогда же юноша увлекся социалистическим учением, вступил во фракцию большевиков РСДРП. В годы Первой русской революции и последующие являлся членом боевой рабочей дружины Выборского района северной столицы и принимал активное участие в жизни революционно настроенной студенческой молодежи. Там же встретил свою будущую жену — Людмилу Усову. И —

впервые был арестован, провел несколько месяцев в одиночной камере и выпущен благодаря ходатайствам матери.

Летом того же рокового 1905-го года он совершил длительное морское путешествие в Константинополь, Смирну, Бейрут, Порт-Саид, Яффу, Александрию, Иерусалим. Полученные в плавании впечатления и наблюдения за пестрой жизнью Востока пригодились ему впоследствии в литературном творчестве. Домой он возвращался через Одессу, где стал свидетелем восстания на броненосце «Потемкин», и вскоре вновь подвергся аресту, после чего был выслан в Лебединь, но тайком вернулся в Петербург и вплоть до 1911 года находился на полулегальном положении.

Вот такая пестрая, изобилующая отважными приключениями и борьбой биография, не заслоняющая, однако, начавшуюся писательскую карьеру Замятина и его успешную работу инженером-кораблестроителем.

В 1908 году, окончив институт, он написал свой первый рассказ —

«Один». Вскоре второй — «Девушка», продолжая преподавать на кораблестроительном факультете политеха.

И все же полиция добралась до него. В 1911 году за незаконное проживание в Петербурге Евгения Ивановича выслали в Лахту. В результате появилась первая замятинская повесть «Уездное», которая принесла ему известность после публикации в авторитетном петербургском журнале «Заветы» под редакцией критика Р. Иванова-Разумника.

В этой повести автор изобразил косную, застывшую провинциальную жизнь, чей символ — жестокий обыватель Анфим Барыба, уподобленный писателем «старой воскресшей курганной бабе, нелепой русской каменной бабе». «Уездное» получило высокую оценку Горького, Ремизова, Пришвина. Критики находили в повести мотивы, схожие с «Мелким бесом» Ф. Сологуба, писали о безжалостной правдивости Замятина и, вместе с тем, отмечали его симпатию к человеку «грязному, пришибленному, даже одичавшему». Сам Замятин относил свою прозу к направлению, пророчески названному им «неореализмом» (как тут не вспомнить будущие замечательные фильмы итальянского неореализма!).

Следующей повестью «На куличках» (1913) набирающий силу инженер и писатель уже прочно утвердился в литературе. И при этом был привлечен к суду за антивоенный дух повести, героями которой выступили

не только дальневосточные офицеры и солдаты, но и вся «загнанная на кулички Русь». Номер журнала с повестью Замятина был конфискован полицией. Видный советский литературный критик В. Воронский полагал, что «На куличках» — яркая художественная сатира, «делающая понятным многое из того, что случится потом, после 1914 года».

Суд судом, а высококвалифицированный морской инженер Евгений Замятин продолжал служебные поездки по России и в 1916 году был командирован в Великобританию представителем заказчика при строительстве первых русских ледоколов на верфях Ньюкасла, Глазго и Сандерленда. Довелось ему побывать и в Лондоне. Контраст, как он писал, между «малинниками и лопухами Лебедяни и грохочущими доками Нью-Кастла» был разителен. Писатель превратился в англомана, выучил английский язык, обзавелся трубкой, стал подтянутым, элегантным и подчеркнuto вежливым.

При нем был спущен на воду ледокол «Святой Александр Невский», для которого Замятин делал аванпроект. Не забывал он во время длительной командировки в туманный Альбион и литературу. Под впечатлением тамошней жизни тогда же были написаны повести «Островитяне» и «Ловец человеков», которая представляет собой тонкую сатиру на английский быт. А еще — начата повесть «Север», навеянная

воспоминаниями автора о северной ссылке. Ее он закончил и опубликовал в 1922 году в «Петербургском альманахе» Гржебина, издававшегося в Берлине.

На родину Евгений Иванович вернулся накануне Октября и принял социалистическую революцию с большим энтузиазмом, связывая с ней творческие надежды. Поначалу они вроде бы стали сбываться. Вышла запрещенная ранее повесть «На ку-

бран членом Правления Всероссийского Союза писателей (позднее став председателем его ленинградского отделения), вошел в Комитет Дома литераторов и Совет Дома искусств. Кроме того, участвовал в работе редколлегии организованного Максимом Горьким издательства «Всемирная литература» и в издании независимого литературно-художественного журнала «Русский современник».

Евгений Иванович принял социалистическую революцию с большим энтузиазмом, связывая с ней свои творческие надежды. Поначалу они вроде бы стали сбываться. Вышла, наконец, запрещенная ранее повесть «На куличках», в петроградском Доме искусств им был организован класс художественной прозы, из которого позже выделилась часть молодых, одаренных писателей, объединившихся в группу «Серапионовы братья». Кроме того, Замятин был избран членом правления Всесоюзного Союза писателей, участвовал в работе редколлегии организованного Максимом Горьким издательства «Всемирная литература».

личках». В легендарном петроградском Доме искусств Замятиным был организован класс художественной прозы, из которого затем выделилась часть молодых одаренных писателей, объединившихся в группу «Серапионовы братья». Это были Михаил Зощенко, Константин Федин, Вс. Иванов, Николай Тихонов, Вениамин Каверин и некоторые другие.

Активно включился Замятин и в литературно-общественную жизнь молодой Страны Советов: был из-

Вся эта бурная разносторонняя деятельность Замятина происходила в период с 1918 по 1924 годы. Подспудно же, в 1920-м писатель закончил знаковый роман «Мы», где с пугающей наглядностью вывел будущее общество жестокого тоталитарного контроля правящей верхушки за личностью. По мысли Замятина, сам по себе технический прогресс, не подкрепленный нравственным и духовным развитием людей, грозит «вытеснить человеческое в человеке».

Причем замысел своей антиутопии автор вынес как раз из «машинизированной» Англии. Действительность же новой России навела его на образный прогноз того, к чему может привести эпоха «военного коммунизма». И именно это, разумеется, было поставлено ему в вину.

Злоключения писателя, связанные с его главным произведением, начались после того, как в 1921 году он отправил рукопись романа в Берлин, в издательство Гржебина, с которым был связан договорными отношениями. Издательство, в свою очередь, послало копию романа в США для перевода и публикации на английском языке. В Нью-Йорке «Мы» вышли в 1925 году, потом были переизданы на чешском и французском языках. Эти переводы замятинской антиутопии заметно повлияли на европейскую литературу. Именно под влиянием замятинского романа написали свои знаменитые антиутопии Дж. Оруэлл и О. Хаксли, К. Воннегут, Р. Бредбери и В. Набоков (роман «Приглашение на казнь»).

На судьбу самого автора его знаменитое произведение оказало роковое влияние. Троцкий заклеил его как внутреннего эмигранта. В 1922-м имя Замятина было включено в списки на высылку из Советской России, после чего его арестовали с резолюцией «высылка отсрочена до особого распоряжения». Почти месяц писатель провел во внутренней тюрьме ГПУ и был освобожден благодаря стараниям влиятельных друзей.

Далее, по мере роста популярности замятинского романа за рубежом и несмотря на занимаемое автором положение, гонения на него усиливались. Апофеозом травли стала приостановка на четвертом томе выпуска собрания сочинений писателя в 1929 году. Подавленный огульной критикой и травлей, Евгений Иванович подал в том же году заявление о выходе из Союза писателей, а два года спустя обратился в письме к Сталину с просьбой разрешить ему выезд за границу. По ходатайству М. Горького разрешение было дано (вспомним, что автору «Мастера и Маргариты» в той же просьбе Генсек отказал).

Идея совместного счастливого человеческого общежития, всеобщего братства издавна привлекала мыслителей. Ее чудовищному извращению в некоем тоталитарном обществе приблизительно 32-го века и посвящен роман Замятина «Мы». Всякого рода творческая фантазия в этом обществе под запретом, и управляется оно «избираемым» на безальтернативной основе «Благодетелем».

Роман написан в форме дневника одного из главных персонажей гипотетического общества будущего, гениального математика и участника создания последнего достижения тамошней технической мысли — грандиозного космического корабля «ИНТЕГРАЛ», предназначенного для визита на другие планеты.

В романе показано, что бездушное государство, которое ввело при-

нудительный «сексуальный час» и систему «детоводства», все же не смогло полностью вытравить в собственных гражданах все человеческое. Так, там по-прежнему существует привязанность людей к своим близким, пусть и обезличенным номерами вместо имен и фамилий.

Революционеры готовят неслыханный по дерзости план — захватить только что построенный «ИНТЕГРАЛ» и направить сопла его двигателей на столицу государства. В ответ диктаторский режим «Благодетеля» подвергает все население «Великой операции» психоматической процедуре при помощи «Х-лучей» по удалению мозгового «центра фантазии». Прошедшие операцию фактически становятся биологическими машинами, словно после лоботомии. В финале выясня-

ется, что даже всемогущий «Благодетель», удостоивший аудиенцией героя романа, в сущности, такой же раб системы Единого Государства, как любой другой...

Роман «Мы» заканчивается следующим выразительным пассажем:

«...Вечером в тот же день — за одним столом с Ним, с Благодетелем — я сидел (впервые) в знаменитой Газовой комнате. Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась... Затем ее ввели под Колокол. У нее стало очень белое лицо... Когда из-под Колокола стали выкачивать воздух, она откинула голову, полузакрыла глаза, губы стиснула... Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла, — смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза — и она все-таки не сказала ни слова...»

«Настоящая литература может быть только там, где ее делают не благодусшные и исполнительные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунта-

ри, скептики». Слова из статьи Замятина «Я боюсь» стали его писательским кредо. И роман «Мы» оказался художественным воплощением этого кредо.

«Замятин — блестящий стилист, оказавший сильное влияние на многих русских писателей, — справедливо замечал один из критиков. — Он писал в стиле "орнаментальной" прозы А. Ремизова, доведя ее до

увозил рукопись «Аттилы» (второе название: «Бич Божий»), неоконченного романа о закате Римской империи, над которым продолжал работать до самой смерти в 1937 году от разрыва сердца.

Роман повествует о детстве и юности будущего вождя гуннов, которого отправляют заложником в Рим, и строится на противопоставлении «живущего» мира средневе-

---

Живя с 1932 года с женой в Париже, Замятин не отказывался от советского гражданства, питая надежду вернуться на родину. В эмиграции он терпел острую нужду, для заработка писал киносценарии, мемуарные очерки, а еще вплотную занимался исторической эпопеей «Скифы», но успел написать только ее первую часть...

сатирического, часто гротескного сюрреализма, который называл неореализмом.(!) В стремлении Замятина к ясным повествовательным структурам и математическим метафорам сказалось его инженерное образование».

Последующие произведения писателя, в том числе несколько пьес, не были допущены советской властью к отечественной публике. Примечательно, что замятинские произведения, начиная с конца 50-х, продолжали распространяться в самиздате, а сам он в последние годы жизни познал бедность и одиночество второй волны русской эмиграции. В Париж Евгений Иванович

ковых варваров и «умирающего» мира античной западной цивилизации. «Меня очень занимает столкновение гибнущей, одряхлевшей римской цивилизации и варварского, молодого Востока — гуннов», — писал Замятин известному драматургу и киносценаристу С. Ярмолинскому.

К 1928 году писатель закончил работу над трагедией в четырех действиях «Аттила» о нашествии полчищ варваров на Рим. Пьесу высоко оценил Максим Горький, и она была уже заявлена в театральных афишах, когда в пражском журнале, без ведома автора, в переводе с английского вышел роман «Мы», запрещенный в СССР цензурой. Немед-

ленно развернулась широкая и яростная травля Замятина: его книги перестали печатать, остановился выпуск собрания сочинений, снимались с репертуара постановки успешных замятинских пьес, а готовившуюся премьеру «Аттилы» отменили...

Живя с 1932-го года с женой в Париже, Евгений Иванович не отказывался от советского гражданства, питая надежду вернуться на родину. В эмиграции он терпел острую нужду, для заработка писал киносценарии, мемуарные очерки, но, главным образом, занимался исторической эпопеей «Скифы». Замысел ее состоял из четырех частей: «Империя и ОН», «Дневник историка Приска», «Бич Божий» и «Судьба. Венец». Закончить автор успел только первую часть, которая теперь издается в виде повести под названием «Бич Божий» (так на Западе называли Аттилу).

«Западная культура, — пояснял Замятин о замысле «Скифов», — поднявшаяся до таких вершин, где она уже попадает в безвоздушное пространство цивилизации, — и новая буйная, дикая сила, идущая с Востока, через наши, скифские, степи. Вот тема, которая меня сейчас занимает, тема наша, сегодняшняя — и тема, которую я слышу в очень как будто далекой от нас эпохе».

Между тем отношение к Замятину в Советском Союзе начало понемногу теплеть. В 1934-м его заочно приняли во вновь созданный Союз писателей. Год спустя он уже входил в состав советской делегации на ан-

тифашистском Конгрессе в защиту культуры. В 1936-м готовился приступить к работе над второй частью исторической эпопеи. Но... в 1937-м внезапно скончался...

Во вступительной статье к изданию первой части эпопеи «Бич Божий» М.Слоним писал: «Еще летом 36-го он говорил о том, как отчетливо представляется ему вторая часть «Аттилы» и как быстро он ее напишет. Многочисленные заметки, отрывки, варианты и сцены позволяют судить о глубине и размахе этого замысла: тут и картина Константинополя, и описание Рима и Византии, и изображение гуннов и славян, и психологические портреты императоров, полководцев и поэтов».

Материальные трудности и одиночество — вот удел большого русского писателя Евгения Замятина в эмиграции. Как отметил Ремизов, «Он приехал с запечатанными устами и запечатанным сердцем». Сценарий в соавторстве с классиком киноэкрана Ж. Ренуаром по горьковской пьесе «На дне» и несколько статей для французских журналов исчерпывают его «побочное» творчество ради хлеба насущного.

Несмотря на «полупрощение» и «полупризнание» на родине, о смерти автора «Мы» советская пресса фактически промолчала. Месть партийных вождей за то, что автор посмел отправить на Запад для публикации свой нашумевший роман, преследовала его еще долгие десятилетия...

Печально сознавать, что, подобно Булгакову и Бабелю, Замятин является собой пример возможного расцвета нашей литературы в послеоктябрьский период, если бы творческие независимость, смелость и яркая индивидуальность этих удивительных мастеров не были так безжалостно растоптаны сталинской диктатурой. Последствия, увы, оче-

видны. Но, даже вернувшись к нам на исходе перестройки, главное произведение Евгения Замятина продолжает волновать читателя, в образной форме разоблачая конформизм, окаменение и энтропию коллективного мышления. Роман гротеск, роман-предостережение, которому, конечно же, суждена еще очень долгая жизнь.

Из первых рассказов Евгения Замятина

ОДИН

В этом рассказе не появляются на сцене никакие в бозе почившие высокие особы. Мой скромный герой Семен Зайцер — или, если угодно, товарищ Зайцер — благополучно здравствует по сей день и проживает все там же, в доме № 7 по Караванной улице в Ленинграде. И, тем не менее, — это рассказ исторический, ибо описываемые здесь происшествия случились в ту романтическую эпоху, когда время в России считалось еще на года, а не на пятилетки, когда водка была объявлена буржуазным ядом и жаждущие забвения пили одеколон, когда в синей морозной пустыне петербургских улиц всю ночь щелкали выстрелы, когда веселые бандиты отпускали домой прохожих в одном воротничке и галстук, когда лучшим подарком любимой девушке был перевязанный ленточкой фунт сахару, когда всего за один воз дров товарищ Зайцер приобрел свои знаменитые золотые часы.

Зайцер был великий человек: он заведовал заготовкой дров для замерзающего Петербурга, он подписывал дровяные ордера, он согревал людей, как солнце, — круглый, рыжий, сияющий. И если вы осмеливались когда-нибудь смотреть на солнце, вы заметили, вероятно, что у него не только сияющий, но как бы несколько ошеломленный своим собственным сиянием вид. Именно такое самоудивление было на лице товарища Зайце-

ра: брови у него всегда были выразительно вздернуты вверх, как будто он до сих пор никак не мог поверить, что он, Зайцер, вчерашний портновский подмастерье в городе Пинске, сидит теперь в собственном служебном кабинете, что в его распоряжении находится секретарша Верочка, что у него в жилетном кармане лежат золотые часы, что...

Впрочем, раскроем лучше все карты сразу и, не тратя драгоценных строк, скажем прямо, что вышеупомянутый фунт сахару с розовой ленточкой был преподнесён именно товарищем Зайцером секретарше Верочке, и что золотые часы были им приобретены тоже ради Верочки — в качестве противоядия серебряному кавказскому поясу, на днях появившемуся на тонкой талии товарища Кубаса, секретаря коммунистической ячейки и редактора стенной газеты в зайцерском учреждении.

Но Верочка — увы! — не замечала знаменитых золотых часов. Товарищ Зайцер уже несколько раз щелкал крышкой, он положил часы перед собой на грудку бумаг, а Верочка по-прежнему рассеянно смотрела в окно на медленные хлопья снега. Товарищ Зайцер, наконец, не выдержал и сказал:

— Слушайте, товарищ Верочка, вы видели такие часы, а? Так я вам скажу, что вы — нет, не видели!

Он сверкнул в воздухе часами, сунул их в жилетный карман — и Верочка сейчас же услышала как бы исходившую из недр самого Зайцера нежнейшую феиную музыку и затем серебряный звон: девять. Зайцер, сияя, объяснил, что, стоит только незаметно нажать в часах «вот здесь, на ихний, так сказать, животик, — и вы уже имеете и музыку, и время!» Верочке сейчас же захотелось попробовать самой — можно? Боже мой, ну что за вопрос! Ну, конечно!

Верочка подошла к товарищу Зайцеру и стала нащупывать рукой скрытую в его груди (точнее — в жилетном кармане) музыку. Совсем близко перед глазами Зайцера была ее шея, ее обнаженная до локтя рука. Верочка была вся чуть позолочена, она вся была покрыта тонким золотым пушком, она была слегка меховая — и может быть, именно это-то в ней и было то самое, что могло свести с ума хоть кого. Когда Верочка нашла, наконец, часы и надавила на них рукой, это было так, как будто она тихонько сжала в руке сердце товарища Зайцера. Его пойманное сердце забилося, он решил: как только часы кончат свою музыку — он немедленно скажет Верочке то, что давно уже хотел сказать, но все никак не мог набраться храбрости.

Очень вероятно, что он и в самом деле сказал бы, если бы в этот момент в кабинет не вошел товарищ Кубас. Верочка, покраснев, выпрямилась, Зайцер зашуршал бумагами, ядовитый змеиный хвостик улыбки мелькнул и спрятался в углу губ товарища Кубаса. Он нарочно помедлил секунду и затем подсушенным официальным тоном заявил, что товарищ

Вера должна быть сегодня откомандирована для составления очередного номера стенной газеты. Зайцер приветливо улыбнулся:

— Дорогой товарищ Кубас, вы же забываете, что сегодня вечером у нас заседание, и я должен продиктовать моей (подчеркнуто) секретарше доклад о весенней кампании по заготовке дров. Товарищ Вера, принесите сюда свою пишущую машинку, я вас прошу...

Верочка вышла. Снимая чехол с машинки, она слышала сквозь дверь кабинета, как голоса там становились все громче, как они поднялись до крика. «Без нее я не могу выпустить стенгазету! Вы срываете работу по политическому воспитанию трудящихся!» — кричал Кубас. «А вы суете свою палку в колесо отопления красной столицы!» — кричал Зайцер.

Верочка знала, что именно от нее зависит политическое воспитание трудящихся и отопление красной столицы. Но она до сих пор не могла понять своего сердца: кто — товарищ Зайцер или товарищ Кубас? Зайцер — уютный и теплый, у него и дрова, и часы, и квартира (не комната, а целая квартира!). У Кубаса — перетянутая серебряным поясом тонкая талия, острые птичьи глаза, с ним страшновато, но... Что «но», Верочке было неясно. Ясно было только одно, что срок пришел, что если не сейчас — там, в кабинете, — то сегодня вечером, ночью, завтра утром все должно было, наконец, как-то разрешиться. Но как? Как — чтобы не пришлось потом жалеть о сделанной ошибке? Верочка вздохнула, своими пушистыми руками осторожно подняла тяжелую, как судьба, машинку и понесла ее навстречу роковым решениям в кабинет.

— Сидите, прошу вас, — сказал Верочке Зайцер. — Я сейчас буду вам диктовать.

— Ах, так? Очень хорошо! — товарищ Кубас клюнул Зайцера глазами и вышел.

Верочка положила руки на клавиши. В тишине было слышно, как тяжело дышал Зайцер. Он смотрел на ее руки... За окном падал пушистый снег.

— Да... Так вот, значит, — весна, — сказал Зайцер.

— Весна? — удивилась Верочка.

— Если я говорю, что весна, то, значит, да, весна. Пишите: «К началу нашей весенней кампании...»

Товарищ Зайцер, наперекор стихиям, был прав. Вы думаете, что весна — это розовое, голубое и соловьи? Сентиментальный предрассудок! На снежной поляне два вчера еще пасшихся рядом оленя вдруг кидаются один на другого из-за оленьей девушки — это весна. Вчера еще смиренные, как олени, люди сегодня становятся героями и окрашивают снег своей кровью — это весна. Цвет весны не голубой, не розовый, а красный — опасности, страсти, лихорадки, сражения.

Вечернее заседание в зайцеровском кабинете было сражением, вернее, поединком. Верочка лихорадочно стенографировала выстрелы — иначе нельзя было назвать реплики, которыми обменивались противники. Каждый пункт в докладе Зайцера Кубас осыпал двадцатидюймовыми цитатами из Ленина. Каждый куб дров становился чем-то вроде знаменитого «дома паромщика» в марнских боях.

— Слушайте, товарищ Кубас, этак мы и к утру не кончим! — не выдержал председатель.

Чтобы не компрометировать себя капиталистическим блеском золота, Зайцер еще в начале заседания положил свои часы в ящик письменного стола. Теперь он незаметно выдвинул ящик, взглянул: двенадцать. Уже замолкли звонки последних трамваев, уже вышли на промысел ночные бандиты, когда, наконец, началась баллотировка. Верочка в лихорадке подсчитывала голоса: она знала, что голосуются не кубические метры дров, но человеческие сердца.

Десять голосов против одного. Этот один, разбитый наголову, туго стянув свой серебряный кавказский пояс, ушел, не прощаясь ни с кем. И, разумеется, счастливый победитель — Зайцер — отправился провожать Верочку домой.

Чуть сияющие снегом ущелья улиц были темны и пусты: нигде ни души, ни единого огонька в черных окнах. Если бы товарищ Зайцер был теперь в этой пустыне один, он, может быть, шел бы на цыпочках, чтобы не было слышно скрипа его сапог на снегу, он, вероятно, шарахнулся бы от первого встречного в сторону, он, конечно, пустился бы бежать во всю прыть. Но сейчас, когда где-то впереди мелькнул выстрел, и теплая рука Верочки вздрогнула в его руке, Зайцер только засмеялся:

— Ну и что? Пусть себе стреляют, я же с вами.

Это был новый, героический Зайцер. Этому Зайцеру даже хотелось, чтобы случилось что-нибудь страшное, он ничего не боялся. Кроме только одного: предстоящего сейчас объяснения с Верочкой. Боже мой... как, с чего начать? Начать — это страшнее всего.

Зайцер неистово крутил пуговицу своего пальто, как будто она-то и мешала ему раскрыть рот. Пуговица, наконец, оторвалась, Зайцер заговорил:

— Я вам хочу сказать, Верочка, одну вещь...

«Вот оно!» Верочкина рука вздрогнула, как недавно от выстрела.

— Какую вещь? — спросила она, хотя отлично знала — какую.

— У моей мамы — кошка вчера окотилась, — выпалил Зайцер.

Верочка в полном недоумении посмотрела на Зайцера. Зажмурив глаза, он продолжал умиленным, теплым голосом:

— ...Знаете, лежит и себе поет, и семеро котят. Я смотрю и говорю: «Ой, Семен, ты тоже мог бы петь, как эта счастливая семейная кошка...»

По-видимому, Верочка слишком живо вообразила товарища Зайцера в счастливом положении семейной кошки: ямочка на правой щеке у нее задрожала, она закрыла рот рукой. Зайцер увидел это и понял: она сейчас вслух засмеется — и тогда погребло все... Он в ужасе ждал этого смеха, как в романах Толстого герои ждут взрыва крутящейся бомбы, и вдруг почувствовал, что пальцы Верочки крепко стиснули его руку, она вся прижалась к нему. Зайцеру захотелось неистово закричать от счастья. Он нагнулся к Верочке ближе...

— Да смотрите же! — испуганно шепнула ему Верочка.

Тогда Зайцер увидел: с противоположной стороны улицы наперерез им быстро шел высокий человек в военной шинели без погон. Одну секунду, не больше, существовал прежний Зайцер, попятившийся назад. Но тотчас же новый, героический Зайцер скомандовал Верочке: «Прячьтесь в подъезд!» — шагнул навстречу бандиту и, заняв позицию недалеко от проглотившего Верочку темного подъезда, остановился. Он весь дрожал, но это не был страх: так, бурля, дрожит паровой котёл, напряженный до предела своих пятнадцати атмосфер.

Человек в военной шинели подошел и тоже остановился. Страшная бесконечная пауза. Зайцер не мог больше ждать. Пересохшим голосом он сказал:

— Ну и что?

Держа руку в кармане (револьвер!), человек молчал. Зайцер успел схватить глазами наглые, как у кайзера Вильгельма, усы и очень белые, крепкие зубы.

Человек молчал, явно издеваясь: это для Зайцера было ясно. И еще яснее это стало, когда усы зашевелились и хрипло спросили:

— Спички есть?

Зайцер кипел, ему хотелось сразу же кинуться, ударить, но он принял вызов, он притворился, что поверил в спички, он достал коробок, зажёл. Человек нагнулся к Зайцеру совсем вплотную, бесцеремонно взял его руку за борт пальто, отогнул — чтобы ветром не задуло зажженную спичку, закурил. Зайцер увидел: на пальце человека блеснул перстень (снятый с кого то, может быть, в эту же ночь), и почувствовал легкое, едва заметное прикосновение чужой руки. Он хотел уже потушить спичку, чтобы не видеть издевательски шевелящихся усов, как вдруг в красноватом пламени спички перед Зайцером проплыли в воздухе... золотые часы.

Потребовалась какая-то доля секунды, чтобы Зайцеру стала ясна вся механика проделанного бандитом трюка с закуриванием папиросы. И еще доля секунды, чтобы схватиться за свой жилетный карман: часов там уже

не было. Сердце у Зайцера бешено забилося, он бросил еще горящую спичку прямо в лицо грабителя, выхватил у него свои часы и дико заорал (он никогда не думал, что у него может быть такой голос):

— Руки вверх! Застрелю! — и сунул руку в карман своего пальто.

Этот жест был так решителен, отпор был так неожидан, что бандит поднял руки вверх, а затем, не дожидаясь, пока Зайцер выстрелит, согнулся и, делая петли, побежал в темноту за углом.

Зайцер вынул из пальто платок (никакого револьвера, конечно, у него там не было) и вытер пот. Он еще весь дрожал, когда к нему подбежала бледная Верочка.

— Что? Что? — схватила она его за руку.

— Ничего. Вот... — Зайцер встряхнул на ладони отвоеванные часы. — Негодяй! Он их уже вытащил, вы понимаете? Но он-таки серьезно ошибся со мной.

— Но как же вы не боялись, что он... Нет, я даже не думала, что вы — такой! — глаза у Верочки восторженно блестели.

— Я вам скажу, Верочка, что, если бы он даже выстрелил, мне это все равно, потому что я сейчас как сумасшедший, потому что я вас... Ой, боже мой, вы же, Верочка, знаете!

Верочка, блестя глазами, молчала. Но там, внизу, в темноте, рука Верочки, ласкаясь, как кошка, медленно вползла в рукав Зайцера, его ладони коснулась кисть, покрытая невыносимым пушком. Сердце Зайцера оторвалось, как от ветки сладкое, спелое яблоко, и упало вниз.

— Ну, и что же вы молчите? Я же не могу больше! — крикнул Зайцер.

— Я вам лучше скажу завтра утром, хорошо?

Но Верочкины глаза и легкое движение ее руки все сказали Зайцеру уже сейчас... На утро осталась, по-видимому, только банальная счастливая развязка. Впрочем, не правильнее ли будет сказать, что банальной из зависти называют ее те, кому не дано судьбой чувствовать весну в любое время года.

Неизвестно, спал ли товарищ Зайцер в эту весеннюю снежную ночь (едва ли). Неизвестно, спала ли Верочка (может быть). Но наутро к приходу товарища Зайцера все в его учреждении уже знали, что он — герой. Когда, наконец, он появился, его окружили, его засыпали вопросами, поздравлениями, улыбками. Не останавливаясь, пробормотав что-то неясное, Зайцер устремился в свой кабинет. Странно, но вид у него был совершенно не соответствующий его героическому положению: он был растерян, бледен. Может быть, это было результатом бессонной ночи, может быть, он слишком волновался в ожидании встречи с Верочкой и ее обещанного ответа. Еще страннее было, что, вбежав в свой кабинет, он только испуганно, боком взглянул на Верочку, кивнул ей и сейчас же кинулся к письменному столу.

Торопливо расстегнув пиджак, вынул свои золотые часы, бросил их на грудь бумаг, выдвинул ящик стола — и, нагнувшись над ним, застыл. Брови его были подняты до крайнего, допускаемого природой, предела.

— Что случилось? — испуганно подбежала к нему Верочка.

Из ящика письменного стола он достал и рядом с золотыми часами положил... золотые часы. Верочка круглыми глазами смотрела, ничего не понимая.

— Так я же его ограбил — этого негодяя! — в отчаянии закричал Зайцер. — Вот же мои часы, они себе лежали здесь, а тот подлый бандит имел свои часы, вы поняли, да?

Верочка поняла. Зайцер увидел, как задрожала ямочка на ее правой щеке. Она отвернулась. Какой-то странный звук, похожий на задушенное рыдание, через секунду — взрывы неистового, неудержимого смеха — и Верочка стремглав вылетела в дверь.

Вероятно, она упала там, корчась, задыхаясь, на первый попавшийся стул. Из кабинета было слышно, как она сказала, вернее, крикнула что-то столпившимся около нее сослуживцам — и следом за тем стихийная катастрофа хохота, перекидываясь из комнаты в комнату, из этажа в этаж, охватила все учреждение товарища Зайцера.

Засунув пальцы в волосы, он сидел один в кабинете. Перед ним лежало двое золотых часов. Когда скрипнула дверь и в кабинет просунулась чья-то голова, Зайцер, не поднимая глаз, пробормотал:

— Я сейчас занят. Завтра...

Больше уж никто не рисковал к нему войти — и меньше всех Верочка: она знала, что, как только увидит его — она не вытерпит и опять засмеется ему в лицо.

Когда в учреждении затихли последние шаги, захлопнулись последние двери, Зайцер встал, сунул в карман свои (настоящие свои) часы, подошел к столику, на котором стояла прикрытая чехлом Верочкина машинка. Горькими глазами он посмотрел на ее пустой стул, прижал руки к сердцу. Рядом с сердцем помещались часы — и эти проклятые, погубившие его часы заиграли свою музыку. Зайцер яростно надавил рукой, чтобы музыка перестала, в часах что-то хрустнуло — они замолчали.

Пустые, обезлюдевшие комнаты, лестница, вестибюль. На стене в вестибюле Зайцер увидел экстренный номер стенгазеты, выпущенный сегодня Кубасом (и может быть, Верочка ему помогала). Там был изображен маленький смешной человечек со свирепо вздернутыми бровями, в каждой руке у него были огромные часы. Внизу стояла крупная подпись: «Руки вверх!»

Зайцер поспешно отвернулся и вышел, навсегда, из своего учреждения, из сердца Верочки, из этого рассказа. □

Николай Цискаридзе — ярчайшая звезда на всемирном небосклоне балета. Признанный гений, Артист с большой буквы, а также педагог, ректор Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, телеведущий. Потрясающий и невероятно чуткий собеседник, подкованный энциклопедически, он завораживает и располагает к себе с первого же слова. Предлагаем читателям убедиться в этом самим.

Все фотографии из архива АРБ им. А.Я. Вагановой

— В декабре Академия вновь будет представлять «Щелкунчика» сначала в Мариинском театре, а затем в Кремлевском государственном дворце. Это стало уже традицией. А как она появилась?

— В Москву мы поедем первый раз с нашим «Щелкунчиком», спектакли пройдут 20 и 21 декабря. Премьера балета Чайковского на либретто Мариуса Петипа по мотивам

сказки Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» в постановке Льва Иванова состоялась в декабре 1892 года. Главную роль Щелкунчика исполнял выпускник Петербургского Императорского театрального училища Сергей Легат, а роли Клары и Фрица — воспитанники младших классов Станислава Белинская и Василий Стуколкин. Балет, который мы покажем в КДС, исполняется с 1934-го года, когда Вайнонен

поставил его для школы, сочинив спектакль о маленькой девочке, которой приснилась чудесная сказка. В Мариинском театре главные партии танцевали Галина Уланова и Константин Сергеев. Спектакль почти до 1980-х годов шел исключительно в исполнении учащихся. По-

школах, она изначально адаптирована так, чтобы детям было удобно танцевать.

— Что значит для вас роль главного «Щелкунчика страны», каковым вы являлись, и сам балет в целом?

том уже этот спектакль стали полностью танцевать артисты Мариинского театра. В свое время эта версия шла и в Большом театре, премьера состоялась в 1939 году и главные роли исполняли Марина Семенова и Алексей Ермолаев, тоже выпускники нашей школы. Самая распространенная версия балета «Щелкунчик» Василия Вайнонена идет не только по всем странам мира, но и в хореографических

— Так как я родился под Новый год, то в день своего рождения, 31-го декабря, а еще 2-го января, 18 сезонов танцевал партию Щелкунчика. В Москве у многих людей была своеобразная традиция приходить на спектакль 31-го декабря, в котором всегда участвовал ваш покорный слуга. На сцене Большого театра я танцевал в «Щелкунчике» 101 раз. 101-й оказался последним в моем исполнении.

— Получается, что, когда вы служили в Большом театре, то свой день рождения праздновали на сцене...

— Да. Так было 21 год. Первые три года танцевал французскую куклу, а потом — 18 лет принца в «Щелкунчике».

Но, конечно же, лучше, если желания исполняются.

— Ваши кумиры детства и юности?

Моя любимая балерина — Надежда Павлова (советская и российская артистка балета, педагог, родилась

С мамой

— Под Новый год желания загадывали?

— Конечно, много раз загадывал.

— Исполнялись?

— Иногда да, но от этого как-то горько становится. Увы, так уж устроен человек — ему всегда нужно о чем-то мечтать, иначе как он сможет двигаться вперед. В одной сказке Оскара Уайльда есть замечательная фраза: «У человека бывают две трагедии. Одна, когда несбыточное желание не исполняется, а другая, — когда это желание исполняется».

в 1956 г. — прим.ред.). Можно сказать, я пошел в балет из-за влюбленности в нее. Ну а кумиров у меня очень много, и для каждой роли у меня есть свой какой-то идеал, к которому я всегда стремился.

— Вы с детства мечтали стать артистом балета?

— Помню, как 1 сентября нас, первоклашек, спрашивали, кем мы хотим стать. Я ответил, что хочу стать воспитателем в детском саду. А потом нам раздали листочки бумаги и карандаши, и мы должны были ри-

совать. Я нарисовал балерину и написал слово «болет». Перед школой я уже все буквы знал, даже писать умел, коряво, конечно. Вот и получился у меня «болет». От слова «боль», может быть? Видите, у меня все сбылось — и «болет», и боль. И даже то, что я стал воспитателем. Правда, не в детском саду...

— Помните ли вы ваше пребывание в детском саду, в который вас отдали буквально перед школой?

— Помню, конечно, это продолжалось всего полгода. Я ходил в садик и возвращался из него самостоятельно, так как он находился во дворе моего дома. Это был очень престижный специализированный детский сад, с бассейном и даже своим зоопарком, в котором обитали обезьянки, павлины, олени, попугаи, канарейки, другие разные птицы, и нам иногда разрешали их кормить. А еще постоянно проводились концерты для детей и родителей. Меня привели в сад перед самым Новым годом, и я как-то сразу влился в эти концерты: читал какие-

то стихи, пел, танцевал. Все это очень мне нравилось.

— А в детстве не обидно было, что все готовятся к новому году, а у вас день рождения...

— Нет, совсем не обидно. В Грузии, где я провел детство, родившиеся 31-го декабря мальчики считаются божьим подарком. 1 января я заходил к соседям с подносом, на котором лежали конфеты с монетами, — это означало, что я принесу в дом счастье, год будет сытным и денежным. В ответ мне дарили подарки — игрушки, сладости, орехи. Я всегда очень ждал этого дня.

— В 1987 году вы переехали с мамой из Грузии в Москву. Оправдала ли столица тогда ваши юношеские ожидания?

— В Москву я и раньше приезжал вместе с мамой, минимум два раза в год, потому что мамина мачеха жила в Москве, и они были очень дружны. Я хорошо знал и любил Москву, она не была для меня чем-то необычным. Я знал все театры, все музеи, каждый год бывал на Кремлев-

В Маяковке — Гундарева... Просто звездная россыпь артистов. В Малом — наслаждаешься тем, как произносится текст Островского или Грибоедова, и понимаешь, почему Малый театр — такой, а мой любимый Вахтанговский — другой. Я помню спектакли в Вахтанговском с Борисовой, Ульяновым и Лановым. Мы ходили сначала по нашему ученическому билету. Потом уже был пропуск Большого театра, но

Н.М. Цискаридзе на репетиции «Щелкунчика» в Академии

ской елке. А еще было много магазинов, где можно было купить конфеты, тортики. В те годы очень популярным было «Птичье молоко», и мы с мамой ходили в «Прагу», чтобы купить его и еще разные деликатесы.

Моя московская юность — это ведь время творчества величайших артистов. Я всех их застал на сцене. Идешь в МХАТ — там Смоктуновский, Табаков, Невинный. В Ленком — Янковский, Пельтцер, Леонов.

меня администраторы узнавали, и мне не надо было показывать эти «корочки».

— А когда вы узнали о своей известности?

— О своей славе я узнал в метро (смеется). Мне было двадцать лет, я ехал со своей Фрунзенской набережной в Большой, в какой-то момент слышу рядом разговор двух людей. Один говорит: «Я сегодня иду

в Большой театр, там танцует необыкновенный грузин (тут я, конечно, прислушался). Мне Маша сказала, что ей сказала Даша, что надо срочно бежать смотреть». А второй ему отвечает: «Да-да-да, и мне тоже про него говорили, но сегодня у меня не получится, он будет через несколько дней танцевать, и тогда я обязательно пойду на него». Они даже представить не могли, что вот этот страшный мальчик в шапке и в какой-то простой тужурке, стоящий рядом с ними, и есть тот самый «необыкновенный грузин». Этот разговор я запомнил надолго. Даже не описать, что я тогда чувствовал. Мальчик, которому во время учебы одноклассники всегда говорили, что «я страшный, что у меня ничего не выйдет, что тут приезжие грузины не нужны». А театральная Москва меня приняла сразу...

— Помните свой самый первый выход на сцену?

— Да, это было в Тбилисском хореографическом училище. Я помню свое первое выступление в полонезе на музыку Шопена. Нам было по десять лет. У меня была партнерша — милая девочка, которая мне ужасно нравилась. Она потом уехала

в Ленинград и окончила Вагановское училище, а я уехал в Москву. Она была самая красивая в классе, беленькая, вся в кудряшках. Мы с ней танцевали этот полонез, а когда педагог сказал «стоп!», я как держал ее за ручку, так и продолжал держать. И вдруг она вырывает у меня руку и говорит: «Прекрати меня держать! Я не для тебя создана!» Я никогда не был робким ребенком, поэтому нисколько не растерялся и ответил ей: «Ты меня еще будешь просить, чтобы я с тобой станцевал!» Прошли годы. Она уехала в Лондон, и до сих пор танцует там. Как-то звонит мне и говорит: «Ника, я еду в Тбилиси, ты не мог бы со мной станцевать?» А у меня тут же перед глазами эта картинка — как она вырывает руку. Мне стало так смешно, что я громко рассмеялся. Она же так и не поняла, в чем дело...

— Помните ли вы свой первый выход на сцену Большого?

— Когда был на первом курсе Московского хореографического училища, танцевал в кордебалете в «Тщетной предосторожности».

— Что для вас значит сцена Мариинского театра?

— Первый раз я танцевал на этой сцене в январе 1997 года. Это был балет «Сильфида», с Жанной Аюповой. Был очень счастлив, что такому молодому артисту, как я, выпала честь свой первый спектакль в Мариинском танцевать с известной балериной, которую Рудольф Нуреев сам выбрал в партнерши, когда вернулся в Ленинград после эмиграции. С этого момента я постоян-

— Ничего. Ведь все уже отрепетировано и все сказано. В примерках перед спектаклем проверяю костюмы и грим, подправляю... Главное, чтобы они танцевали. Танец есть танец. Они исполняют роли, и очень важно делать это качественно. Мне кажется, если человек в состоянии соображать, он преодолеет любое препятствие. А терпение и труд — все перетрут.

но приезжал и регулярно исполнял свою партию в «Сильфиде» и участвовал во многих других балетах. Для меня эта сцена всегда была очень близка.

— Многие воспитанники Академии выйдут в этом году на сцену впервые, так же, как вы в «Щелкунчике» когда-то. Что обычно вы им говорите перед выходом, что желаете?

— Поговорим об Академии им. Вагановой, где вы являетесь ректором вот уже почти 10 лет. Как ректор и педагог, вы можете распознать в учащихсся будущих звезд?

— Карьеру делают не в школе, а в театре. В школе получают только образование, поэтому никаких звезд мы не растим. Очень часто бывает, что надеешься на одного, а выходит, что ничего у него в жизни не получа-

— Я делаю все, что могу и как умею. А дальше — должно быть уютно не мне, а зрителю, который это смотрит.

— Уже много лет идет телевизионный проект «Синяя птица», и вы, как член жюри, не перестаете удивляться талантам детей...

— Я никогда не удивляюсь таланту, я удивляюсь глупости родителей,

что мне вообще хотелось бы увидеть. Я видел очень много всего, но для меня это всегда мало, хочется еще.

— Ваш любимый художник?

— Врубель. Помимо него... Я обожаю приходить в Ватикан, обожаю «Сикстинскую капеллу» и не могу поверить, что это сделано руками одного человека. Это каждый раз потрясает, каждый раз стоишь и не

Слева:

Н.М. Цискаридзе со своими учениками-выпускниками после экзамена. 2022 год

Сад Цискаридзе в АРБ

которые не в состоянии правильно распорядится дарованием ребенка. Очень часто мы видим, как они мешают и не туда направляют.

— Николай Максимович, вы объездили весь мир. Какие музеи произвели на вас впечатление, где бы еще раз хотели побывать?

— Ой, во многих местах я еще не был, так что у меня большой список,

понимаешь, как это возможно, но при этом понимаешь, что это творение гения. Это чудо! Мне один раз повезло находиться там, когда в Ватикане почти никого не было, в этот момент канонизировали какую-то святую, и все находились на службе. Мне очень повезло, что именно в тот день я пришел в музей, когда в зале было 5-6 человек. Когда там толпа — одно ощущение, и совсем другое — когда всего несколько человек...

ется. И таких примеров у меня очень много. Когда ребенок покидает школу любого учебного заведения, он «обнуляет» свои достижения и начинает жизнь с чистого листа на том производстве, куда приходит. Это касается и артистов, и бухгалтеров, и юристов, и кого угодно. Так что никаких прогнозов в школе мы не даем.

В балете учат иерархии с детства. Ребенок попадает в эту систему с

нально. Редко кто стоит все время в центре. Мне повезло. Простоял на этом месте двадцать девять лет, не двигаясь ни в какую сторону. Но ошибаются те, кто думает, что это просто. Те, кто в центре, «пашут» больше всех. И спрос с них особенный.

— Лучшие балетмейстеры и хореографы для вас — это...

— Их очень много. Я, слава богу,

первого же дня, когда в 10 лет его ставят к станку. Тот, кто стоит в центре станка, — это прима-балерина или танцовщик-премьер каждого конкретного класса. Чем дальше от центра станка, тем скромнее успехи. От главных ролей — к кордебалету. И дети с самого первого дня учебы сразу понимают, где они — на вершине или у основания пирамиды. Но пока они учатся, ситуация может меняться карди-

застал еще великих. С нынешними я бы не хотел работать, потому что, к сожалению, ни педагогов, с которыми хочется делать роли, ни балетмейстеров из новых, чьи бы спектакли шли, нет. Это я знаю точно. И я счастлив, что у меня это в жизни было все иначе, чем сейчас...

— Уютно ли вы себя чувствуете в кресле ведущего «Сегодня вечером»?

— У вас большая домашняя библиотека. Как стали ее собирать? Сколько примерно в ней книг?

— Книг у меня немало, и библиотека очень разная. Много места занимает балетная литература, театральная, много альбомов, связанных с музеями, с живописью и так далее. После того как появился Интернет, у меня стало художествен-

— А какая самая любимая книга?

— Любимая книга... — трудно сказать. Пожалуй, «Евгений Онегин» и «Театр» Мозма.

— Придерживаетесь ли вы диеты? Ваше любимое блюдо?

— Жареная картошка. Диеты, конечно, придерживаюсь. После сорока приходится есть меньше.

Выпускной Академии в Большом театре

ной литературы гораздо меньше, потому что все книги, которые сейчас читаю, я читаю в Интернете. Мне нужна информация, и меня совершенно не раздражает, что я не чувствую запаха страниц и тому подобное... А художественной литературе в нашей библиотеке уже больше тридцати лет. То, что мне удалось привезти еще из Тбилиси, ну, и какие-то безумно красивые издания, которые мне дарили, либо я сам покупал.

— Любите ли вы готовить? Любимое новогоднее блюдо?

— Нет, готовить не люблю, а любимое новогоднее блюдо — пирог с маком.

— Если бы у вас была возможность снять как режиссеру игровое, художественное кино, о чем бы оно было?

— Наверное, о нравственности. Сейчас такой период, когда надо

объяснять людям, что такое «честь имею», потому что это давно все позабыли. Звучат какие-то высокопарные фразы о патриотизме, а говорят об этом люди, которые подчас не знают, что это такое. Очень жаль, что людей, по-настоящему уважающих прежде всего себя и все, что их окружает, стало очень мало. Хотелось бы говорить о том, что, если ты не уважаешь самого себя, то ты не можешь уважать другого человека, тебе не понять, что его тоже можно уважать. А гордость и гордыня — это разные вещи.

— 31 декабря вы будете отмечать день рождения. В следующем году вас ждет юбилей, и в эту цифру трудно поверить! А насколько лет вы себя ощущаете?

— Да я вообще не смотрю на цифры. Не знаю. Молодым быть не хочется, юным тоже, а старым вообще не хочется. Поэтому лучше остаться в районе 30-ти лет. Ну, 30-35, не больше.

— Есть много ролей, по вашему признанию, которые вы не сыграли...

— Очень много. Как сказал Георгий Вицин: «Каж-

дый артист — это кладбище неисполненных ролей». И у меня их тоже много, неисполненных.

— Верите ли вы в то, что судьбу можно изменить?

— Нет. Судьбу нельзя изменить, можно просто сделать так, чтобы она стала интереснее. Я считаю, если что-то предначертано, это все равно сбудется... □

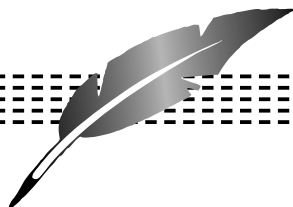
Беседовала **Дарья Соколова**

В начале 2022 года на электронную почту редакции пришло несколько рассказов Андрея Женина. Рассказы понравились, и один из них — «Дары данайцев» — мы опубликовали в июльском номере «Смены». А в процессе работы выяснилось, что Андрей Женин — это литературный псевдоним Андрея Ледиктовича Мишнаевского — замечательного отечественного кардиолога, доктора медицинских наук, профессора, к которому не только не зарастает, но ширится народная тропа. Тропа, которая называется «сарафанным радио» — это когда пациент или больной, получивший помощь или исцеление от врача, горячо рекомендует его своим родственникам и друзьям.

В этой связи появилась идея — вместе с публикацией второго рассказа сделать небольшое интервью с писателем и врачом и попытаться выяснить, к чему его душа потянулась раньше — к литературе или к медицине.

Тем паче выяснилось, что его дочь Евгения является журналистом, поэтому мы и попросили ее сделать это интервью.

ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫЙ ДОКТОР и ироничный писатель

— Расскажи, как ты пришел к медицине?

— Родители мои были из интеллигенции, мать — учитель литературы в школе, отец — юрист. Однако моя старшая сестра решила положить начало династии и первая поступила в медицинский институт. За ней последовал и ваш покорный слуга, который и окончил Второй Московский медицинский институт в 1988 году.

— Я думаю, твое необычное отчество может вызвать некоторые вопросы у читателей. Давай поясним, почему дедушку наградили таким особенным именем.

— Все очень просто, это отблеск советского прошлого. Ледикт — это аббревиатура типа «Вилен» или «Владлен», означающая «Ленин и диктатура». Дед был убежденным коммунистом (за что, естественно, и поплатился впоследствии головой), вот и

наградил отца таким уникальным именем.

— Вернемся все-таки к медицине. Как твои родители отреагировали на такой выбор профессии?

— Родители, честно говоря, отнеслись философски. Мой мудрый отец всегда говорил, что в СССР есть всего лишь три профессии, которые востребованы где угодно: учитель, юрист и врач. Будучи юристом, он был уверен, что юриспруденции в СССР не существует, а все делается по заказу партии, поэтому эта профессия отошла на второй план. Остались две. Ваш покорный слуга выбрал медицину, а впоследствии стал и преподавателем — длительное время читал лекции в Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова. Все получилось так, как и советовал батюшка.

— Сейчас поступить в медицинский — задача непростая. Сложно ли это было в те годы?

— В те годы это было не менее трудно, чем нынче. Я окончил школу в возрасте шестнадцати лет, потому что моя умная мама решила оставить мне год «на всякий случай»: она понимала, что с первого раза я просто могу не поступить. Будучи человеком амбициозным и отчасти наивным, я категорически отказался от помощи родителей и, обладая отличным аттестатом, решил поступать самостоятельно. На экзамене по биологии мне сразу же поставили два балла. За-

бавно, что впоследствии на кафедре биологии за первый курс я не узнал ничего нового, так как биологию уже тогда на этом уровне знал прекрасно. Потом уже вместе с родителями мы попробовали выяснить, что же произошло. Преподаватель, который поставил мне не очень высокую оценку, честно признался во всем. Он сказал, что мальчик, то есть я, ему понравился, но мои мучения он решил не продолжать. Оказалось, что выбирать комиссии пришлось между мной и дочерью космонавта. Выбор был явно не в нашу пользу, как вы понимаете.

— Что же было дальше?

— В следующем году я уже успешно поступил. Тогда, чтобы поступить в медицинский, нужно было принести аттестат и сдать четыре экзамена. Я все сдал на отлично.

— Как после такой серьезной неудачи амбициозному молодому человеку все-таки удалось не опустить руки и продолжать бороться за мечту?

— Амбициозный молодой человек пошел работать в одну из столичных больниц санитаром сразу после этой неудачи. Ничего не ждал, просто двигался вперед. Я всегда гордо тебе говорил, что твой папа работал с шестнадцати лет. Кажется, только ради этого стоило не опускать руки.

— Какими были будни студента-медика? О них ведь просто ходят легенды.

— Студенческие будни были сложными. Сказать, что мы беспробудно учились, было бы не совсем честно. Однако между гулянками, встречами разного характера мы всегда умудрялись работать, зарабатывать деньги, поскольку время было непростое. И суточные дежурства, и учеба, так мы и жили. И все успевали. А вообще в моих книгах много веселых историй из студенчества. Читайте и проживайте, так сказать.

— Как известно, начало любой профессиональной практики — вопрос очень непростой. Расскажи, с чего началась твоя?

— Путь был странный. Никакими особыми связями в этой области моя семья не обладала, а потому о «тепленьком» местечке речи не шло. Я до последнего тянул с распределением. Тогда каждый человек, окончивший вуз, должен был отработать три года там, куда его направляло государство. Я был так счастлив стать квалифицированным специалистом, что, сдав экзамены в июне, только к августу закончил отмечать собственный успех. Матушка, надо сказать, приложила к этому свою руку. Она публично заявила, что бездельник ей надоел, хотелось бы отправить его на заработки. И вот я пошел в соответствующее заведение, мне предложили сделать выбор: госпиталь для ветеранов или больница под неким номером. Я четко осознавал, что лечить ветеранов мне пока рано, к тому же было бы вовсе не коррек-

тно начинать с таких людей свой путь. Так и выбралась больничка. Честно говоря, дальше просто повезло. Я всегда хотел заниматься интенсивной терапией, мы сразу нашли общий язык и с главным врачом, и с его заместителем. Меня тут же отправили в нужное отделение, и многому научили. Все было очень «на руку» и в научной деятельности. Еще в интернатуре я начал писать диссертацию, и уже через два года после окончания института стал кандидатом наук. Через некоторое время мне предложили создать отделение реанимации в Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова. И руководил я этим отделением до 2007 года, пока оно не было расформировано. В 2000 году защитил докторскую. Преподавал все это время на кафедре. После 2007 года стал заниматься частным медицинским бизнесом, работаю в различных учреждениях. Стараемся помогать людям по мере возможности.

— А почему именно кардиология стала твоим призванием?

— Опять-таки воля случая... В той самой первой больнице я начинал свой доблестный медицинский путь в отделении интенсивной кардиологии и кардиореанимации. Поэтому жребий был брошен еще тогда. Да и Рубикон перейден тоже.

— Работа врача — невероятно тяжелый труд как физически, так и морально. Был ли в твоей прак-

тике момент, когда хотелось все бросить?

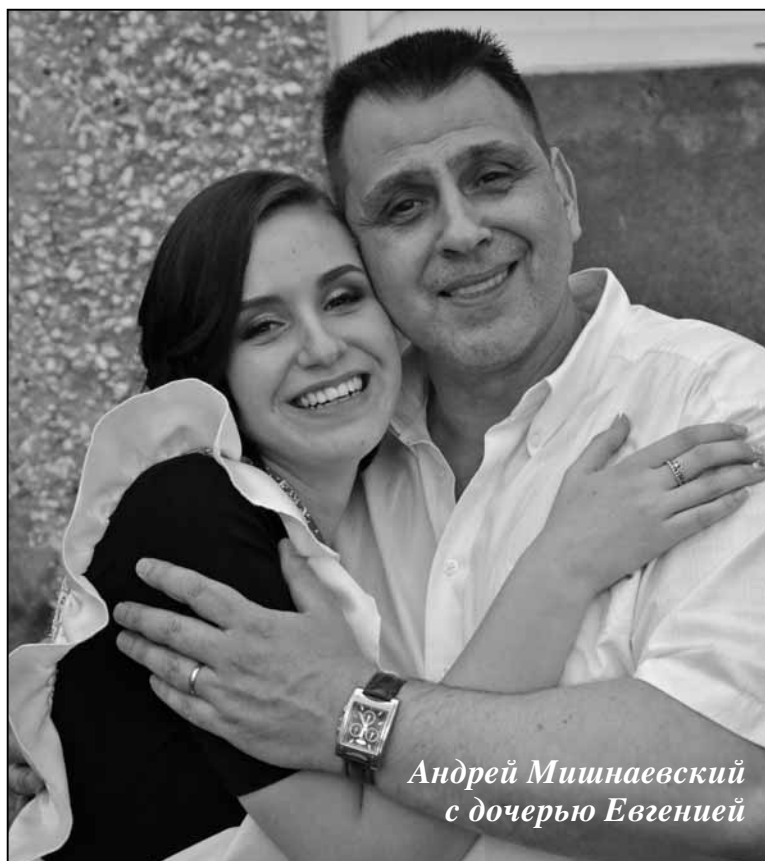
— Такой момент был. Медицина даже отошла на второй план на некоторое время. Однако длилось это недолго. Осознание того, что каждый человек должен заниматься тем, что хорошо умеет, к счастью, вернулось. Поэтому об этом периоде жизни и вспоминать-то особо не хочется.

— Сегодня, когда врачей великое множество, невероятно тяжело выбрать своего специалиста. Как сейчас стоит выбирать врача, чтобы не ошибиться?

— Исключительно по рекомендации. Без рекомендации лучше этого не делать.

— Как ты сам можешь объяснить свой успех?

— Все очень просто. Во-первых, нужно уметь делать свое дело, и делать его хорошо. Во-вторых, работая в частной медицине, ни в коем случае нельзя ставить на первое место деньги. Здоровье пациентов всегда должно быть главным приорите-

*Андрей Мишнаевский
с дочерью Евгенией*

том, тогда и деньги будут зарабатывать честным трудом. Те, кто поступают иначе, обречены. Задача доктора — это, в первую очередь, помощь человеку.

— Что ты мог бы посоветовать начинающим врачам? Может быть, есть какие-то тайны коммуникации с пациентами?

— Нужно просто иметь желание помочь пациенту. Зачастую болезни физические — не самая главная задача, а на передний план выходит психологический аспект. Нужно уметь всматриваться и анализировать, отделять одно от другого. Попытаться человеку объяснить, где лежит его проблема, что можно сделать. На его языке. И еще, мой первый руководитель, профессор Сумароков Александр Васильевич, из князей Сумароковых, наш заведующий кафедрой, однажды сказал мне мудрую вещь: «Андрюша, запомни, ча-

стые болезни бывают значительно чаще, чем редкие». Это на самом деле главная беда молодых врачей, им надо все время искать какую-то новую болезнь. Так что вот такой вам добрый совет, мои юные коллеги.

— Ты не только успешный врач и бизнесмен, но и писатель. Расскажи, о чем твои книги?

— Есть такой грешок, есть. Да, дорогие читатели, псевдоним мой творческий — Андрей Женин, а книги мои как раз о жизни медиков. Сначала о студентах, затем — о более взрослых. Пока то, что написано, охватывает советский и ранний постсоветский период. Я сам определяю свое творчество как ироничную литературу.

— Как давно ты начал писать?

— Не так давно. Первая книга вышла в 2017 году.

— Что послужило толчком к началу твоего творчества?

— В советское время была газета «Вечерняя Москва», кстати, и сегодня очень успешна и популярна. Так вот, тогда я писал фельетоны. Первый из них был опубликован на страницах этого издания. Потом наступил долгий период разлуки с писательской деятельностью. Но когда появилось немного свободного времени, желание «бумагомарательства» все-таки пересилило все остальные. При этом я сразу понимал, что буду пу-

бликоваться только в том случае, если мои повести будут интересны издательствам. Не по причине отсутствия денежных средств, а охраны бедного читателя ради. Поэтому, написав первую книгу, я отправил ее сразу в несколько мест. Если честно, заинтересованные люди нашлись быстро. Издали сначала первую книгу, а потом еще три. Они все есть на ведущих площадках в самых разных вариантах.

— Говорят, что писательское дело сегодня — труд очень неблагодарный. А как ты сам считаешь?

— С одной стороны, труд действительно непростой, потому что это именно то дело, которое нужно уметь делать. Вдобавок ко всему, оно сегодня практически не приносит дохода, если ты не Джоан Роулинг. К сожалению, книги читают мало, а авторов много. После того как визуальное восприятие стало доминантным, а Интернет поглотил всех и вся, продвигать литературу стало еще сложнее. Экранизированные произведения имеют будущее, это правда. Но для этого нужны очень хорошие «локомотивы».

— Стоит ли нам ждать от Андрея Женина чего-то новенького в ближайшее время?

— Стоит, стоит! Просто писательская деятельность, к сожалению, занимает второе место из-за занятости на основной работе. Две книги

потихоньку пишутся. Одна из них будет своеобразным новым опытом. Предварительно она называется «Исповедь черной кошки».

— Сегодня вопрос многозадачности волнует многих, потому что мир не стоит на месте. Как тебе удается совмещать спасение людей, бизнес, да к тому же еще и писать?

— Все это я делаю с удовольствием!

— И напоследок. Скажи, какой самый главный вопрос ты сам задаешь себе?

— Если честно, затрудняюсь ответить. Ты все правильно сказала о многозадачности, а потому времени на обдумывание смысла бытия у меня пока не остается. А жаль! Но в текущей многозадачности живем исключительно текущим, простите за тавтологию.

Беседовала

Евгения Мишнаевская

Андрей Женин

НЕВЕЗУЧИЙ

Грузовой лифт многоэтажного жилого дома с грохотом распахнул слегка тронутые ржавчиной двери и выплюнул в подъезд разношерстную группу еще не совсем проснувшихся граждан, направлявшихся в морозный декабрь по своим делам. Последним вышел на улицу участковый терапевт Георгий Петрович. Он не спешил, а потому остановился на ступеньках плохо расчищенного от снега крыльца, сладко потянулся, зевнул и с кайфом втянул в себя морозный воздух.

В этот момент наверху что-то зашумело, затрещало, и через секунду доктор ощутил чувствительный, но не слишком болезненный удар по голове.

«Сосулька, — подумал Георгий Петрович, — не очень большая. Хорошо, что я в шапке...»

Он поднял голову, чтобы рассмотреть «источник бедствия», и на мгновение потерял бдительность. Нога предательски поехала на обнаженном льду, и Георгий Петрович смачно шлепнулся на землю, ударившись затылком о промерзший бетон. Из глаз незадачливого эскулапа посыпались искры, а за ними потянулась череда воспоминаний, относящихся почему-то к студенческой молодости...

В те далекие времена Георгий Петрович, тогда еще Жорик, жил в типовом советском общежитии и был вполне обыкновенным студентом-медиком: немного учился, слегка злоупотреблял алкоголем, не отказывался ни от разовых заработков, ни от случайных половых связей. В одном деле ему не было равных — в умении попадать в самые неожиданные дурацкие ситуации.

Январским днем Жорик с товарищами сидели в прокуренной общежитской комнате и пытались готовиться к экзамену по истории КПСС. Дело не спорилось, партийные пленумы и конференции перемешались в дурных студенческих головах, как и заумные речи основоположников марксизма-ленинизма. Вскоре стало предельно ясно, что выучить всю эту белиберду за несколько часов абсолютно нереально. Тогда было принято соломоново решение: поделить родословную любимой партии на относительно равные части согласно количеству участников и писать шпаргалки максимально понятным почерком. В дальнейшем они были пронумерованы, составлен каталог с указанием авторов, а копии списка раздали каждому. По окончании таинства кто-то задал риторический вопрос: «Может, выпьем?!» Неожиданное и, главное, свежее предложение встретило живой отклик в сердцах присутствующих, которые без промедления помчались в магазин.

Буквально за месяц до описываемых событий советская власть сделала студентам замечательный подарок в виде открытия в ста метрах от главного корпуса альма-матер одного из первых в Москве продуктовых магазинов самообслуживания. Разумеется, произошло это не из любви к будущим врачам, а исключительно по глупости, поскольку убытки несчастного магазина, вероятно, били все рекорды, ибо голодные, но весьма смышленные студенты быстро сообразили, что платить можно только за выпивку, а закуску бессовестно воровать, рассовывая за пазуху, по карманам и прочим укромным местам. Попасться было достаточно сложно даже при желании, ибо камер видеонаблюдения в те годы еще не было, а один-два охранника не имели физической возможности уследить за прожорливыми и жуликоватыми покупателями. Алкоголь не выносили не по причине излишней совестливости, а в силу объективных обстоятельств: винно-водочный отдел находился вне зоны общего доступа.

Жорик и его друзья, как обычно, шли на кассу изрядно потолстевшими, но с весьма скромными и однообразными покупками в руках: у каждого — банка кильки в томате за тридцать три копейки, четвертушка черного хлеба за пять копеек и маленькая бутылочка лимонада, тоже недорого. Колбаса и прочий сыр ютились под куртками и шапками — вот она, прелесть зимы! Товарищи благополучно прошли контроль, а когда шедший последним Георгий положил на кассу свою кильку с хлебом, его кто-то под-

толкнул, и с мокрой от волнения головы упала шапка вместе с увесистым куском докторской колбасы. Охранник с кассиршей попытались задержать вора, но, к счастью, поделники своевременно спохватились и вернулись за отставшим. Силы были неравными, милиция приезжала, мягко говоря, не быстро, и четверке достаточно крепких молодых людей достаточно легко удалось убедить хозяев, что произошла нелепая случайность, и еда сама свалилась на Жорикову башку, а он просто не успел увернуться. На том и ретировались в спешном порядке, ведь встреча с сотрудниками правоохранительных органов в планы жуликов совершенно не входила.

Жорик тогда очень сильно напугался, по приходе домой потребовал немедленно выпить и в итоге набрался до неприличия.

Утром комната, в которой все ночевали вповалку, была наполнена тяжелым запахом перегара и мучительными стонами Жорика, который накануне напрочь пропил свою память, а теперь мучился жаждой, головной болью, тошнотой и прочими «прелестями» похмелья. Есть почему-то совсем не хотелось, поэтому товарищи выпили по большой кружке горячего чая и отправились на свидание с историей любимой партии. В аудиторию запускали группами по несколько человек. Студенты подходили к парте, за которой сидели лаборанты с кафедры, отдавали зачетку и вытаскивали билет, после чего садились готовиться. Особо смелые могли сразу занять место перед экзаменатором, за это по умолчанию прибавлялся к оценке один балл. Жорик даже не взглянул на вытянутый жребий, промычал, что долго не высидит, и отправился на Голгофу первым. Плюхнулся на стул и, благо преподаватель еще не подошел, несколько минут тупо глядел на стоящий перед ним графин с водой, облизывая пересохшие губы. В итоге жажда победила приличия: он нахально налил и залпом выпил подряд два стакана воды, вызвав оживление в зале, после чего моментально вырубился.

Жорик мирно спал за экзаменационным столом, и снилась ему горная река, несущая свои холодные прозрачные воды на покрытую пышной зеленью равнину. Вдруг из густой травы взвилась вверх огромная змея и уставилась прямо на него. Он от испуга проснулся и увидел напротив себя экзаменатора Василия Ивановича Прохорова, смотревшего ему прямо в глаза недобрый взглядом.

У Василия Ивановича была красная с сизыми прожилками физиономия и большой мясистый нос, не менее красный, чем сама физиономия, которые недвусмысленно указывали на тяжелые алкогольные будни их обладателя.

— Пил, что ли, вчера? — мрачно спросил преподаватель и, несмотря на свое не самое трезвое состояние, Жорик догадался по составу выдыхаемого воздуха, что вчерашний ужин партийца Прохорова тоже состоял не из одного меда с малиновым вареньем.

- Ага, — кивнув, честно ответил студент.
- За водкой сбегаешь? — проговорил экзаменатор после паузы.
- Можно, — сразу согласился Георгий.

Василий Иванович наклонился к нему и прошептал: «Купишь водку, перельешь ее в бутылку из-под минералки и принесешь сюда. Возьми сумку, деньги внутри, сдачу можешь оставить себе на поправку здоровья», — и с этими словами под столом всунул в руку Георгия скомканную сумку.

Новоявленный курьер по замысловатой траектории направился к выходу. С первого раза попасть в проем он не сумел, с грохотом врезавшись лбом в косяк. Вторая попытка оказалась удачной, Жорик покинул аудиторию, добежал до магазина, купил Прохорову водку с минералкой, а себе на сдачу — бутылку пива. Ячменный напиток оказал моментальное оздоравливающее действие, его эффект усилился минералкой, которую необходимо было в любом случае выпить для освобождения тары под водку. В результате процесс переливания жидкости из одной посуды в другую, еще несколько минут назад представлявшийся практически нереальным, прошел гладко и практически без потерь живительной влаги. Заново родившийся Георгий вернулся в аудиторию, где «доктора» с нетерпением ожидал тяжело больной коммунист Прохоров, успевший, как потом выяснилось, по причине ослабленного здоровья и плохого настроения наставить «троек» подвернувшимся под горячую руку невезучим студентам.

Жорик сел за только что освободившийся от студентки-троечницы стол, поставил рядом сумку и вопросительно посмотрел на преподавателя. Тот достал из сумки бутылку минеральной воды, налил стакан и с явным удовольствием выпил его залпом. «Хорошо!», — крикнул от удовольствия Василий Иванович. Подумал немного, налил еще полстакана, снова выпил и со словами: «Нет, отлично!» — расписался в зачетке. Жорик поблагодарил и направился к выходу, причем гораздо увереннее, чем в первый раз. И большинство однокурсников так никогда и не узнали, почему после освежения организма первой порцией «минералки» Василий Иванович стал оценивать знания студентов на «хорошо», а когда бутылка совсем опустела, с экзамена стали уходить одни отличники.

— Подъем! Подъем! — услышал Жорик сквозь сон. Продрав глаза, он покрылся с ног до головы холодным потом, обнаружив, что лежит на чем-то твердом в небольшом замкнутом пространстве. Поскольку память при- знаков жизни не подавала, он понял, что натворил что-то серьезное, и его, видимо, арестовали.

— Вставай, приехали, — громко объявил вошедший человек в форме, и душа Жорика окончательно ушла в пятки: похоже, его уже осудили и при-

везли куда-то отбывать наказание. Впрочем, ступор длился недолго, и вскоре он с облегчением осознал, что на окне нет решеток, а дверь не закрыта. По стуку колес нетрезвый пассажир догадался, что куда-то едет в поезде. Неимоверным усилием воли он выудил из омута памяти последнее воспоминание о вчерашнем дне: они пьют портвейн в электричке, с кем — неизвестно. «Наверное, я возвращаюсь на электричке домой, в Москву», — подумал Георгий и, поскольку состав остановился, направился к выходу. Вышел на перрон и вдалеке увидел крупные буквы: «Московский вокзал». Мозги с бою работали с огромным трудом, он уселся на лавочку и стал соображать: где в Москве Московский вокзал? Георгий перебрал все известные ему названия, но так ничего и не понял. Наконец его взгляд упал на вагон, в котором он совсем недавно сюда прибыл, и холодный пот прошиб его во второй раз за это туманное утро. Надпись «Москва-Ленинград» сомнений не оставляла: вместо пригородной электрички Жорик попал в поезд дальнего следования и благополучно, хоть и без фанфар, материализовался в городе на Неве.

Ему было дурно и холодно. Очень хотелось есть и пить. Он залез в свой карман и, поняв, что его финансовые возможности вряд ли позволят вернуться в родные пенаты, медленно поплелся к билетным кассам. Заспанная девушка подтвердила, что на обратный билет ему не хватает рубля с небольшим. Гость северной столицы оказался в тупике. Он долго стоял возле автоматов с газированной водой, выпил три или четыре стакана, и, наконец, его осенило.

Георгий бегом ринулся в подземный переход, бросил на землю шапку и дурным голосом завопил: «Славное море, священный Байкал...» Выбор репертуара логике не поддавался, но, вероятно, впечатление на местных жителей долговязый небритый человек с опухшей физиономией, колтуном на голове и фингалом под глазом производил вполне убедительное, ибо они с опаской кидали в головной убор монетки и шарахались в сторону. Не прошло и десяти минут, как новоиспеченный трубадур стал счастливым обладателем кучи мелочи на общую сумму почти в два рубля. Он так быстро набрал искомые средства, что милиция даже не успела здесь появиться, хотя, если бы Жорика забрали и отправили в вытрезвитель, это вряд ли кого-нибудь удивило. Но — не забрали, и Георгий приобрел билет в Москву, бутылочку «Нарзана» и пирожков с капустой собственного приготовления у какой-то бабульки, с чувством поел и уселся в зале ожидания, поскольку до отхода его «скорого» оставалось почти два часа.

В тепле его разморило, он вытянул ноги и уснул счастливым сном. И, наверное, проспал бы свой поезд, но Господь, видимо, пожалел отделение дорожной милиции и ленинградцев в целом, которым пришлось бы еще раз восторгаться выдающимися вокальными данными гостя север-

ной столицы, и послал на перрон мужика, который, опаздывая на тот же поезд, мчался вприпрыжку и переехал своим огромным чемоданом Жориковы торчащие конечности. Тот взвизгнул, вскочил и уже собрался, было, наказать обидчика, но, к счастью, бросил взгляд на часы — до отбытия поезда оставалось пять минут. Забыв о боли, Георгий понесся на свою платформу и вскочил в вагон в самый последний момент.

К ночи он появился в общежитии и дал страшную клятву: больше не пить! Клятва действовала до следующего экзамена...

Однажды Жорик влюбился. Она была тоненькая, как былинка, и трепетная, как лань, а звали ее Василисой. Она училась в консерватории, читала Стендаля и Мопассана, а по вечерам музицировала. Никогда не пробовала курить, пьянела при одном упоминании об алкоголе, краснела при слове «дурак» и, разумеется, не имела порочащих связей с противоположным полом. Где и как произошло сие противоестественное знакомство, Георгий уже не помнил, да это, наверное, не имело никакого значения. Важно другое — Ромео так обожал свою Джульетту, что готов был ради нее на любые героические поступки.

У Василисы были достаточно пожилые родители, глухая бабушка, квартира на Арбате и маленькая собачка. Поначалу семейство коренных москвичей в десятом колене восприняло варяга Жорика, мягко говоря, без энтузиазма. Но в процессе общения интеллигентный и непьющий молодой человек, проводящий все свободное от учебы и любимой девушки время в чтении классической литературы и погружении в волшебные звуки Бетховена и Моцарта (это же надо так запудрить мозги взрослым людям!), к тому же — будущий врач, стал желанным гостем в московской малогабаритке.

Собачка, помесь болонки с кем-то, портила Жорика все таинство платонического общения с любимой. Омерзительное существо, не переставая, тявкало тоненьким голоском, внедрялось между влюбленными, видимо, в порывах ревности, хватало Георгия за пятки при первом удобном случае и гадило в его ботинки. Однажды Жорик незаметно спихнул собачку с дивана, а она шлепнулась на спину, подняла кверху лапы и застыла в такой позе. «Он (собачка, прости, Господи, была кобелем!) умирает! — заголосила в ужасе Василиса и вцепилась в руку Жорика: — Сделай что-нибудь!» На немой вопрос: «Что я могу сделать?!» — девушка, заламывая руки, дрожащим голосом произнесла: «Искусственное дыхание, конечно!» И Георгию пришлось вместо томного поцелуя с любимой прильнуть к устам мерзкой твари, которая для порядка повалялась еще

секунд пять, после чего больно тянула реаниматолога-любителя за губу и удрала с торжествующим лаем...

Жорик дарил цветы Василисе и ее маме, водил подругу в театр и на концерты классической музыки. Последнее было самым страшным испытанием и едва не закончилось трагически уже в самом начале романа: божественные звуки фуги Баха оказали на неподготовленный организм студента-медика моментальный снотворный эффект, и он с чувством захрапел, сидя в самой середине первого ряда партера. После такого позора его практически вышвырнули из сердца вон, но жалостливый рассказ о бессонных ночах на двух подряд дежурствах в больнице растопил лед в девичьей душе, и Георгий был помилован. Больше таких конфузов не случилось. Нет, Жорик, конечно, не возлюбил ни фуги, ни Баха, но научился спать тихо и просыпаться быстро и своевременно.

Прошло несколько месяцев, и как-то в пятницу Василиса пригласила Георгия в гости, сказав томно: «Устроим романтический вечер. Родители уезжают на дачу».

Ромео был вне себя от счастья: он понял, что сегодня может стать счастливым обладателем тридцати с хвостиком килограммов тощего женского тела, поскольку в течение последних двух недель ему стали разрешать поцелуй — сначала в щечку, потом в губки, кроме того, уже три дня подряд позволяли засунуть руку под маечку и потрогать то место, где у девушек должна быть грудь.

В назначенное время Жорик и цветы стояли у подъезда и ждали любимую, собиравшуюся выгулять злобную болонку.

— Пошли на бульвар, — сказала Василиса и повлекла Георгия за руку и мерзкую тварь на поводке в направлении трагического финала.

Они подошли к проезжей части, девушке понадобилось что-то в сумочке, и она со словами: «Подержи!» — протянула поводок своему спутнику. Ремешок скользнул по Жориковой руке, собачка почувствовала свободу и с громким лаем кинулась под колеса самосвала, где и обрела вечный покой. К сожалению, вечный покой обрело и большое советское чувство, именуемое «любовь». Василиса упала в обморок и до приезда «скорой» вставать не пожелала, благо теплый летний тротуар не грозил простудой. Все дальнейшие попытки Жорика вернуть любимую разбились о жестокую и, на мой взгляд, не очень справедливую фразу: «С убийцей моего лучшего друга ничего общего иметь не желаю!»

За время учебы Жорика в общежитии три раза застревал лифт с пассажирами. Дважды одним из этих бедолаг был он сам, причем происходило это в тот самый волнительный момент, когда Жорик с любовно собран-

ным чемоданом и мечтой о скором свидании с родными направлялся на вокзал для отъезда на каникулы на историческую родину. Причем случилось это, разумеется, в выходные дни, когда местные техники отдыхали в обществе «зеленого змия», а аварийные бригады были перегружены вызовами. Поэтому Георгий с грустью провожал в мыслях отбывающий «скорый», не покидая лифтовой кабины, громко ругаясь и проклиная судьбу-злодейку.

Зная свою особенность опаздывать на поезд по причине многогранного человеческого фактора, различных техногенных катастроф и прочих катаклизмов, он с годами сильно поумнел и стал выезжать на вокзал заблаговременно — часов за пять до отбытия. Поскольку продержат человека в лифте в течение такого длительного временного интервала было проблематично, судьба махнула рукой и решила отпустить его с богом, но все-таки напоследок немного посмеяться. Георгий знал, что ни в коем случае нельзя садиться в зале ожидания, ибо можно легко проспаться отправление «скорого» (так случилось пару раз), и категорически запрещено употреблять спиртное, так как можно уехать совсем не с теми и не туда (и такое разок было!), поэтому слонялся без цели в ожидании счастливого момента, когда сможет расположиться в купе, вытянуть ноги и расслабиться.

Наконец времечко подошло, Жорик предъявил на удивление не утраченный в процессе томительного ожидания билет и с чувством глубокого облегчения занял свое законное место. Он, разумеется пришел первым, но вскоре в купе появились его попутчицы — две симпатичные девчонки лет двадцати. Они молча разместили свои вещи, после чего одна из них показала что-то на пальцах другой и вышла в коридор. «Глухонемые», — подумал Жорик. Ему было скучно и хотелось общения, поэтому он взял тетрадный листок, написал печатными буквами: «Как тебя зовут?» — и передал девушке. Та посмотрела на него и написала: «Лена, а тебя?» Завязалась непринужденная переписка, которую прервала вернувшаяся в купе вторая девица. Она спросила: «Лен, курить идешь?» — и, получив ответ: «Погоди, я с глухонемым переписываюсь, нельзя парня обижать!» — уселась рядом и с интересом стала разглядывать Георгия. В итоге, чтобы не выглядеть полным идиотом, ему так и пришлось всю дорогу изображать глухонемого...

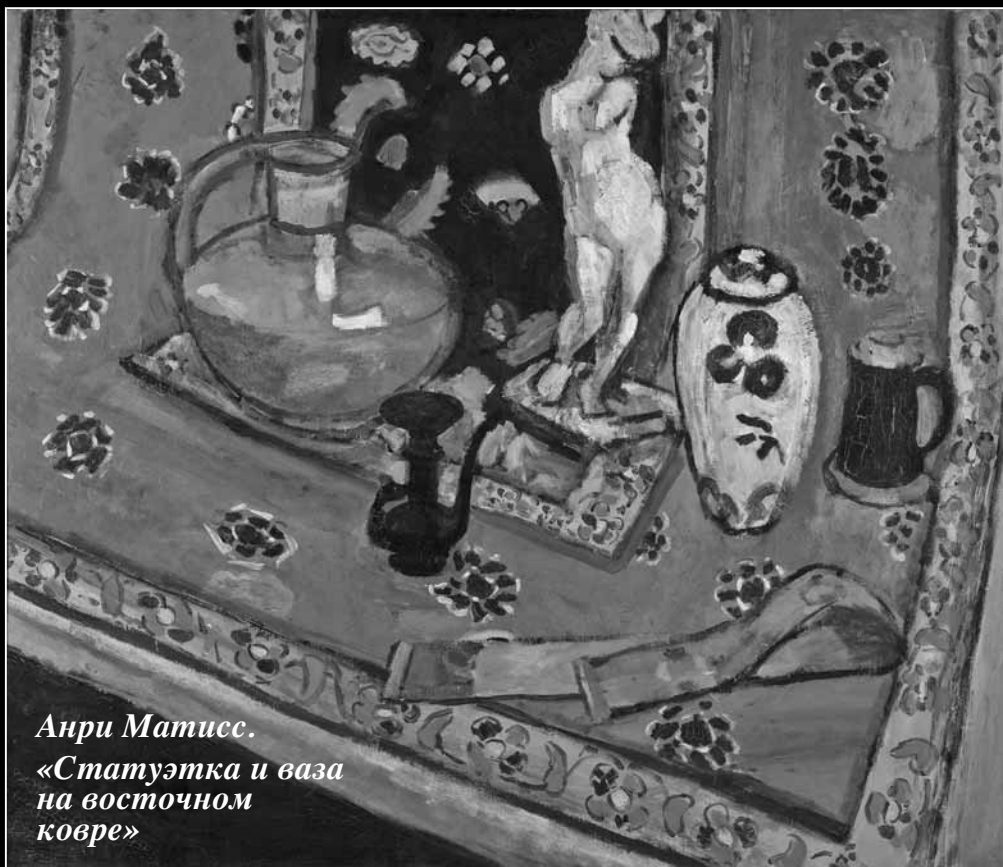
Георгий Петрович открыл глаза и начал медленно подниматься с обледеневшего крыльца, отряхиваясь и потирая ушибленный затылок. Ему было больно, грустно и смешно одновременно. «Ну и ладно, — пробормотал он, поднимая шапку-спасительницу. — Зато есть, что вспомнить...» □

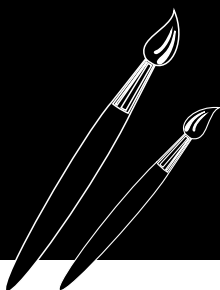
Ирина
Опимах

Два коллекционера, два художника и две картины

В истории этой картины причудливым образом соединились судьбы двух художников и двух замечательных коллекционеров живописи.

Анри Матисс.
«Статуэтка и ваза
на восточном
ковре»

В октябре 1908 года в Париже открылся очередной Осенний Салон, и, как всегда, все лучшие живописцы представили публике свои новые работы. Осенний Салон парижане любили и с удовольствием гуляли по его залам, осматривая выставку. Любили ее и критики, находившие там темы для своих статей — восторженных или ругательных; почитали и коллекционеры, съезжавшиеся из разных стран, дабы пополнить свои

собрания новейшими полотнами французских художников — все понимали, что в Париже рождается новое искусство...

Среди ценителей прекрасного, наслаждавшихся выставкой, был замечен один господин — с каталогом в руках, он внимательно осматривал картины и что-то отмечал на его страницах. Звали господина Иваном Абрамовичем Морозовым, ему было 37 лет, и приехал он из России, где

В.А. Серов. Портрет Ивана Абрамовича Морозова

был известным богачом и благотворителем. А еще — коллекционером живописи. Он приезжал в Париж два раза в году: в апреле — на Салон Независимых, и в октябре — на Осенний Салон. Изучив выставленные картины, покупал всегда самые интересные, самые лучшие. Не торгуясь. Денег на картины он не жалел.

Иван Морозов был человеком весьма незаурядным. Глава Товарищества мануфактурных фабрик Твери, потомственный гражданин Москвы, председатель Московского

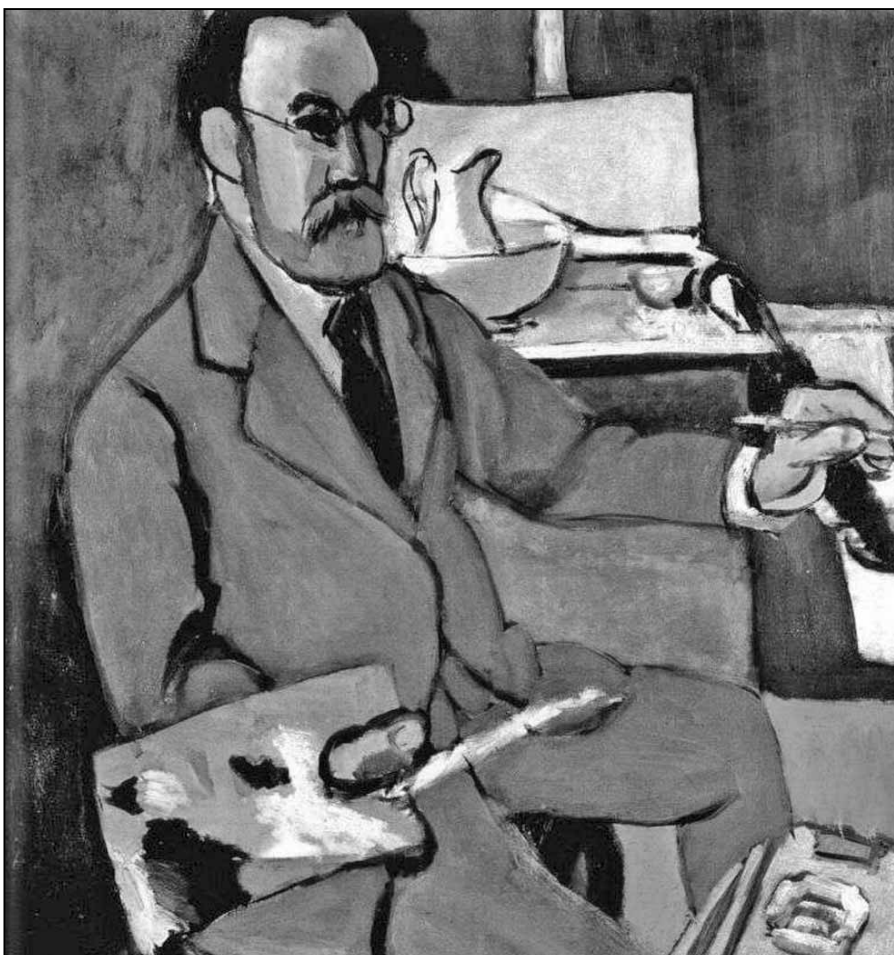
купеческого собрания, он щедро тратил свои деньги на здравоохранение (благодаря его помощи был создан корпус раковых заболеваний в Москве на Девичьем поле), а также на поддержку отечественной культуры, был казначеем Московской консерватории, оказывал большую материальную помощь филармоническому и Русскому музыкальному обществам, финансировал «Русские сезоны» Сергея Дягилева в Париже. Вместе с другими крупными московскими фабрикантами и заводчиками

Морозов входил в попечительский совет Московского Коммерческого института, где готовились кадры для российской промышленности и торговли. Сдержанный, порой надменный, всегда элегантный, он был настоящим жизнелюбом — любил вкусно поесть, покутить в «Яре», приударить за хорошенькой дамой. Однажды он влюбился в певичку Досю (Евдокию Кладовщикову, сценическая фамилия Лозенбек), выступавшую в «Яре». Морозов никак не решался представить любимую своим родственникам и друзьям — уж слишком он и его Дося были из разных слоев общества. Их роман, тщательно скрывааемый Морозовым, длился долго, но закончился счастливо — в июле 1907 года Дося стала Евдокией Морозовой. (В это время у молодоженов уже была двухлетняя дочь, которая поначалу росла в семье замужней сестры Доси, поскольку большего позора, чем внебрачный ребенок, тогда трудно было себе представить. И лишь спустя какое-то время Морозовы взяли Досю-маленькую в свой дом — как приемную дочь... На портрете Серова 1908 года мы видим очаровательную молодую даму. Морозов обожал жену, а вот Серову Дося не нравилась — он называл ее красивой деревянной статуей, «раскрашенной куклой». Но художник бывал порой слишком суров к своим моделям.)

В общем, Иван Абрамович Морозов, несмотря на внешнюю холодность и сдержанность, все в своей жизни делал с увлечением, однако

главной его страстью было коллекционирование живописи — русского и французского искусства конца XIX — начала XX века. Коллекционировал живопись и его брат Михаил. Он умер рано, в 1903 году, успев собрать неплохую коллекцию зарубежного искусства, и Иван блестяще продолжил его дело.

В юности он подумывал стать художником и даже брал уроки — в московской художественной студии Ивана Мартынова и у Константина Коровина. Но быстро понял — особого таланта Бог ему не дал. И тогда он решил коллекционировать живопись. Начал с русских художников (В. Серова, И. Грабаря, С. Виноградова, К. Коровина), ну а новые друзья приобщили его к зарубежному искусству — в основном к французскому, потому что именно во Франции работали самые интересные, самые смелые художники. С 1901 года, обосновавшись в Москве в доме на Пречистенке, он постепенно превратил свой особняк в роскошную картинную галерею. (Надо сказать, что дом этот имел долгую историю. Построенный после пожара 1812 года, он принадлежал князю Сергею Потемкину. Его жена Елизавета Потемкина, сестра декабриста Трубецкого, была посаженной матерью на свадьбе Пушкина, и поэт часто бывал у нее в гостях. Спустя годы дом был куплен дворянкой Сушковой, потом в нем жил посол Англии лорд Гренвиль, устраивавший в его стенах громкие приемы. В 1900-е годы, когда хозяином дома стал Иван Мо-

*Анри Матисс.
Автопортрет*

Справа:
*Матисс.
«Фрукты
и бронза»*

розов, тут началась совсем иная жизнь. Дом превратился в настоящий музей. Часть помещений была отделена от жилых и превращена в выставочные залы.)

Но вернемся в тот октябрьский день 1908 года, в Париж, в залы Осеннего Салона. Бродя по ним, Иван Морозов отмечал понравившиеся ему картины с целью возможной покупки. Увидев одну картину, он остановился. Его внимание привлекла картина Анри Матисса «Статуэтка и ваза на восточном ковре». Матисса в 1908 году в России уже хорошо знали — еще в 1904 году журнал «Мир искусства» благодаря Игорю Грабарю опубликовал ре-

продукцию его ранней картины «Десерт» 1897 года, его картины выставлялись на выставках в Москве и других русских городах. Имя Анри Матисса стало символом новой живописи.

А не так давно его никто не знал и не покупал, но Сергей Щукин, в некоторой степени конкурент Морозова, другой русский богач, глава торгового дома «И.В. Щукин с сыновьями», владелец огромной текстильной империи и коллекционер, уже влюбился в этого художника и вытащил его из нищеты, начав приобретать его картины. Матисс был самым любимым художником Щукина. Сергей Иванович был покорен им

сразу, впервые увидев его работы. Поразительно — как этот русский купец смог понять и почувствовать Матисса, столь отличавшегося от всего того, что было тогда в искусстве! Ведь поначалу его творчество мало кто воспринимал. Матисса называли «бесформенным», «грубым», «наглым», «нахальным недоучкой, созданным парижской рекламой», и так далее. Увидев весной 1906 года на Салоне независимых большой холст «Радость жизни», Щукин тут же попросил галерейщика, известного парижского маршала Амбруаза Воллара, познакомить его с мсье Матиссом. Так Щукин стал идеальным покупателем работ Матисса, в

котором увидел «художника будущего». В последующие годы Сергей Иванович Щукин купит 37 полотен Матисса! Он приезжал к нему в мастерскую и отбирал самое лучшее, порой даже только начатые, еще незаконченные работы. Благодаря Щукину в России оказались такие шедевры мастера, как грандиозные панно «Танец» и «Музыка». (Матисс прожил долгую жизнь, он умер в 1954 году, 85-летним, узнав большой, настоящий успех и став признанным классиком XX века.)

Почему российские купцы становились коллекционерами? Конечно же, по разным причинам. Одни — из-за честолубия: подарив коллекцию

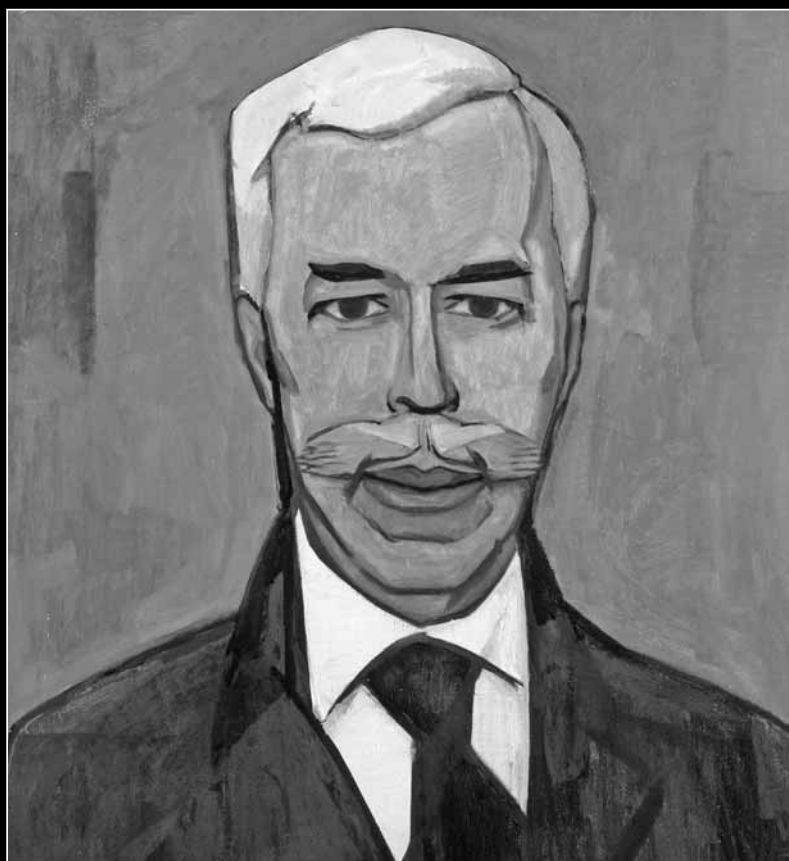
государству, можно было получить дворянство. Кто-то это делал из снобизма, из желания приобщиться к дворянским забавам. Кто-то — из соблазнов моды. Наверное, все это было и в случае с Морозовыми и Щукиным, но все-таки главным в их собирательской страсти была любовь к искусству. Истинная и бескорыстная. Любовь, которая двигала этими выдающимися коллекционерами при выборе их приобретений, любовь, которая заставляла платить очень немалые деньги за приглянувшиеся полотна.

Картина, которая понравилась Морозову, называлась «Статуэтка и ваза на восточном ковре». Яркая, она вся светилась и несла в себе какую-то удивительную радость бытия. «Очень хорошо», — отметил в каталоге Морозов. А потом даже подчеркнул эти слова. Он уже хотел оставить заявку на покупку полотна, но вдруг с досадой увидел: «Картина продана г. Щ.» Щукин его опередил! Ну что же, Морозов умел мириться с неизбежным. Но ему очень захотелось иметь в своей коллекции нечто подобное, и вскоре, встретившись с Матиссом (в мастерскую художника его привел Щукин), он попросил написать ему не копию, но натюрморт, по краскам, настроению и композиции похожий на «Статуэтку и вазу на восточном ковре». Матисс не отказал русскому богачу, и в 1910 году Морозов стал счастливым обладателем картины «Фрукты и бронза». (Позже он приобрел еще 10 картин художника.)

Морозов очень любил эту картину, а потому, заказывая свой портрет Валентину Серову, попросил вставить натюрморт в композицию картины, что тот и сделал.

Надо сказать, что Серову Матисс поначалу не нравился. Однако что-то в этом французе все-таки было! «Матисс... хотя и чувствую в нем талант и благородство, но все же радости не дает... Все чего-то не хватает — пресно — и странно, все другое зато делается чем-то скучным — тут можно попризадуматься», — за год до создания портрета Морозова писал же не из Парижа Серов, находясь под впечатлением от увиденных там на Осеннем Салоне произведений фовистов. Постепенно он ощутил обаяние Матисса и более того — использовал в своей работе его находки.

Вот и в портрете Морозова мы видим словно некое соревнование двух художников, и надо сказать, Серов нисколько не уступает своему французскому коллеге, сумев великолепно вписать его картину в свою композицию, передать очарование матиссовских красок. К тому же русскому художнику удалось создать яркий, выразительный психологический портрет. Перед нами — человек с сильным характером, хорошо знающий, что ему нужно, внешне может быть, холодный, но с темпераментом. Деловой, но не лишенный страстей. Сам он однажды сказал о себе, что «присущая всем русским славянская мечтательность, исключаящая деловую предприимчивость, чужда ему». Да, он был

*Христиан Крон.
Портрет
С.И. Шукина*

весьма практичным, деловым предпринимателем, владельцем сложного бизнеса, но в своем увлечении коллекционированием забывал о выгоде и тратил деньги на искусство, которое было для него «отдыхом, потребностью души». И это все читается в портрете, созданном кистью Серова. (Кстати, Серов создал целую галерею портретов Морозовых — он писал Ивана Морозова, его сына Микку, Евдокию Морозову и других членов этого большого семейства.)

Валентин Серов умер в 1911 году, стоя за мольбертом. От сердечного приступа. Морозовы не оставили в беде семью своего любимого художника и друга — они помогали деньгами его вдове и детям.

В 1914 году началась Первая мировая война, принесшая владельцам Тверской мануфактуры огромные прибыли. Морозовы получили то, что мы называем сегодня госзаказом, — им было заказано произвести пять миллионов аршин тканей, да еще десять тысяч корпусов для гранат. Вот только ездить за границу теперь было затруднительно, и Иван Морозов стал больше покупать полотна русских художников. Именно он первым среди коллекционеров купил картину Шагала «Парикмахерскую» и заплатил за нее никому еще не известному витебскому художнику Марку Шагалу 100 рублей! Получив эти деньги, свой первый значительный гонорар, Шагал смог жениться на

*Валентин Серов.
Автопортрет*

Белле Розенфельд. А в 1915 году после выставки в художественном салоне К. Михайловой, которая так и называлась — «1915», Морозов купил еще три полотна Шагала. Он, этот русский купец и фабрикант, сумел почувствовать очень странную, такую необычную живопись Шагала...

Морозов продолжал собирать свою коллекцию. К 1917 году в ней было около 100 работ русских художников и около 250 — французских, причем все картины — высочайшего класса. Свою коллекцию русского и французского искусства он, подобно П.М. Третьякову, пред-

назначал в дар Москве. Но в 1917 году в России случился Октябрьский переворот, как сегодня называют Октябрьскую революцию. Жизнь в стране изменилась кардинально. Все планы рушились, ломались человеческие судьбы...

В июне 1918 года была национализирована Тверская мануфактура со всеми ее фабриками — бумагопрядильной, ткацкой, отбельно-красильно-ситценабивной.

А 19 декабря 1918 года была национализирована и коллекция Ивана Морозова. Морозовскому собранию дали название — Второй музей новой

западной живописи. (Первым назвали собрание Щукина). Поначалу все выглядело не так плохо — ответственным хранителем (по сути — директором музея) назначили 35-летнего Бориса Терновца, умного, интеллигентного выпускника Московского университета, скульптора, учившегося в Париже у самого Бурделя. Ивану Морозову предложили статус его помощника. Ну и был политический комиссар, некий В.В. Денисов — а как же без политического руководства? Морозов был готов со всем этим мириться, лишь бы его коллекция не пропала. Но когда семейству Морозовых предложили переселиться на первый этаж (им там выделили три комнаты), Иван Абрамович воспринял это как оскорбление. Он был унижен, раздавлен и не захотел во всем этом участвовать. Он попросту исчез. Вместе со своей семьей. А Второй музей западного искусства открылся 1 мая, в День солидарности трудящихся. Как и было запланировано новыми властями.

Итак, Морозовы исчезли. Им удалось покинуть Россию. Поначалу они планировали осесть в Швейцарии. Затем пришлось заехать в Лондон, где на счетах Лондонского банка хранились вполне приличные деньги Тверской мануфактуры. Потом была Франция... Они не нуждались. Но, видно, очень тосковали по прежней жизни, где были родственники, друзья, картины. На фотографии того времени Морозов совсем не похож на серовский портрет, на того упитанного, умного, очень благополуч-

ного господина. На фотографии — осунувшийся, потерявший кураж, интерес к жизни человек...

В конце мая 1921 года Морозовы приехали в Карлсбад, поселились в «Пуппе», одном из самых дорогих отелей курорта. Гуляли, принимали ванны. Во время одной из процедур Ивану Абрамовичу стало плохо. Он умер 22 июля 1921 года. Ему было всего 49 лет! Дося и Дося-младшая решили не везти тело домой, во Францию (это было очень сложно) и похоронили мужа и отца в Карлсбаде, на старом местном кладбище. На надгробии выбили: «Потомственный почетный гражданин. Мануфактур советник Иван Абрамович Морозов». И поставили крест из белого мрамора.

Сергей Иванович Щукин, как и И.А. Морозов, лишившись своих любимых картин, тоже перебрался в Европу. Деньги, положенные в свое время для покупки полотен в западноевропейские банки, дали возможность жить достойно, не нищенствуя. В его парижской квартире бывал весь свет русской артистической эмиграции — Бенуа, Дягилев... Щукин прожил долгую жизнь и умер в 84 года, в Париже в 1936 году.

Они были очень разными людьми — спокойный, уравновешенный, закрытый Иван Морозов и порывистый, темпераментный, взрывной, увлекающийся Сергей Щукин. Они покупали полотна одних и тех же художников, но никогда не уводили картин друг у друга. Оба создали блестящие коллекции живописи, оба сделали так много для культуры сво-

ей страны, и оба закончили жизнь в изгнании, вдали от родины, лишенные новой властью всего того, что долгие годы собирали и на что щедро тратили свои деньги, свою жизнь...

А между тем в Москве коллекция Морозова продолжала свою жизнь. В 1921 году она была объединена с собранием Щукина — так получился Государственный Музей новой западной живописи, ГМНЗЖ. (Русская часть морозовской коллекции была частично утеряна, частично разграблена, но все-таки лучшая ее часть оказалась в Третьяковской галерее, ставшей главным московским музеем.) Но новый музей просуществовал недолго — уж очень не соответствовали собранные там полотна советской идеологии, уж очень они были далеки от соцреализма, от интересов пролетариата. История его уничтожения трагична и позорна. В 1940 году музей расформировали. Что-то попало в запасники Эрмитажа, что-то в музей им. А.С. Пушкина, что-то — в провинциальные музеи. Выставлять это «упадническое искусство» было нельзя, и многие годы шедевры, собранные двумя великими коллекционерами, хранились в запасниках. (К счастью, благодаря самым разным людям, настоящим ценителям живописи, они не были проданы в зарубежные собрания!) Вот как говорилось об этих картинах в Постановлении Совета Министров от 6 марта 1948 года:

«Совет Министров считает, что Государственный музей нового западного искусства содержит в своих кол-

лекциях преимущественно безыдейные, антинародные, формалистические произведения, лишенные какого-либо прогрессивного воспитательного значения для советских зрителей. Формалистские коллекции, закупленные в странах Западной Европы московскими капиталистами... нанесли большой вред развитию русского и советского искусства. Показ коллекций широким массам политически вреден и способствует распространению в советском искусстве чуждых буржуазных формалистических взглядов».

Но в России нужно жить долго, говорил Корней Чуковский... В марте 1953 года умер Сталин, и уже через полгода в Пушкинском музее на Волхонке выставили несколько работ импрессионистов. А потом началось постепенное возвращение щукинских и морозовских сокровищ миру. Картины уже можно было увидеть, но кто их привез в Россию? Имена Морозова и Щукина еще долго не назывались. И только в конце 1980-х годов эти люди заняли достойное место в истории нашей страны. Сегодня о них пишут книги, снимают кино, им и их собраниям посвящают специальные выставки. Чуковский был прав — в России нужно жить долго...

А портрет Ивана Морозова кисти Серова с чудесным матиссовским фоном сегодня украшает коллекцию Третьяковской галереи — он висит среди других серовских шедевров в зале этого замечательного художника. □

Почти забытый

Евгения Гордиенко

Петр Лещенко

*Все равно года проходят чередою,
И становится короче жизни путь.
Не пора ли мне измученной душою
На минуточку прилечь и отдохнуть?*

Забытых героев прошлых лет немало. И часто случается так, что некогда имя артиста гремело по всему миру, а сегодня о нем помнят лишь единицы. Так случилось, к сожалению, и с Петром Лещенко, чья слава в свое время была огромна. «Моя Марусенька...», «Ах, эти черные глаза...», «Все, что было...» стали практически «народными», но первым их исполнителем был именно Петр Лещенко — русский, румынский, одесский, какой угодно — певец, певец всего мира, охвативший талантом своим не только пространство, но и время.

Петр Лещенко родился 14 июня 1898 года. Чаще всего местом его рождения называют деревушку Исаево в Херсонской губернии. Мать его была крестьянкой, бедной и неграмотной. Звали ее Мария Лещенкова. (Сын впоследствии чуть изменил фамилию, сократив ее до более украин-

ского варианта.) Рожден Петр был вне брака, своего родного отца никогда не знал. Запись о его рождении была сделана в церковных книгах спустя почти месяц после рождения, когда было проведено крещение и выбраны крестные родители. С ними Петру повезло: это были

дворянин Александр Кривошеев и дворянка Катерина Орлова. Почему так получилось, сейчас уже не установить, — возможно, эти люди благородно вошли в трудное положение Марии и помогли, чем смогли. Отчество сыну мать дала по имени своего отца — Константинович.

Сыну не было и года, когда Мария переехала в Кишинев, где вскоре вышла замуж за зубного техника Алексея Алфимова. В этом браке родились две дочери — Валентина и Екатерина. Отчим оказался достойным человеком, он заботился о пасынке, как о собственных детях. До восьмилетнего возраста ребенка воспитывали дома, так как на регулярное образование не хватало средств. Однако к нему на дом приходили учителя, которые дали ему все возможное на тот момент образование. У Марии был прекрасный слух и голос, наверное, именно от нее Петр Лещенко и получил свои таланты. Кстати, как раз отчим заметил у Петра способности и подарил ему первую гитару.

«Певческая карьера» Петра Лещенко началась в солдатском церковном хоре, а продолжилась — в Кишиневском приходском училище. В семнадцатилетнем возрасте юноша уже имел документ об окончании не только общеобразовательной (деньги на школу родители, в конце концов, нашли), но и музыкальной школы.

Почти сразу по окончании учебы молодой человек оказался на полях Первой мировой войны. Его местом службы стал 7-й Донской казачий

полк, где он прослужил целый год. А когда Петр окончил Киевскую пехотную школу прапорщиков, его откомандировали в Одесский 40-й запасной полк, а спустя некоторое время он уже командовал взводом в Подольском пехотном полку.

Летом 1917-го Лещенко был тяжело ранен. Из-за контузии лечение шло долго, и выписали Петра только к концу ноября, когда уже вовсю гремела октябрьская революция.

Из-за войны и революции Бессарабия, прежде числившаяся частью Российской империи, отошла к Румынии, и Лещенко принял румынское подданство. Ему нужно было как-то зарабатывать себе на жизнь, и сколько же всего он перепробовал! Был токарем, служил при церкви, работал посудомойщиком в кафе, исполнял сольные партии в квартете вокалистов, выступал в театре с танцами и песнями. Последнее получалось лучше всего, и он решил сосредоточиться именно на этом.

К концу 1919-го Петра приняли в танцевальную группу «Елизаров», с которой он часто ездил на гастроли. Также он выступал в дуэте гитаристов «Гусляр» с номером, в котором играл на балалайке, а затем, переодевшись в кавказский костюм, выходил на сцену «арабскими шагами» с кинжалами в зубах, танцуя вприсядку и сопровождая все это метанием кинжалов в пол. Номер имел бешеный успех у публики. Несмотря на это, Лещенко считал свою танцевальную технику далекой от совер-

шенства, поэтому решил получить соответствующее образование.

Чтобы восполнить нехватку танцевальных навыков, он поступил в балетную школу Трефиловой в Париже, а по окончании обучения устроился в престижный ресторан «Норманди», где исполнял не только танцевальные, но и вокальные номера.

Во время обучения в Париже произошло еще одно важное событие в жизни Петра Лещенко: в балетной школе он познакомился с латышкой Зинаидой (Жени) Закитт, которая вскоре стала его женой. Вместе они ездили на гастроли, выступая дуэтом. Однако вскоре Зинаиде пришлось приостановить свои выходы на сцену из-за беременности. В январе 1931-го она родила сына Икки (Игоря).

За несколько лет Петр Лещенко объездил не только всю Европу, но и значительную часть Ближнего Востока. По возвращении в Румынию он начал работать в театре «Театрул Ностра», но стабильность все же была не для него: хотелось новых мест, новых впечатлений...

В одной из поездок Петр и Жени познакомились с Александром Вертинским. Тот пришел в восторг, услышав пение Лещенко, и настоятельно порекомендовал начинающему певцу сделать граммофонные записи некоторых песен и романсов. Об этом же твердил и Оскар Строк — композитор, автор многих мелодий в стиле фокстрот и танго, чьи песни исполнял Лещенко.

Так благодаря Вертинскому и Строку появились первые записи певца Петра Лещенко на пластинках, и началась настоящая слава. Известного до этого момента только посетителям ресторанов певца ждал огромный успех. Вскоре он получил предложение о сотрудничестве от английской фирмы Columbia: за время совместной работы у них вышло более восьмидесяти дисков. Работал

Вера Лещенко (Белюсова)

он и с другими звукозаписывающими компаниями — немецкой Parlophone Records, румынской Electrecord, латвийской Bellaccord.

За успехом, пришедшим после выпуска пластинок, последовали новые гастроли: Лондон, Вена, Бейрут, Дамаск, Афины, Салоники, Кишинев, Рига. И везде — полные залы. В Бухаресте, куда он перевез мать, отчима и сестер, певец приобрел собственный ресторан.

Но не все, как Вертинский, были способны оценить успех коллеги.

Так, Федор Шаляпин, с которым Лещенко очень дружил, называл Петра Константиновича — в шутку, конечно — «патефонным певцом» и «хорошим исполнителем глупых песенок». Тут, скорее всего, имела место легкая и благородная зависть — патефоны тех времен не могли достойно воспроизвести всю мощь шаляпинского баса — они сипели и хрипели, и потому пластинок у Шаляпина было несоизмеримо меньше, чем

направлен в Крым — заведовать столовой штаба румынской армии. Вероятно, решили, что владелец ресторана справится с этой задачей.

В том же 1941 году в Одессе Петр встретил девятнадцатилетнюю студентку консерватории Веру Белоусову. Он влюбился в нее сразу и бесповоротно, и практически тут же предложил выйти за него замуж. Правда, сначала ему пришлось вернуться в Бухарест, чтобы оформить

В одной из поездок Петр и Жени познакомились с Александром Вертинским. Тот пришел в восторг, услышав пение Лещенко, и настоятельно порекомендовал ему сделать граммофонные записи некоторых песен и романсов. Об этом же твердил Оскар Строк — композитор, песни которого исполнял Петр. Так благодаря этим двум людям появились первые записи Лещенко на пластинках, и началась настоящая слава

у Лещенко. А последнего как раз прекрасно можно было слушать в записи, поэтому его «глупые патефонные песенки» были так популярны. Лещенко слушали все — и белые офицеры, и красные солдаты, и рабочие, и парижские таксисты.

После начала Второй мировой войны, зимой 1941 года, Лещенко выступал в Одессе, которую к тому времени уже оккупировали румынские войска. Полученную повестку, предписывающую явиться на фронт, певец просто проигнорировал — ему не хотелось воевать на стороне фашистов. Вторую повестку «не заметить» не удалось, и Лещенко был

развод с Зинаидой. Женщина не была в восторге, но многолетний творческий и супружеский союз к тому времени себя, по-видимому, исчерпал, так что развод Лещенко получил.

После того как советские войска освободили Румынию, Петр и его теперь уже жена Вера стали выступать дуэтом. Благодаря тому, что артист хорошо владел несколькими языками — русским, украинским, румынским, немецким, французским, — репертуар их был огромным. Выступали они в кафе, кинотеатрах, госпиталях, офицерских клубах Бухареста. Через несколько лет после

окончания войны стали работать в заново открытом Театре эстрады.

Будучи румынским гражданином, Лещенко всегда с огромным уважением относился к Советскому Союзу и стремился туда вернуться. Он писал письма руководителям страны, в которых просил разрешения на переезд, но ни разу не получил ответа. Точнее, получил, но совсем не такой, какого ждал...

Поскольку Румыния после окончания войны стала частью соцлагеря, румынские спецслужбы, так или иначе, подчинялись спецслужбам СССР. И когда из Москвы пришло указание арестовать певца, его схватили тут же — прямо во время антракта на концерте. Это произошло в марте 1951 года, в городе Брашов.

За три года он успел сменить несколько тюрем — Жилав, Капул Мидиа, Борджешт. В 1954 году его доставили в тюремную больницу Тыргу-Окна с открытой язвой желудка. Операция успеха не принесла, и

вскоре после нее Петра Лещенко не стало. Он скончался 16 июля 1954 года в тюремной больнице.

Вера Белоусова-Лещенко узнала об этом только через два года. На протяжении долгого времени она писала прошения в различные инстанции, обивала пороги чиновничьих кабинетов с одной единственной просьбой: помочь найти место упокоения ее мужа, но в ответ слышала: «Нет информации. Обращайтесь в Румынию». Письма из Румынии возвращались без ответа и объяснений. Ее огорчало, что репертуар Петра Константиновича многие использовали, а вот добрым словом не вспоминал никто. Она еще два раза выходила замуж, но сохранила память о первом муже и написала о нем книгу. Не стало Веры Белоусовой-Лещенко в дека-

бре 2009 года. Первого мужа она пережила более чем на полвека.

Единственный сын певца — Игорь — пошел по стопам отца и стал балетмейстером Бухарестского театра оперы и балета.

О творчестве Лещенко в Советском Союзе снова вспомнили только в 80-е годы, когда «Мелодия» выпустила пластинку «Поет Петр Лещенко». В 2013-м году Владимир Котт по сценарию Эдуарда Володарского снял картину «Петр Лещенко. Все, что было...» Но вышла она только спустя четыре года. В ней нет точного соответствия жизни певца, однако такой задачи и не ставилось, ведь в биографии Петра Константиновича немало белых пятен. Главного героя сыграл Константин Хабенский — в зрелом возрасте, а в юности — Иван Стебунов. Споры вызывал вопрос, кто будет петь. Режиссер принял решение, что оригинальный голос Лещенко не будет звучать в фильме. Все песни в итоге были спеты Стебуновым и Хабенским. Специально для этого актеры брали уроки вокала, и хотя их вокальные данные нельзя назвать выдающимися, многие оценили результат как весьма достойный. Тут стоит вспомнить, что голос Лещенко всегда считался не столько классически «поставленным», сколько душевным и проникающим прямо в сердце. С этой задачей Стебунов и Хабенский справились блестяще.

Интересно, что фильм о Петре Лещенко мечтал снять еще Эльдар

Рязанов, но его желанию не суждено было осуществиться.

Порой художественный образ, вымысел по сути своей, затмевает человека живого, который жил, страдал, любил, был хорош и ужасен, доставлял людям радость и причинял боль. После выхода сериала Владимира Котта в наших глазах Петром Лещенко стал Константин Хабенский — с его искренним исполнением песен, с его строгим костюмом на сцене, с его — а не настоящего Петра Лещенко — болью в глазах. Вера Белоусова-Лещенко заочно одобрила Хабенского как исполнителя роли своего первого мужа. Однажды она увидела актера по телевизору, позвонила своей подруге и сказала: «В нем есть деликатность, сдержанность, и сила характера чувствуется. Вот таким был Петенька! Костя — уверенный, активный, но моментами так застенчиво улыбнется — вылитый Петя!»

Но все же это разные вещи: настоящая жизнь и роль в кино — пусть и сыгранная гениально. В нашем распоряжении, к счастью, есть настоящий голос Петра Лещенко, так искренне любившего свою страну и так незаслуженно ею погубленного. Пока мы можем слушать этот голос, танцевать под это танго, которое до сих пор (!) играют на танцплощадках в летних парках, настоящая память живет в наших сердцах. И значит, все, что было, было не зря. □

Блеск и нищета графа советской разведки

Жизнь по смертельному сценарию — именно такую было дано прожить только Дмитрию Александровичу Быстролетову. Вот как он оценивает сущность деятельности разведчика в разговоре с самим собой, которому не соврешь и, уж точно, не обманешь:

«Какая это была работа?

— Грязная.

— И все?

— Героическая. Мы совершали подлости и жесткости во имя будущего... Делали зло ради добра».

Внебрачный сын графа из рода Толстых и белоэмигрант, студент Пражского университета и торговец из Греции, венгерский граф и английский лорд, агент японской разведки и чуть ли не наглый греческий разбойник... И все это — советский разведчик Быстролетов, превратившийся в эффективнейшего нелегала.

Во второй половине 1920-х парня заметил основатель советской внешней разведки Артур Христианович Артузов: «Надо использовать его выгодную наружность, знание языков, общий культурный уровень. Он может нравиться людям наверху общества, это редкая у наших людей черта». И Артузов не ошибся.

«Я вел двойное существование — скромного экономиста и неизвест-

ного со многими масками на лице», — признает Быстролетов.

Обычно подготовка нелегалов занимает годы и годы. Но не в случае с Быстролетовым. Во-первых, времени на подготовку совсем не было. Он должен был начинать свою деятельность в переполненной русскими эмигрантами Праге не завтра, а позавчера. Во-вторых, Дмитрий Александрович обладал тем,

что дается только от Бога. Талантом, который нельзя воспитать даже в самом старательном и работоспособном разведчике. Он вступил в игру сразу, без всякой раскочки.

Больше десятилетия непрерывной работы во враждебной Западной Европе, в том числе, и в фашистской Германии, где каждый его потрясающий успех был закономерен и, в то же время, достигнут вопреки законам логики. Что давалось ему в разведке лучше всего? Он был блестящим вербовщиком — высшее отличие даже в нелегальной, самой засекреченной, разведке.

Приятная внешность, благородные манеры — не зря незадолго до Октября 1917-го он был официально признан графом — позволяли привлекать к работе не на Советы, (что вы, ни в коем случае!), а только на себя молодых и не очень женщин.

Дмитрий Александрович знал, чего ждут от него в Москве на Лубянке: шифров и вербовок. Позже в своих литературных трудах он так определил свою роль и задачу: «Вербовщик должен быть не только хитрее и умнее вербуемого. Он обязан еще и видеть дальше. Понимать общее положение яснее и глубже».

Больше всего Быстролетова, точнее ОГПУ, интересовали шифры. Добраться до них получалось только с помощью вербовки. Вот и сотрудница секретариата посольства Франции Мари Элиан Окютерье не могла в 1927 году отказать любимому человеку в удовольствии проник-

нуть во все тайны французского МИДа. Она попала в элементарную «медовую ловушку», но как умело расставленную.

Его появление приписывают блондинам из Министерства внутренних дел ГДР, именовавшегося постоянно уступавшими противниками презрительным «Штази». Ничего подобного: обольщение в сугубо оперативных целях применялось с древнейших времен. Но одним из наиболее ярких соблазнительей стал как раз Дмитрий Быстролетов.

Он прекрасно знал, на что шел тогда в Праге, будучи уже человеком женатым. Никаких чувств к французке Мари не испытывал. Да, в душе несколько стыдился своей роли, даже раздумывал, как потом оправдать перед ней неминуемое расставание. Однако никаких угрызений совести. Родина была дороже всего, и проблеска мысли о том, чтобы каким-то образом уклониться от выполнения неприятнейшего задания не приходило. Сотруднице французского представительства заранее уготовил роль жертвы. Откровенно: она попала в умело расставленные сети, как бедный карасик. Поначалу приносила важные секретные документы, не представляя, какая роль ей уготована. Но... «часы пробили свое», и милейший любовник попросил посольские шифры. Они были нужны Москве ради святого дела: переписка Франции с Германией никак не поддавалась расшифровке.

Как отказать, огорчить, подвести, когда ее страсть пылала ярким пожаром?! И она добыла шифры — всего лишь на час. Хватило и его. После этого Мари была по-хамски списана со счетов, ибо уже вскоре Быстролетов получил не подлежащий обсуждению приказ: связь с агентом прекратить. Может, Москва заботилась о своем вербовщике, волновалась об его нравственности? Ну, уж вряд ли. Все привычные человеческие чувства были растоптаны. Зато шифры быстро дошли до лубянского адресата. Но Страна Советов никак не отблагодарила ни агента, а как еще назвать бедную Мари, ни, главное, ее вербовщика-соблазнителя.

И это был не единственный подвиг Быстролетова — «Ромео». Пора, пора приступать к осаде — и обязательно взятию — других таких же девичьих крепостей на новых берегах.

Иногда этому мешали обстоятельства, казалось, непреодолимые. Даже людям, не позволяющим ни минутного расслабления в обычной жизни, почти не под силу совладать с собой во время сна. Почти. Потому что все же невероятными усилиями воли сделать это удастся. Легендарный разведчик Николай Кузнецов, он же обер-лейтенант Пауль Зиберт, во сне иногда говорил по-русски. В ночном забытьи у него порой вырывалась засевшая в мозгу фраза: «Мы еще посмотрим, кто из нас настоящий патриот». Об этом его предупредил сосед по землянке, врач партизанского отряда «Победите-

ли» Альберт Вениаминович Цессарский. Мало ли с кем пришлось бы Зиберту делить гостиничный номер или кровать. Доктору не удалось бы избавить Кузнецова от опасной привычки, если бы не стальная воля Николая Ивановича.

Однажды одна из подруг Быстролетова мимоходом обронила, что он во сне произносит какие-то слова на странном языке. Нам-то ясно, на каком. И Дмитрий Александрович избавился — непонятно, как, ведь никаким врачам довериться он не мог — от ночной болтовни. Сам считал, что помогла сила внушения.

В Германии, прикинувшись легкомысленным прожигателем жизни, он сумел добиться расположения фанатичной фашистки с обезображенным в автокатастрофе лицом. Дама опытная, она-то понимала, что красавчик интересуется ею с какой-то тайной целью. И Быстролетов внушил, с какой именно: далекий от политики, он хотел понять, чем же так привлекает людей совершенно неизвестный ему, иностранцу, человек по фамилии Гитлер. В попытке перевоспитать, вылепить заново и превратить холеного богача в настоящего националиста, фашистка средних лет раскрывала ему всю глубину идеологии национал-социализма. А заодно и двери стальных берлинских сейфов, чтобы ловелас понял, за какие идеи надо по-настоящему сражаться. Он постепенно понимал, и вместе с этим пониманием в Москву утекали из Третьего рейха се-

кратчайшие сведения, касающиеся работы немецкой разведки на советской территории.

Дело, между тем, двигалось к свадьбе. Остановка за малым — венгерскому графу, он же тов. Быстролетов Д.А., надо было как следует обеспечить будущее «семейное счастье». И всего-то, что требовалось от невесты-нацистки — достать документы некоей химической лаборатории, где она в тот счастливый для Быстролетова момент работала. Иначе суженый мог бы разориться, играя на бирже. Любовь — сильная и застилающая глаза штука. Святое дело — помочь жениху, без пяти минут мужу. А когда задание было выполнено, тот уехал на охоту. Где и погиб. Неутешная вдова горевала. И образ дорогого ей венгерского графа всплывал перед глазами так часто, что однажды показалось, будто она увидела его живым и невредимым, столкнулись на каком-то званом обеде. Такие вот незапланированные встречи и губят разведчиков, никто от них не застрахован. И венгр Быстролетов исчез. Навсегда. Из поля зрения немки.

Для поборников высокой морали, да и не только, для меня тоже, использование собственной жены чешки Марии, она же Милена, Шелматовой в оперативных целях выглядит неким кощунством. Тем более что в судьбе разведчицы однажды уже произошел неприятный сбой. Пересекая по приказу мужа Дмитрия бесчисленные границы

с сумкой, набитой секретными материалами, она попала пограничникам. Вина была не до конца доказана, и обвинения звучали расплывчато, зыбко. Зато приговор оказался весьма конкретен — обвинение в шпионаже и пять лет в австрийской тюрьме. К счастью, швейцарский адвокат нашел в деле смягчающие обстоятельства и, год отмучившись, Шелматова была освобождена. Чтобы начать все сначала.

Даже когда Милена, буду называть ее так, заболела туберкулезом, ее использовали, с полного согласия мужа, для рискованной операции. В швейцарском Давосе, где она лечилась, разведчицу превратили в «почтовый ящик». Именно у Шелматовой хранились документы, паспорта, деньги, за которыми иногда являлись неведомые для нее люди. База хранения действовала безупречно. Как может вызвать подозрения действительно тяжелобольная женщина.

Ей пришлось принести еще одну жертву. Покинуть мужа, изображать любовь со стариком, искренне в нее влюбившимся. Но что делать, если Центр приказал разработать полковника из итальянской военной верхушки. Да, они с женой дали слово, что как бы оба не грешили физически, духовно останутся друг для друга самыми близкими людьми. Но как оправдывать Быстролетова, простите за отвратительное слово, «подложившего» под носителя тайн Муссолини собственную жену?

К тому времени Милена была уже опытной разведчицей. Мало кому из женщин-нелегалов присваивалось столько оперативных псевдонимов. Если по алфавиту, то Айли, Венто, Длюони, Иоланта, Маргарита Викторовна и Мария Иосифовна, графиня Равенбург-Равенау и еще одна особа с графским титулом Эстергази, Рона.

Быстролетов предложил жене использовать хорошо ему знакомый профессиональный прием, все ту же «медовую ловушку». В Локарно графиня Эстергази невинным кокетством привлекла к себе внимание

не, Быстролетову приказали пренебречь и безопасностью собственной жены тоже. Если муж долго не отлучался, сидел на своей вилле, любясь молодой красавицей, приходилось проводить съемку и ночью, надеясь, лишь на крепкий сон хозяина дома. И однажды надежда не сбылась. Внезапно проснувшийся полковник услышал шорох в кабинете, в котором и застал любимую вместе с незнакомцем. Они занимались совсем не любовью, а... фотографированием.

Последовало короткое объяснение. Быстролетов подсказал стари-

---

Дмитрий Александрович не мог не притягивать и не привлекать. Трудно поверить, что в одном человеке сочеталось столько талантов, многие из которых были развиты им из-за требований, предъявляемых профессией

полковника и ответила взаимностью на его искренние чувства. Дошло даже до святого для итальянцев венчания. Затем последовала совместная жизнь в большой вилле с уютной спальней. А во время частых командировок итальянца его молодая жена открывала сейф с секретными документами, втаскивала карабкающегося по подвесному канату мужа в кабинет, где он быстро фотографировал переписку между Гитлером и Муссолини. В 1936-м, когда дело уже точно двигалось к вой-

ку выход, позволявший тому уйти из жизни с незапятнанной офицерской честью: самоубийство. И сломленный, раздавленный полковник последовал его совету. Выпив напоследок немало виски, сел за руль и погиб в автокатастрофе. Все было чисто. Вскрытие показало наличие в крови избыточной доли алкоголя, да и не требовалось никакого вскрытия. В машине нашли почти пустую бутылку крепкого напитка. Банально. Выпил, сел, разбился. А что переживала в этот момент графиня

Эстергази, она же Милена Шелматова? Радовало ли ее, что, в конечном счете с выполнением тяжелейшего задания было покончено, а искренне любивший ее человек бесславно ушел?

Вот она, разведка без прикрас. Выбор, по существу, без выбора. Родина или любовь, верность? Верность — да, но только Родине! И что испытывал Быстролетов? Были угрызения совести? Сожаления в содеянном? Раскаяние?

Хотя наверняка он тоже страдал. А вот для любимой выполнение задания обернулось психическим расстройством и клиникой. Забегая вперед, супруга и твердая коммунистка так и не смогла оправиться от удара. Силы оставили, нервы не выдерживали. Она попросила отправить ее домой. А что могло стать домом для оставившей следы по всей Европе разведчицы? Конечно, Москва, где она обосновалась в середине тридцатых. Когда в 1938-м мужа арестовали никакие не итальянцы-немцы-турки-французы-англичане, а свои, родные, она, понимая, что больше такого существования выдержать не сможет, покончила жизнь самоубийством. Или добровольный уход был совершен, потому что высшие идеалы, ради которых они с мужем страдали и бились, перестали для нее существовать с арестом Дмитрия, а жизнь без него и веры потеряла смысл?

Да, Дмитрий Александрович не мог не притягивать и не привлекать.

Трудно поверить, чтобы в одном человеке сочеталось столько талантов. И многие из них были развиты Быстролетовым из-за требований, предъявляемых профессией. Один из его будущих литературно-кинематографических персонажей голландец Ганс Галлони объяснял это так: «У меня было столько имен, масок и паспортов, сколько оперативных заданий. Потому что для каждой разведывательной линии требуется человек с подходящими для данного случая данными».

О писателе Быстролетове чуть позже. Но он был прекрасным живописцем, которого после благополучного возвращения на родину не могли не принять в 1937-м в Союз художников СССР, в который проникали и настоящие творцы, и конъюнктурщики.

Играючи, словно не жил под Дамокловым мечом нелегала в чужом обличье, Дмитрий поступил на медицинский факультет университета в Цюрихе. С разведкой учеба была не связана. Он учился под именем Лайоша Йозефа Пирелли из Братиславы. Полученный диплом врача выглядел прихотью человека с невероятными способностями. Глупо же предполагать, что на Дмитрия Александровича снизошло предвидение. Хотя, почему бы и нет? Так, на всякий случай. Но именно профессия доктора, требующая везде и всеми, спасла жизнь на сталинской каторге заключенному №0-837 Быстролетову. Зачем закапывать в землю тюремного

врача, когда его можно использовать и в Норильлаге, и в Сиблаге, куда заточила, казалось, насмерть, судьба.

А ведь его, возвратившегося в Москву после почти одиннадцати лет нелегальной работы на износ, не трогали дольше других соратников. Вроде бы, ужасы 1936 и 1937 годов прошли мимо него. Плевать на перевод на не престижные, все ниже и ниже, должности. Это его не смущало. Лишь бы не арест, который был абсолютно неизбежен для такого удачливого интеллектуала, никак не вписывающегося в нормы царившего по всему Союзу стукачества. Как же старательно вместе с избивавшим его следователем искали они вместе, за что в биографии разведчика-вербовщика-нелегала можно зацепиться, чтобы оболгать, выставить врагом народа. Не нашли бы — и тогда героя-нелегала забили бы до смерти еще до вынесения приговора.

Признали непонятно каким, но все равно шпионом. И двадцать лет по все той же страшной 58-й статье. Допросы, пытки, этапы, голод, тюрьмы и лагеря, по сравнению с которыми «Один день Ивана Денисовича» Солженицына меркнет.

А когда замаячило после войны в 1948-м освобождение, последовал отказ Быстролетова. Никакой амнистии, категорическое требование безусловного признания невиновности. И взбешенный министр Госбезопасности СССР Виктор Абакумов,

чья монаршья-наркомовская милость была твердо отвергнута каким-то зеком, уже отбывшим десятку, засадил непокорного и не смирившегося в одиночку Сухановки — сухановской тюрьмы. Даже в те годы, когда тюрьмы соревновались между собой в смертельной жестокости к сидельцам, она считалась адовой. А Быстролетова сажали еще и в темную клеть, называвшуюся карцером.

В 1954-м он пережил инсульт. И был не освобожден, нет «актирован». То есть, не амнистирован, а выпущен на свободу по болезни. Инсульт попадал в короткий список болезней, по которому выпускали. А он был настолько истощен, что даже не мог выйти из камеры, когда ему объявили: «Свободен».

1956-й стал для тяжело больного, но, тем не менее, не сломленного Быстролетова годом реабилитации. Все-таки непонятно, как он выстоял или выжил. Объяснения типа «помогла железная сила воли» тут не проходят. Железных ломали, и еще как. Объяснение для меня одно — свершилось настоящее чудо.

Изможденный, полуслепший Дмитрий Александрович Быстролетов написал 17 книг! Его многотомный «Пир бессмертных» — шедевр писательского мастерства и точных, в нокаут вгоняющих наблюдений и жутких подробностей.

Только вслушайтесь в этот ужас: «В Бутырку на допрос водят: арестованный, наклонив голову и зало-

жив назад руки, идет по широкому и светлому коридору. В Лефортово на допрос волокут: два дюжих мордобойца заламывают руки назад так, что спина и голова сами собой наклоняются книзу, и бегом тащат арестованного по железному балкону и узкой винтовой лестнице в подвал. Там толчком ноги раскрывают дверь следовательского кабинета и волокут дальше, пока

оружием с надписью «за беспощадную борьбу с контрреволюцией».

По существу, выдающийся герой был вольнонаемным, не попадавшим ни под какую монаршую милость. Вопреки часто встречающемуся заблуждению, Дмитрий Быстролетов никогда не был офицером. В «Списке кадрового состава органов Госбезопасности СССР за 1935–1939 гг.» «сведения о при-

---

После 16 лет «на грани» Дмитрия Александровича оставили в покое. Он все-таки не дал себя смять, раздавить. А годы спустя пришло посмертное признание строгого разведывательного сообщества: фамилия «Быстролетов» сверкает на мемориальной доске Зала истории внешней разведки в ее штаб-квартире. Широкой же публике впервые о Быстролетове-разведчике было рассказано в 1988 году в сборнике «Чекисты», изданном в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей»

не швыряют на стул. Отдышавшись, я поднял голову и увидел за столом Жабу...»

Заслуги перед Родиной, которая долгие годы и не собиралась отвечать ему взаимной любовью, оценивались высокой, но ведомственной наградой: полученном еще до ареста звании «Почетного работника ВЧК-ОГПУ». Правда, в 1932 году Быстролетов Д.А. — сотрудник ИНО ОГПУ — был награжден боевым

своении званий отсутствуют». Быстролетов объяснял: «Был представлен к старшему лейтенанту, но из-за последовавшего ареста не оформили».

Знание 22 языков и прозябание в жалкой должности мелкого совслужащего, редактора-переводчика в непонятном медицинском НИИ с соответствующей зарплатой или ее подобием. И все же ему, повторюсь, чудесным образом удалось выжить. Каким неуместным кажется слово

«повезло». Но это так. Добрался до почти 75 лет. Нашел новую любовь и обрел новую семью. После 16 лет на грани Дмитрия Александровича оставили в относительном покое. Дали возможность поучаствовать в 1973 году в создании не какого-то там документального, а вполне художественного фильма «Человек в штатском», в котором просматривались меж бегущих кадров какие-то правдивые детали его жизни разведчика-нелегала. Он не дал себя смять, раздавить. Не просто выжил, а победил в споре со сталинской системой.

Годы спустя, пришло посмертное признание строгого разведывательного сообщества. Поверьте, немногие люди этой профессии заслужили знак высшего внутреннего отличия, которому не полюбоваться широкому кругу. Фамилия «Быстролетов» сверкает на мемориальной доске Зала истории внешней разведки в ее штаб-квартире.

Впервые о Быстролетове-разведчике было рассказано — пусть и вкратце — после его кончины в сборнике «Чекисты», изданном в 1988-м году в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей». А до этого он сам, работая в стол, брал у себя интервью, лишь уклончиво намекая о своих настоящих подвигах.

Потом пошла череда публикаций его многотомных произведений, охи и ахи по поводу того, что не заметили одну из выдающихся личностей ушедшей эпохи. Но, увы, талантливый

вейший писатель, на мой взгляд, ничем не уступающий даже лучшему мастеру лагерной прозы Варламу Шаламову, как-то обойден вниманием и заслуженным благоговением современных литераторов и издателей. Жаль. И тут даже не напишешь, что пройдут годы, и тома «Пира бессмертных», которые все-таки появляются на свет божий, будут читать с еще большим упоением, чем «Архипелаг ГУЛАГ». Нет же. Так что здесь Дмитрию Быстролетову отобранной у него возможной писательской славы уже не обрести...

А вот о разведчике-нелегале Быстролетове мы можем узнать, и немало. Приведу эпизоды его героической жизни, которые на языке сегодняшних сослуживцев Дмитрия Александровича называются оперативными. И интересно, и тайны никакой не выдам.

Задачи по собственному перевоплощению Быстролетов ставил практически, да и теоретически, невыполнимые: «Разведчик должен быть актером, но не таким, как в наших лучших театрах, а в тысячу раз более совершенным». А также: «Разведчик должен верить в то, что говорит, а то обязательно сфальшивит. Он должен сначала вжиться в роль, потом полностью перевоплотиться». Чересчур высоко? Согласился бы с этим Константин Сергеевич Станиславский? Наверное, если бы увидел странную сцену, разыгрывающуюся на римском вокзале. Хоро-

шенькая молоденькая монахиня в одеяниях святого ордена, помогавшего тяжело больным, и молодцеватый служитель в форме известной американской больницы, где лечатся только богатые, вели, вернее, чуть не волочили по перрону странного человека — явно старого, совсем не здорового. Скрюченный, с головы до ног укутанный в теплые пледы, он упирался, что-то мычал, то обвисая, то вырываясь из сильных рук сопровождавших. Шествие завершал слуга, без всяких усилий несший легкий, видно, полупустой, саквояж и длинную сумку, из которой торчали металлические концы клюшек для гольфа. Процессия, приковавшая немало любопытных глаз, медленно приблизилась к шикарному спальному вагону поезда Рим-Берлин.

Монахиня прощепетала проводнику, что больной — сумасшедший лорд. Время от времени он впадает в невероятное буйство, неизменно заканчивающееся укусами любого, кто попадет под его крепкие зубы. Но укусы относительно безопасны, ибо безумие через слюну не передается. Обычно припадки провоцируют резкий стук, дребезжание, да и вообще от лорда лучше держаться подальше и в разговоры с ним не вступать, за ним привычно ухаживают санитар и она сама.

Перепуганный проводник быстро обвязал полотенцами все, что только могло дребезжать в люкс-купе, включая ночной горшок, и на протяжении пути старался не заглядывать

к проклятому лорду, советуя то же самое всем подряд — от пассажиров до пограничников и таможенников. А безумца не без труда усадили на нижнюю полку, заботливо накрыв еще одним пледом. Рядом устроились монахиня, сразу же принявшаяся за чтение Евангелия, и санитар. Мощный слуга небрежно поставил под окно купе чемодан, пристроил дурацкую сумку с клюшками в угол и ушел.

Так началось выполнение задания советской резидентуры в Берлине. Нелегалу Дмитрию Быстролетову было приказано срочно отправляться в Рим и, несмотря на очевидный смертельный риск, доставить из Италии в нацистскую Германию ручной пулемет новейшей конструкции, а еще армейский костюм, защищавший от газов. Перед Второй мировой все боялись, что немцы снова возьмутся за применение отравляющих веществ.

Бог с ним, с газозащитным костюмом. Но вот пулемет, да еще со стволом... Как дотащил все это с показной легкостью здоровяк-слуга-разведчик? Пусть чемодан с запихнутым костюмом был не тяжел, но сумка с пулеметом и клюшками весила невероятно, любой вокзальный носильщик согнулся бы под таким гнетом килограммов и почувствовал неладное. Так что в показной легкости все это играючи тащившего «слуги» был и особый смысл, и потрясающая физическая подготовка.

Но главное заключалось в том, что дуло, как писал потом сам Быстролетов, «предательски торчало из сумки и хорошо просматривалось между стальными лопаточками клюшек». И все это надо было вывезти из Италии, протащить через швейцарскую, а потом и немецкую границу. Задача невыполнимая. Но не для «лорда» Дмитрия Быстролетова и его помощников. «Наша затея была психологической атакой, весь расчет ставился на то, что ни итальянские чернорубашечники, ни швейцарские жандармы, ни гитлеровские эсэсовцы, пораженные необычным видом его лордства, не обратят внимания на саквояж и клюшки, — писал под старость Дмитрий Александрович. — Они будут смотреть только на лорда, который кусается! Так и случилось: на границах проводник еще издали шипел представителям власти «с-с-с!» и, захлебываясь, рассказывал

о необыкновенном больном, монахиня молилась не поднимая глаз, служитель сидел в позе пса».

Страшнее всего пришлось на немецкой границе. Эсэсовцы были поражены: настоящий лорд, и кусается. Глянули в паспорта и быстренько, чуть не на цыпочках, проскользнули мимо. А если б хоть один взгляд попал на кончик пулеметного дула, предательски торчавшего из крышки? Но психологически операция была разработана Быстролетовым безупречно. Смотрели только на ужасного лорда, тут не до пулеметов.

Таких заданий за почти 11 лет нелегальной работы было немало. Почему тогда об этом? Оно было особенно дерзким и по-голливудски ки-

ношным. В главной роли — советский нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов.

Хотел бы поведать еще об одной роли Быстролетова. Впрочем, при чем тут я. Об этом рассказывал в своих лекциях молодым, будущим последователям великий и гораздо более, нежели Быстролетов, известный нелегал Вильям Фишер, давно и прочно вошедший в историю разведки под чужим именем (тоже ведь судьба) полковника Рудольфа Абеля.

«Находчивость — необходимое качество разведчика. Нашему товарищу пришлось в далекие предвоенные годы разъезжать по Европе по венгерскому паспорту.

Венгров не так много, а знающих этот язык — не венгров — очевидно, еще меньше. Его пригласили на уик-энд — в загородное поместье довольно знатной английской семьи. Гостя, как и полагалось, встретил батлер — дворецкий, который проводил в предназначенную ему комнату, разложил вещи по комодам и шкафам и предоставил возможность выкупаться и переодеться, прежде чем предстать перед хозяевами дома.

Ну, наш герой привел себя в порядок и спустился вниз в гостиную, где его ожидала хозяйка дома. Они поздоровались, и затем дама сообщила, что пригласила специально для него какого-то венгерского барона из посольства.

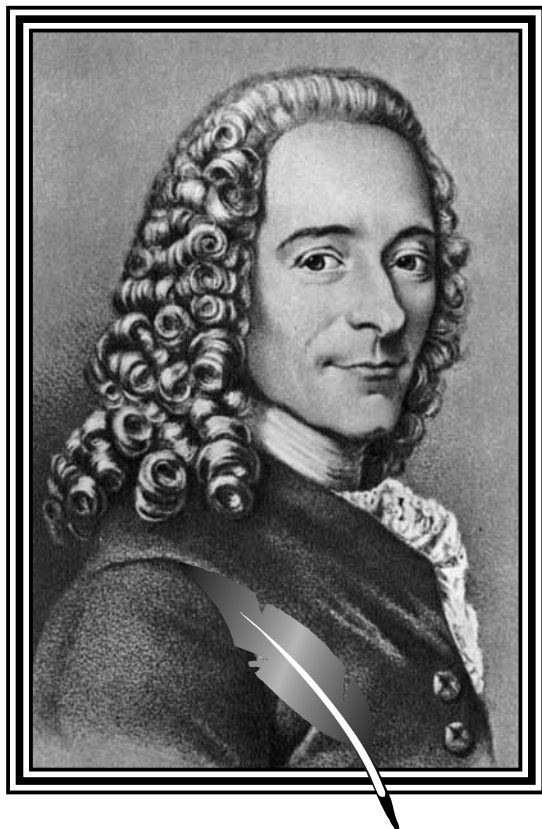
«Чтобы вам было приятно, и чтобы вы могли поговорить на родном языке», — обрадовала она.

Все это было, конечно, очень мило и предусмотрительно с ее стороны, но для нашего товарища прозвучало похоронным колокольным звоном. Положение аховое! Удрать невозможно: вещи разложены, да и не так просто уйти. Ближайшая станция железной дороги в 10 километрах. Глушь. Но главное, что для дела, ради которого он добивался знакомства с владельцем поместья, нельзя было бежать. И что делать? Заболеть? Придет врач и разоблачит! Прибудет венгерский барон и посочувствует на родном венгерском. Нет, не годится. Оставалось только одно: напиться до потери сознания. Хорошо, что в английском обществе, даже высшем, много пьющих людей. И наш герой вместе с хозяином — что было удачей для этой затеи — быстро и решительно напились.

Он дал отвести себя в отведенную комнату, где слуга его заботливо раздел и уложил в кровать. Проспал весь субботний вечер и большую часть воскресенья. А позже, узнав путем осторожных расспросов слуги об отъезде барона, снова спустился в гостиную, где принес свои извинения хозяйке, публично коря себя за собственную слабость к виски.

Эта история, рассказанная Абедем-Фишером, вошла во многие учебники разведки. Понятно, что в то время, в конце 1960-х, называть разведчика по имени было нельзя.

А теперь можно и дополнить Абеля. Венгерский граф — это Дмитрий Быстролетов. Он и граф русский. И даже граф советской разведки... □

История Франсуа Аруэ, именовавшего себя ВОЛЬТЕРОМ

Им восхищались, его дружбы искали самые могущественные государи Европы. «Апостол» и «пророк» были не самыми звучными славословиями, которых великий Вольтер удостоился при жизни. Сам он ощущал себя то принцем, то лакеем, жил во дворцах и дважды сидел в тюрьме, бывал придворным и беглецом-изгнанником, а главное — едва ли не самым образованным человеком своего времени, философом, писателем и историком, а его драматические произведения пользовались невиданным дотоле успехом.

Всю жизнь общаясь с коронованными особами, больше всего он боготворил свободу. При этом ничто человеческое не было ему чуждо. Он пережил множество любовных увлечений, но знал и настоящую любовь...

Человек, известный всему миру под псевдонимом Вольтер, родился в Париже 21 ноября 1694 года. Его полное имя Франсуа-Мари Аруэ, и он являлся отпрыском старинной и уважаемой буржуазной семьи. Его отец, преуспевающий нотариус, имел обширную аристократическую клиентуру и пользовался уважением коллег.

(Среди его клиентов была и известная куртизанка Нинон де Ланкло, близкая подруга его жены.)

Мадам Аруэ, женщина умная, начитанная, всерьез занималась воспитанием двух своих сыновей. Франсуа-Мари был младшим. Рано пробудившийся в нем интерес к литературе не удивителен: в круг друзей семьи вхо-

дили довольно известные писатели, среди них знаменитый сатирик Буало. Уже к трем годам мальчик читал наизусть басни Лафонтена, а в шесть изводил своего старшего брата Армана эпиграммами собственного сочинения. Мадам Аруэ скончалась, когда ее младшему сыну исполнилось десять лет.

Отец отдал Франсуа-Мари в знаменитый колледж Людовика Великого, где ему предстояло жить и учиться следующие семь лет. Это было привилегированное учебное заведение для детей представителей высшего света, наследников высоких титулов и огромных поместий. Франсуа-Мари быстро сблизился с отпрысками самых родовитых фамилий, а с некоторыми из них, как например, с герцогом де Ришелье, потомком рода великого кардинала, его связала дружба, которая продолжалась всю жизнь.

Качеством и уровнем преподавания колледж соперничал с расположенной неподалеку Сорбонной. Можно с уверенностью утверждать, что основа обширнейших познаний Вольтера и любовь к наукам были заложены именно там. Преподавание в колледже вели многоопытные отцы-иезуиты, тем не менее, даже им не под силу было превратить строптивного и свободолюбивого подростка в правоверного католика. Зато его духовник утверждал, что никогда не встречал ребенка, настолько одаренного желанием прославиться.

После окончания колледжа перед Франсуа-Мари встала проблема выбора профессии. Отец, разумеется,

хотел, чтобы сын пошел по его стопам, выбрав юриспруденцию, но юноша решительно воспротивился. Его привлекала лишь литературная карьера. «Иными словами, — сказал отец, — ты хочешь быть бесполезным членом общества, обузой семьи и, в конце концов, умереть с голоду». Такая перспектива для сына старшего Аруэ явно не устраивала. Стерпится — слюбится — решил он, и отдал юношу в школу правоведения. Однако отец недооценил упрямство сына. Франсуа-Мари пренебрегал занятиями, отдавая явное предпочтение поэзии, вольнодумным беседам, бражничанию и любовным интрижкам. Мэтр Аруэ вынужден был принять решительные меры. Воспользовавшись своими связями, он отправил непутевого сына в Гаагу секретарем французского посольства без жалованья. Однако молодой человек пробыл в Голландии всего четыре месяца, и причиной тому был разразившийся скандал: Франсуа-Мари страстно влюбился в совсем юную девушку и пытался с ней бежать. Парочку смогли перехватить. Он так безумствовал, что посол был вынужден, перед тем как отправить юношу домой, держать его под домашним арестом.

Дома отец немного приструнил не в меру темпераментного сына, пригрозив отправить его в далекую Америку, и Франсуа-Мари согласился поступить клерком в адвокатскую контору. Впрочем, двадцатилетний клерк был далек от того, чтобы погрязнуть в рутине скучной канцелярщины. Необычайно остроумный, дерзкий, насмешливый, он стал баловнем выс-

шего общества. Герцоги и герцогини, маршалы Франции, министры и принцы нарасхват приглашали его на свои званые ужины и приемы.

Однако острый язык и еще более острое перо молодого Аруэ приносили ему не только восторженных поклонников. Уже в те годы, постоянно дразня правительство, он заходил дальше, чем большинство его современников. Непримируемость к глупости и пред-

нос без предупреждения. Спустя некоторое время благодаря усилиям друзей Аруэ при дворе дело закрывалось, он спокойно возвращался в Париж и усаживался писать очередную сатиру на власть. Эта уже устоявшаяся практика впервые была нарушена в 1716 году, когда пришедший к власти регент, герцог Орлеанский за сочиненное на него сатирическое стихотворение повелел вы-

---

Острый язык и еще более острое перо молодого Аруэ приносили ему не только восторженных поклонников. Непримируемость к глупости и предрассудкам, ненависть к жестокости и дар насмешника делали его безрассудным сверх меры, и он в результате оказался в Бастилии. Отсидев почти десять месяцев, Франсуа был выпущен на свободу. Это было очень кстати, поскольку его первую пьесу «Эдип» приняли к постановке в «Комеди франсез», и требовалось его участие. Именно в это время молодой писатель и драматург решил взять себе новое имя, так как его собственное, как он говорил, счастья ему не принесло. Отныне он именовал себя де Вольтером, так никогда и не объяснив, почему выбрал именно это имя

рассудкам, ненависть к жестокости, дар насмешника и желание привлечь читателей делали его безрассудным сверх меры. Тогда по распоряжению властей в дело вступала полиция, и крамольные произведения либо конфисковывались, либо прилюдно сжигались палачом, и подписывался королевский указ об аресте анонимного автора (большинство этих писаний появлялись анонимно). Но Франсуа-Мари укрывался в загородном доме какого-нибудь принца или герцога, куда полиция не решила бы сунуть

слать Франсуа-Мари в отдаленный Тюль. Правда, благодаря хлопотам друзей Тюль был заменен замком друга Франсуа, герцога Сюлли.

Через какое-то время вернувшись в Париж, Франсуа-Мари вновь принялся «играть с огнем». На этот раз не на шутку раздраженный регент решил прибегнуть к более решительным мерам, и в июне 1717 года молодого автора заключили в Бастилию. Впрочем, не следует преувеличивать суровость этого наказания. В те времена условия содержания богатых

или достаточно влиятельных узников в Бастилии трудно было назвать заточением. Таких «гостей короля» устраивали со всеми удобствами в специально отведенной для них части тюрьмы. Еда и вино в неограниченных количествах и великолепного качества, дрова, свечи и постельное белье предоставлялись королем. Запирали узников только на ночь. Днем они могли свободно разгуливать внутри тюремных стен и наносить друг другу визиты.

Отсидев почти десять месяцев, Франсуа-Мари был выпущен на свободу. Это оказалось как нельзя кстати: его первую пьесу «Эдип» приняли к постановке в театре «Комеди франсез», и труппа приступила к репетициям. Именно в это время молодой писатель и драматург решил взять новое имя. Его собственное, как он говорил, счастья ему не принесло. Отныне он именовал себя де Вольтером, так никогда и не объяснив, почему выбрал именно это имя.

Успех «Эдипа» был оглушительным. Вольтера простил не только регент, но и собственный отец. Старый Аруэ, наконец, признал талант сына. Кстати, умирая (это произошло через три года), он не лишил его наследства, чего тот всегда опасался.

Звезда Франсуа-Мари продолжала восходить. В тридцать лет молодой Аруэ был уже знаменитым господином де Вольтером, величайшим из живущих французских писателей. Его любовным победам не было числа, причем связи всегда разрывал он, стараясь в то же время не оскорблять самолюбия покинутых дам. Разуме-

ется, у него было немало недоброжелателей, считавших его выскочкой. В декабре 1725 года в парижской опере у него произошла ссора с неким шевалье де Роаном Шабо. На издевательскую реплику шевалье, касавшуюся его нового имени, Вольтер ответил с убийственной иронией. Де Роан покинул ложу в ярости. Через несколько дней Вольтера, обедавшего у одного из своих вельможных друзей, запиской вызвали на улицу. У парадного стоял наемный экипаж, но когда Вольтер подошел к нему, сзади неожиданно подскочили несколько дюжих молодцов и стали избивать его палками. За этой экзекуцией, ухмыляясь, следил сидевший в экипаже де Роан. Выбравшись из рук нападавших, Вольтер бросился назад в дом и рассказал о случившемся хозяину и гостям. К его изумлению и негодованию, никто из них не только не подумал вступить за него, но даже не выразил сочувствия. Полиция, к которой он обратился, бездействовала так же, как друзья при дворе. И тогда он решил действовать сам. Поселившись у учителя фехтования, Вольтер стал брать у него уроки. Замаячила угроза дуэли, и тут полиция явно забеспокоилась. Де Роан Шабо был предупрежден и без особого труда добился «предупредительного» ареста Вольтера и заточения его в Бастилию.

Условия были не менее комфортны, чем в первый раз. Комендант потчевал его за собственным столом и разрешал принимать столько визитеров, сколько душе угодно. Впро-

чем, заключение длилось всего около двух недель. Выйдя на свободу, Вольтер обратился к властям с просьбой разрешить ему поехать в Англию. Его ходатайство было удовлетворено.

На берегах Туманного Альбиона он пробыл почти три года и буквально влюбился в эту страну, так как был обласкан и двором, и премьер-министром, а также свел знакомство со многими известными литераторами. Особенно его радовали дружеские отношения, установившиеся у него с автором бессмертного «Гулливера» Джонатаном Свифтом. Пребывание в Англии имело большое значение и в плане творческом. Именно там Вольтер задумал свою работу «История Карла XII» и блестящие «Философические письма», написанные им несколько лет спустя уже во Франции.

Писатель вернулся в Париж в апреле 1729 года. Он сразу оказался в центре светской жизни. Многие завидовали ему. Все, к чему бы теперь ни прикасался Вольтер, обращалось в золото. Скупив значительную часть билетов общественной лотереи, он выиграл огромную сумму, его капиталы, вложенные с умом, росли, его книги продавались лучше, чем когда-либо. Была опубликована «Заира», одна из лучших его трагедий, пользовалась успехом и другая его пьеса «Брут», вышла в свет ставшая одной из самых популярных книг Вольтера «История Карла XII».

Но не следует думать, что все в его жизни было так уж безоблачно и благостно. Появившиеся в печати «Философические письма» вызвали

гнев властей. Палач сжег книгу у главной лестницы Дворца правосудия, а самому Вольтеру удалось избежать нового ареста лишь потому, что друзья сумели переправить его в Лотарингию, к границе с Германией.

В конце 1733 года в жизни Вольтера произошло событие, которое трудно переоценить. Он встретил и полюбил маркизу Эмилию дю Шатле. Это была в высшей степени неординарная женщина. В девятнадцать она вышла за человека, старше ее на одиннадцать лет, добродушного, но ограниченного солдафона. В первые годы супружества у них родились сын и дочь. Затем они оставались мужем и женой лишь формально. Маркиза не была красавицей, но обладала удивительным шармом, недаром ее называли «божественной Эмилией».

А началось все с музыки. Вольтер был пленен прекрасным голосом маркизы. В свою очередь Эмилия захотела заниматься английским, и Вольтер стал давать ей уроки. Через три месяца она свободно заговорила на этом языке. Маркиза вообще отличалась поразительными способностями. Она серьезно занималась математикой, физикой и естествознанием. Именно Эмилия являлась главным популяризатором идей Ньютона во Франции.

Автор запрещенных и сожженных «Философических писем» явно ощущал нежелательность своего присутствия в Париже. И влюбленные решили на время удалиться в принадлежавший маркизе замок Сире, расположенный в провинции Шампань. Тогда, в 1734 году, они, разумеется,

не могли знать, что им предстоит прожить там, правда с перерывами, целых пятнадцать лет.

Жизнь в замке протекала спокойно и приятно. Эмилия занималась наукой, Вольтер работал над своими произведениями. Их часто навещали гости, которых принимали с редким гостеприимством. Каждый день после обеда Эмилия ездила верхом, а Вольтер брал ружье и отправлялся в лес. (Впрочем, никому ни разу так и не удалось услышать его выстрелов.)

Иногда безмятежность их существования нарушали события, вызванные кознями врагов Вольтера,

Маркиза была в отчаянии, а вот сам изгнанник чувствовал себя совсем неплохо. Он пожинал плоды своей европейской популярности — принимал важных визитеров, переписывался с прусским кронпринцем Фридрихом, который приглашал его в Берлин.

Тем временем друзья уже изо всех сил хлопотали за опального философа, и общие усилия увенчались успехом: Вольтеру было разрешено вернуться.

Счастливая жизнь в Сире возобновилась. Однако в 1739 году, после четырех лет почти полного затворничества, Вольтер решил сменить об-

---

На берегах Туманного Альбиона

Вольтер пробыл почти три года и почти влюбился в эту страну, так как был обласкан двором и свел знакомство с многими известными литераторами, особенно с Джонатаном Свифтом. Именно там Вольтер задумал свою работу «История Карла XII» и блестящие философские письма, написанные им несколько лет спустя уже во Франции

которые не могли простить философу его свободолюбивых взглядов. В конце декабря 1736 года в печати появилась его небольшая поэма «Светский человек». Влиятельный епископ Марепуа, занявший место воспитателя маленького дофина, усмотрел в ней оскорбительные выпады против религии и обратился к министру юстиции с требованием принять меры. К счастью, Вольтер был вовремя предупрежден, и холодной зимней ночью, не теряя времени, отправился в Голландию.

становку. С этого времени Сире перестал быть постоянной резиденцией Вольтера и его подруги, в последующее десятилетие они чаще всего проводили там только лето.

В ноябре 1744 года Вольтер отпраздновал свое пятидесятилетие. Итоги прожитого им полувека были не так уж плохи. Из гонимого литератора он превратился в европейскую знаменитость. Теперь он мог ожидать уже не преследований, а покровительства версальского двора.

Еще в 1737 году, потеряв свою любимую сестру, Вольтер взял на себя заботу об осиротевших племянницах. Наибольшим его расположением пользовалась старшая, двадцатипятилетняя Мари-Луиза. Вскоре она вышла замуж за офицера Николя Денни, и дядя щедро наделил ее приданым. Но, едва переступив порог тридцатилетия, мадам Дени овдовела. Вдовство ее, однако, отнюдь не было безутешным — отношения Вольтера с мадам Дени перестали быть только родственными. По крайней мере, со стороны пятидесятилетнего Вольтера это была страстная любовь, пожалуй, даже слепое обожание миловидной, жизнерадостной, но кокетливой и, в общем-то, пустой женщины. Чувство это сохранилось в тайне: никто из современников, даже близкие друзья и слуги Вольтера не знали истинного характера его отношений с племянницей. О них стало известно лишь спустя более чем двести лет, в 1957 году, когда были обнаружены и опубликованы их любовные письма.

Ну а как же Эмилия? Ее жизнь с Вольтером шла своим чередом. Идиллию нарушало лишь недовольство Вольтера чрезмерным увлечением маркизы картами. Впрочем, эта ее страсть имела довольно серьезные последствия. Однажды в Фонтенбло у королевы она за один вечер проиграла колоссальную сумму — восемьдесят четыре тысячи ливров. Вольтер стоял у нее за спиной. Он ненавидел и презирал карты не менее страстно, чем любила их Эмилия. Занятие это представлялось ему не только пу-

стой тратой времени, ценимого им превыше всего, но и денег, обеспечивающих свободу! Наблюдать, как без толку утекает и то, и другое, было для него мучением. Потеряв, наконец, терпение, он по-английски сказал Эмили, что ее партнеры — мошенники. За карточный стол королевы допускалась только высшая знать, а потому слово, вылетевшее из уст буржуа Вольтера, было вдвойне оскорбитель-

*Эмилия
дю Шатле*

ным. Тут же поднявшись, Эмилия, несмотря на поздний час, настояла на срочном отъезде из Фонтенбло. Осознав, наконец, весь ужас своего поступка, Вольтер решил, что в столице ему лучше не показываться и укрылся в имении своей знакомой герцогини дю Мен. В Париж он вернулся, когда скандал более или менее улегся.

Однако этот эпизод поставил крест на его придворной карьере: Людовик XV навсегда отказал ему в покровительстве. Королева также

недолюбливала его, так как он оказывал слишком явные знаки внимания мадам де Помпадур. Вольтер и Эмилия обосновались в Лотарингии, в Люневиле, под крылом у бывшего короля Польши Станислава Лещинского, державшего там свой двор.

Здесь Вольтер совершил ошибку, представив Эмили молодого небес-таланного поэта маркиза Сен-Ламбера. Она страстно влюбилась в него. В последние годы с Вольтером ее связывала прочная дружба, общность интересов, но не физическая близость, поэтому ничего предосудительного в связи с Сен-Ламбером она не видела. Так оно и продолжалось до тех пор, пока однажды Вольтер, без предупреждения войдя в будуар Эмили застал их врасплох. Придя в ярость, он набросился на них с грубой бранью. Маркиз изысканно-вежливо заявил, что готов дать удовлетворение оскорбленному философу в любое удобное для него время. Известно, как дальше развернулись бы события, если бы не Эмилия, которая на следующий день объяснилась со своим другом. Она заявила, что роман с Сен-Ламбером ничего не меняет в их отношениях. Но ведь он уже не молод и, оберегая его здоровье, она никогда не позволяла себе настаивать на их физической близости. Но в то же время она должна позаботиться и о своем здоровье... Услышав этот довод, гневливый, но отходчивый Франсуа-Мари не мог не расхохотаться. Затем он объяснился с Сен-Ламбером, и объяснение это закончилось объятиями и заверениями в неизменной дружбе.

Отношения между Вольтером и Эмилией продолжали оставаться сердечными и доверительными, и, когда она попала в сложную ситуацию, забеременев от Сен-Ламбера, именно Франсуа-Мари предложил выход из создавшегося положения. Нужно было заставить маркиза дю Шатле поверить, что ребенок от него. Задача была нелегкой, однако желаемого достигнуть все-таки удалось. Маркиза пригласила мужа в Сире и сумела убедить его, что к ней вернулись былые, казалось бы, давно утраченные чувства к нему. Он получил право доступа в ее спальню, а через несколько недель маркиза призналась супругу, что станет матерью. Тот был несказанно рад этому доказательству вновь обретенного семейного счастья. Тем не менее, именно Вольтер больше всех переживал за состояние здоровья Эмили, ведь, как-никак, ей было уже сорок три года. Он не оставлял ее ни на один день. Не менее поразительно было и то, что маркиза продолжала работать буквально до последней минуты. Она и родила, сидя за секретером, служанка едва подросла. Увы, младенец скончался через несколько дней, а у матери началась послеродовая горячка, которая и привела Эмилию к смерти. Горе Вольтера было безмерно. Он поговаривал даже о том, чтобы уйти в монастырь. Лишь постепенно смог он оправиться от этого удара.

В июле 1750 года, через десять месяцев после кончины Эмили, Вольтер, наконец, принял приглашение Фридриха II переехать в Пруссию.

Фридрих нуждался в поэтических уроках Вольтера, а сам он рассчитывал стать советником короля и стал им, хотя и в ограниченном смысле — вмешиваться в государственные дела Вольтеру не позволялось. Отношения между королем и философом были достаточно сложными, да иначе и быть не могло между деспотом, пусть и просвещенным, и просветителем, гуманистом и человеколюбцем. В конце концов Вольтер, решивший покинуть Пруссию, отослал Фридриху полученный от него орден и камергерский ключ. Фридрих, однако, заставил его взять регалии обратно. Но Вольтер прихватил с собой и томик королевских стихов, что навлекло на него большие неприятности, так как в сборнике были эпиграммы на европейских монархов. Обеспокоенный король приказал арестовать Вольтера, и того задержали во Франкфурте. Лишь пять недель спустя он вновь обрел свободу.

Вольтер очень хотел вернуться во Францию, но хлопоты всех его друзей были напрасны. Людовик XV, который не мог терпеть философа, такого разрешения не давал. И тогда он, устав от королей, решает поселиться в Швейцарской республике. Сначала он устроился в купленном им небольшом поместье под Женевой. Три-четыре года ушли у него на благоустройство. «Строю, сажаю, выращиваю», — вот отныне формула его жизни. «Я предпочитаю браниться со своими садовниками, нежели оказывать почести королеве», — писал Вольтер одному из своих друзей.

Он радушно принимал многочисленных гостей, и вскоре этот уединенный уголок приобрел огромную известность. А весной 1758 года Вольтер приобрел имение Ферне, которое было расположено на французской территории, но всего в часе езды от Женевы, и вскоре переселился туда. Он был в курсе всех мировых событий. В Лиссабоне происходит страшное землетрясение, и Вольтер, которого ничто не ранит так, как человеческое несчастье, откликается «Поэмой о гибели Лиссабона», одним из самых своих значительных произведений 50-х годов. Примерно в это же время по просьбе русской императрицы Елизаветы он пишет биографию ее отца. «История Петра Великого» Елизавете очень понравилась, и Вольтер был щедро вознагражден, получив крупную сумму денег и много драгоценных мехов.

В 1758 году Вольтер написал главную из своих философских повестей — «Кандид». И если почти все его пьесы уже давно сошли со сцены, это произведение будет жить и не потеряет своего значения до тех пор, пока существует земная цивилизация. К этому же времени относится и начало сотрудничества Вольтера с д'Аламбером, Дидро и другими мыслителями по созданию «Энциклопедии» — одного из самых монументальных трудов века Просвещения.

Он много делал для процветания Ферне, число жителей которого с 200 увеличилось до 1300 человек. Привлек сюда и новых земледель-

*Франсуа Аруэ,
Вольтер*

цев, и ремесленников для основанной им часовой мануфактуры. Ведь начало изготовления знаменитых швейцарских часов связано именно с его именем. Кстати, Екатерина II, многолетняя корреспондентка Вольтера, особенно покровительствовала этой его затее и стала одной из первых оптовых покупательниц изделий фернейской часовой мануфактуры: «Присылайте часов на несколько тысяч рублей, я все возьму», — писала императрица.

Всю свою жизнь великий философ был адвокатом справедливости

и религиозной терпимости, но именно в фернейский период его действия приобрели наиболее активный характер. «Раздавите Гадину!» — призывал он современников, подразумевая под «гадиной» фанатизм, нетерпимость, религиозные предрассудки. Необычайно много сил тратил Вольтер и на реабилитацию людей, несправедливо обвиненных в преступлениях на религиозной почве. Вряд ли какой-либо другой мыслитель имел право с большим основанием назвать лучшим своим произведением сделанное им добро.

Поражая всех неиссякаемой энергией, не прекращая бесчисленных и разнообразных занятий, Вольтер, тем не менее, не мог не ощущать бремени своих лет и все слабеющего здоровья. Сам он не думал, что доживет до столь преклонного возраста и, по его собственным словам, никогда не заглядывал вперед дальше, чем на несколько недель. Но теперь ему шел уже восемьдесят четвертый год, и он чувствовал, что приближается к концу своего земного пути. Его последний визит в Париж весной

кую кончину, решил примириться с католической церковью, исповедовавшись перед одним из священнослужителей. Сделал он это исключительно для того, чтобы обеспечить себе достойные похороны.

31 мая Вольтер скончался. Однако оказалось, что он унизил себя напрасно. Архиепископ парижский не разрешил похоронить его по церковному канону. Но близкие и друзья Вольтера не собирались сдаваться. Аббат Миньо, племянник великого писателя, облачил тело дяди в халат,

---

В 1758 году Вольтер написал главную из своих философских повестей — «Кандид». И если почти все его пьесы давно уже сошли со сцены, это произведение не потеряет своего значения до тех пор, пока существует земная цивилизация. К этому же времени относится и начало сотрудничества Вольтера с Дидро и другими мыслителями по созданию «Энциклопедии» — одного из самых монументальных трудов века Просвещения

1778 года показал, с каким колоссальным уважением относится к нему французская интеллектуальная элита. Почести, оказанные ему, трудно с чем-либо сравнить. Однако испытанное им напряжение подорвало последние силы. Мадам Дени, которая никогда по-настоящему не любила Вольтера и использовала свою близость к великому человеку в собственных корыстных интересах, пыталась удержать его в Париже. Вольтеру становилось все хуже. Он и сам признавал, что положение почти безнадежно, и тогда, предчувствуя близ-

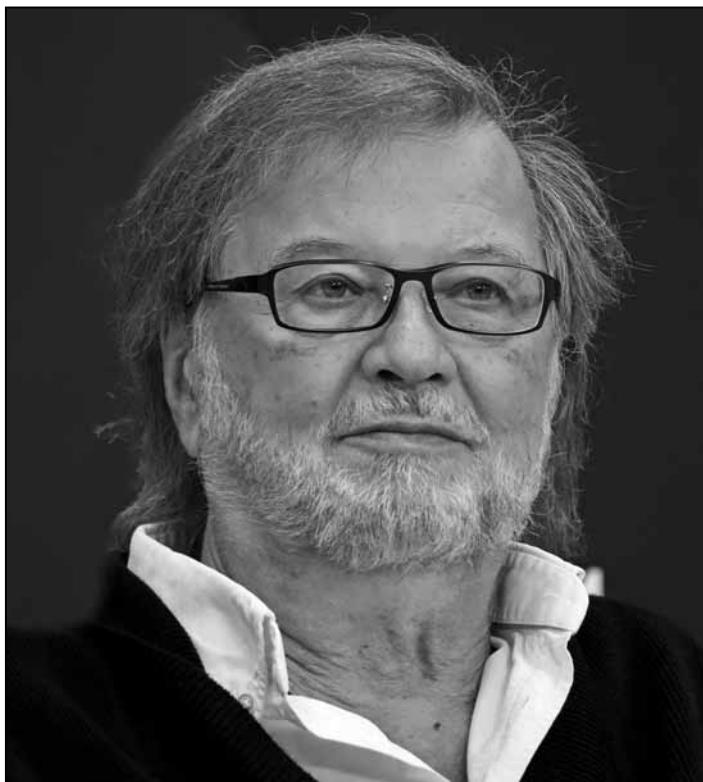
надел на голову покойника ночной колпак, посадил труп в карету и поспешно увез за двести лье от Парижа в аббатство Сельер в Шампани. (Сердце перед этим вынули, и оно покоится сейчас в цоколе скульптуры Гудона в Национальной библиотеке, в Париже). 2 июня Вольтер был похоронен на освященном кладбище. А едва гроб опустили в землю, пришел запоздалый приказ епископа Труа о запрещении похорон...

Ныне прах великого писателя и философа покоится в парижском Пантеоне. □

«Юнону и Авось», рок-оперу, в которой звучит музыка Рыбникова, в «Ленкоме» с аншлагами играют уже сорок лет! За долгую творческую карьеру композитор написал множество музыкальных произведений разного жанра, в том числе, для кинофильмов, среди которых — «Приключения Буратино», «Вам и не снилось», «Тот самый Мюнхгаузен»...

Год назад, после смерти Александра Градского, Алексей Рыбников стал художественным руководителем театра «Градский Холл». И вот в декабре состоятся премьерные показы первой грандиозной постановки — оперы-драмы «Le Prince André. Князь Андрей Болконский». И это, кстати, не единственная на сегодняшний день премьера легендарного композитора, чей талант, как оказалось, не ограничивается одной лишь музыкой. Только что вышла в свет новая книга его авторства. Обо всех этих новинках, и не только о них, мы и поговорили с уважаемым маэстро...

Алексей Рыбников

**«Выразить
духовный
мир —
на это
способны
лишь
единицы»**

Фото
из личного
архива

— Алексей Львович, первую Рыбникова, вы показали в прошлом году на сцене «Et Cetera». И признавались журналистам, осуществленной еще на базе театра

что все свои мечты, в силу ограниченности возможностей, воплотить в жизнь не смогли. Как я понимаю, площадка театра «Градский Холл» помогла решить эту проблему?

— Ну, конечно. Здесь совсем другая атмосфера. Но чтобы планомерно играть как этот спектакль, так и последующие, нам надо внести конструктивные изменения в само здание театра. «Градский Холл» ведь создавался Александром Борисовичем как концертная площадка, на которой театральные постановки никогда не ставились, поэтому здесь за сценой нет никакого пространства, сама сцена крошечная. В общем, надо все перестроить, чтобы у нас была возможность дальше полноценно работать. Однако мы уже доказали — тем, что выпускаем такую грандиозную премьеру, — что такое в принципе в этих стенах возможно. Хотя, конечно, «доказательство» потребовало дополнительных усилий. Многие месяцы мы занимались не только постановкой, но и вносили изменения в сценическое пространство — пока деликатно, не вмешиваясь в конструкцию самого здания. А дальше нужна будет серьезная перестройка. Пока же у нас сценические карманы построены во дворе! Представляете? Они не защищены от холода и просто закрыты брезентом. Предстоит все эти проблемы решать. На это потребуется, конечно, время. Сейчас мы готовим соответствующий проект и надеем-

ся, что департамент культуры нам поможет превратить эту площадку из концертной в театральную.

— Теперь под вашим началом два театра — «Градский Холл» и театр Рыбникова. У них разные задачи?

— Да нет. Мы начали ставить «Le Prince André. Князь Андрей Болконский» в нашей творческой мастерской, то есть на базе театра Рыбникова. Но потом включили в спектакль струнный оркестр и медную группу, которые есть у театра «Градский Холл». Я, кстати, мечтал, чтобы музыка в спектакле была живая, а не в записи. И мечта осуществилась. Получается, что сейчас это уже наша совместная постановка. Ну, понятно — если художественный руководитель и там и там один человек, то есть возможность усилия этих двух коллективов объединить. Но театр Рыбникова (а я его создал почти четверть века назад) носит характер гастрольного театра. Мы много ездили и по нашей стране, и за рубежом, а если труппа уезжает на гастроли, значит, в Москве не работает. И вот тут тоже надо будет вносить какие-то изменения.

— Вы много лет назад задумали эту постановку и, наконец, осуществили. Причем выступили в роли не только композитора, но и автора либретто и режиссера. Почему выбрали в качестве главного персонажа

именно Болконского, а не Безухова, например?

— Потому что Андрей очень похож на своих ровесников, живущих сейчас. Это в фильме Бондарчука два центральных героя — Андрей и Пьер — выглядят взрослыми и умудренными жизненным опытом. А ведь им в романе Толстого от 26 до 29 лет! Совсем молодые люди по сегодняшним меркам. Андрей мечется, не находит себе места в этом мире — и поэтому погибает, можно сказать, сознательно. Так же не могут найти себя, определиться со смыслом своего существования многие наши современники, кому от 25 до 30 лет.

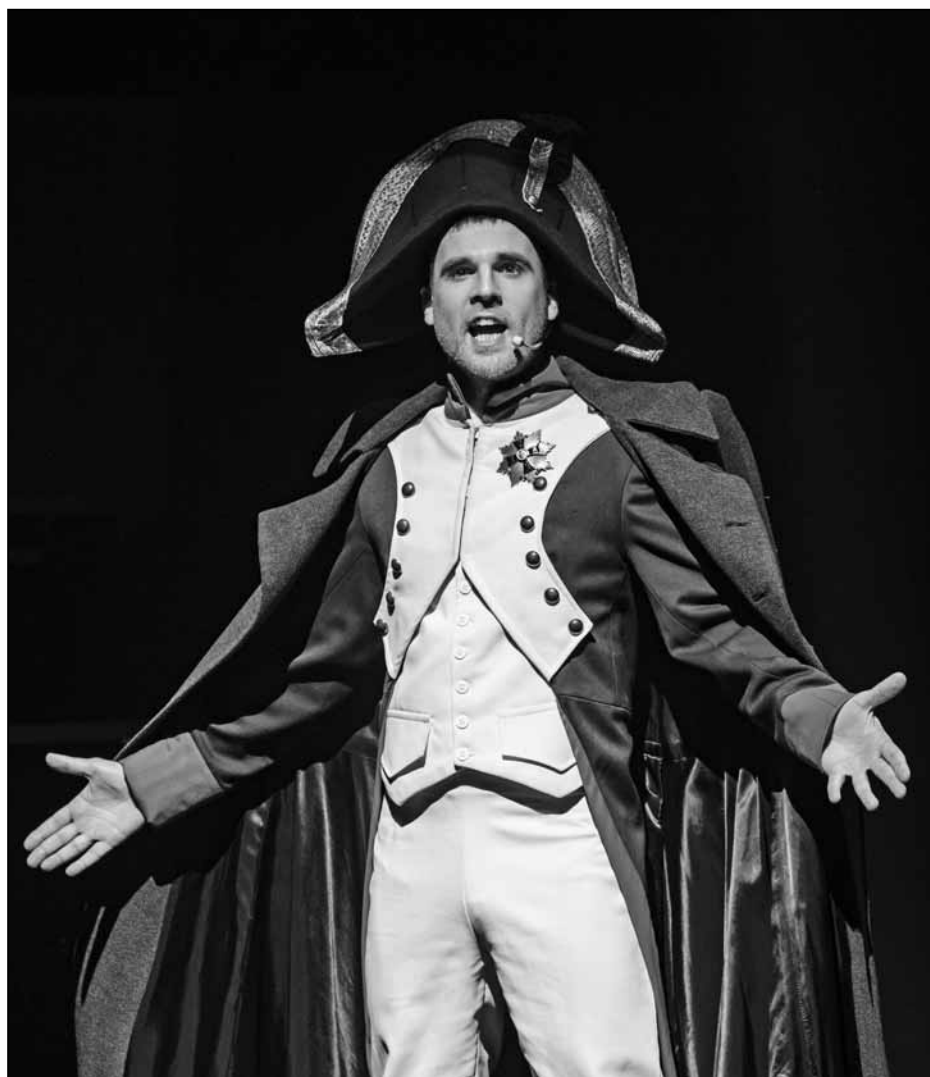
— В 1975 году в СССР была поставлена первая рок-опера «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Вы — автор музыки и, следовательно, первооткрыватель в нашей стране жанра рок-оперы. А теперь вы еще и создатель совершенно нового жанра — оперы-драмы. Но, мне кажется, драматические элементы были и в, скажем, в «Юноне и Авось»?

— «Юнона» — это больше все-таки такая... оратория. Ее сюжет можно пересказать тремя фразами. Первая — герой хотел уехать в Америку, чтобы начать новую жизнь, вторая — приехал в Америку и там влюбился, третья — чтобы получить разрешение на брак, отправился на родину, по дороге заболел и умер. Все.

Это первое, с чем мы столкнулись с Марком Захаровым, когда взялись за постановку — что это не драма, это поэма. Поэтому я и говорю, что этот спектакль, скорее, оратория. Вот в конце июля мы представляли концертную версию «Юноны» на Дворцовой площади в Петербурге — исполнители просто стояли столбами, перед ними были пюпитры с текстом, и никакого драматического действия не происходило. Играл симфонический оркестр, был хор. Люди просто пели и произносили слова. Ощущение какой-то театрально-драматической постановки отсутствовало — и при этом восприятие было совершенно замечательное. А «Le Prince André. Князь Андрей Болконский» — это драма, нормальная театральная драма, в которой что-то говорится, что-то поется, но все связано музыкальной формой. И манера пения — от классического бельканто до... рока и рэпа! Ведь что такое рэп? Я давно эти рэпы писал, еще в 70-х годах, и называл их «ритмический речитатив». Просто идет ритм — и речитативом произносятся какие-то слова. Всего лишь. Правда, сейчас более важным стало что говорится, а не как говорится... Так что да, мы открыли действительно новый жанр — «опера-драма». Я считаю, что он бросает вызов и мюзиклу, и рок-опере, и классической опере, потому что мы ни от чего не отказываемся, ничто не отвергаем — там все слито. И это естественно: в XXI веке надо суммировать всю

*Опера-драма
«Le Prince André.
Князь Андрей
Болконский»,
«Градский Холл»*

Фото
Евгения Люлюкина

ту культуру, что была до нас, и уже с этим новым двигаться дальше.

— Читала, что в работе над спектаклем вам помогал ваш внук Степан Рыбников?

— Он участвовал в работе, но не в постановке. Мой внук окончил продюсерский факультет ВГИКа и режиссерские курсы. Он замечательно монтирует и, когда нужно, снимает. Во время работы над «Князем Андреем» мы думали сделать для себя просто рабочую съемку, а получился полноценный фильм-

спектакль. Когда я снимал свои музыкальные фильмы «Литургия оглашенных» и «Дух Соноры», Степан был еще студентом и помогал мне на съемочной площадке. То есть обучение во ВГИКе шло своим чередом, а здесь обучение шло, что называется, в бою. Поэтому он знает практически от и до, как снять кино. Конечно, внук мечтает о собственном проекте. Когда-то такое время, я думаю, наступит.

— Не все знают, что вы еще и музыкальные фильмы снимаете-

те, которые, по-моему, сейчас не снимает никто. Где их можно посмотреть?

— Наши фильмы посмотреть можно будет только здесь — в «Градском Холле», потому что это фильмы-оперы, они не для проката в кинотеатрах, и в торговых центрах их никогда не будут показывать. Кстати, мы в нашем театре уже установили огромный черный экран, специально заказывали его в Германии, и он к нам прибыл, несмотря на напряженную международную обстановку. На нем в «Андрее Болконском» будут демонстрироваться видеоинсталляции, которые помогут зрителям переноситься во времена Отечественной войны 1812 года. Мы решили в нашем театре сделать такой синтез из трех элементов — кино, театр и концерт. Будем готовить мультимедийные представления. Посмотрим, как получится.

— Уже вызревает такая постановка?

— Будем ставить «Тишайшие молитвы» и «Литургию оглашенных» — это части боль-

шого литературно-музыкального произведения, которое называется «*Sequentia Ultima*» (в переводе с латинского — «окончательное последование»). «Литургия», как я уже сказал, снята как фильм. И мне хочется, чтобы в этой следующей постановке названные три элемента — фильм, концерт и театр — были использованы. «Тишайшие молитвы», по моему замыслу, прозвучат как концертное хоровое исполнение, дальше публика перейдет в зал, где увидит театральное представление, плавно переходящее в кино. При этом также будут участвовать и оркестр, и хор.

— Несколько лет назад вышла в свет ваша автобиографическая книга «Коридор для слонов», в которой вы рассказали о самом непростом периоде своей жизни — с конца 70-х до конца 90-х годов. И вот только что вышла ваша вторая книга «Олень повернул голову». И вновь — необычное название...

— Названия обеих книг символические. Коридоры для слонов реально существуют в Шри-Ланке — они

специально строятся погонщиками, чтобы слоны, служащие людям, не отклонялись от заданного маршрута. Вот и нас при советской власти жестко «строили», за каждый шаг в сторону следовало наказание. «Олень повернул голову» — это эпизод древней китайской легенды. В ней рассказывается об охотнике, который долго-долго преследовал оленя, догнал его, а когда уже натянул тетиву, чтобы пустить стрелу, олень повернул к нему голову. И в этот момент охотник увидел: перед ним не животное, а прекрасная девушка. То есть ему открылась некая истина. Я начал писать эту книгу, когда такое произошло и со мной — олень повернул ко мне голову, и мне открылось нечто важное, другим неведомое. Во всяком случае, я так считаю. О том, что мне открылось, я и написал эту книгу, которая

является своего рода мистификацией. В ней — четыре произведения разных жанров и стилей, и у каждого якобы свой автор. Имя одного из них зашифровано — и вряд ли кто из читателей догадается, кто за ним скрывается. Но тема у всех четырех произведений одна — попытка осознания мира, в котором мы живем. Читатель найдет здесь и лекцию некоего профессора об устройстве Вселенной, и чат, в котором группа людей обсуждает то, о чем говорил профессор студентам, и древние поэтические «Псалмы Адама», и историю из американской жизни, написанную как классический художественный рассказ. Он о том, как человек продал душу. Не очень свежий сюжет, конечно, но тут даются рекомендации, как из этой ситуации, из которой, казалось бы, обратного хода

нет, тем не менее, выйти. Вот Паганини не смог, если верить легенде о нем, а герой рассказа сумел обнулить свои «обязательства» перед сатаной, хотя и подписал договор, как водится, кровью...

— В одном интервью вы рассуждали о том, как важно человеку читать и, желательно, классику, книги серьезных авторов...

— Понимаете, в нашем мире, особенно сейчас, так много темных сил, которые хотели бы подчинить себе людей, ими манипулировать, завладеть их сознанием. И только начитанный человек может этому противостоять, потому что, общаясь через книги с личностями, то есть с авторами книг, с их идеями, он сам становится личностью. Ведь все наши великие писатели были, в общем, людьми неуправляемыми, с независимым суждением, они часто вступали в конфликт с действительностью. Возьмите кого угодно: Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского — все конфликтовали. Потому жизнь многих из них так рано и оборвалась. Считаю, это наша общая большая проблема — что молодые люди разучились читать, и, видимо, здесь уже ничего не исправить — надо принимать как данность. Я бы даже сказал, не проблема, а беда, потому как это приводит к тому, что количество людей, способных сопротивляться сегодняшнему мейнстриму, суть которого — все обсмеи-

вать, разрушать каноны искусства, размывать границы между добром и злом, моральным и аморальным, стремительно уменьшается. А сопротивляться надо, иначе всех нас не ждет ничего хорошего.

— Согласна с вами. Однако, несмотря на проблему, о которой вы сказали, молодые сегодня и музыку пишут, и стихи. А для этого все-таки нужна независимость сознания, творческая отвага...

— Что касается поэтов, музыкантов, то их действительно много. Но, к сожалению, настоящих стихов и настоящей музыки от этого не прибавляется. И это тоже очень серьезная проблема. Потому что (скажу о музыке) поток звуков есть, а вот настоящего зерна... Я слушал очень много сочинений современных композиторов — ну, тяжелейшая ситуация. И я вам скажу — почему. Вот меня интересуют дети от 10 до 17 лет, которые пытаются в музыке что-то сочинять. Как правило, сначала они идут по замечательному пути — как вы сказали, независимости сознания и творческой отваги, но потом попадают в мир, где есть востребованность определенных направлений в музыке. Одаренные дети начинают подделываться под эту востребованность — и все пропадает! От такого ребенка не ждут никакой индивидуальности, наоборот — предлагают стать винтиком в каких-то музыкальных процессах. Увы, все искусство стало

продюсерским: людей подбирают под потребность. А какой сегодня может быть потребность? Только коммерческой. В кино — это потребность снимать приключения, экшн, боевики. Иногда они даже получаются неплохими. В музыке — потребность обслуживать эти изображения. Музыка как высшее выражение человеческой природы не нужна. И люди, способные создавать такую музыку, как и высокую поэзию, в общем, не очень нужны обществу — с точки зрения «продюсерского искусства». А ведь выразить некий духовный мир — на это способны лишь единицы. Во все века так бы-

ло. Если же нет у тебя этого духовного мира (возможно, он мог бы быть, но «потребность» все вытравила), то тебе и выражать нечего. Потому и получаются вместо стихов и музыки — пустышки. А те, кто мог бы, наверное, стать «единицами», ими не становятся. То есть мир наш, я считаю, болен, на смену христианской эре идет какая-то другая, и то, о чем я вам сказал, это уже ее проявления. И они пугают. Но как это движение остановить, что нужно для этого сделать? Вот вопрос... □

Беседовала **Марина Бойкова**

Алексей Борычев

ДЕНЬ ЗИМНИЙ СОЛНЕЧНОЙ СТРЕЛОЙ...

День зимний солнечной стрелой коснулся моего виска,
И, рикошетом отлетев, пронзил покой вечерний,
Плывущий мыслями о том, чего я так давно искал,
То красным будущим горя, то тлея прошлой чернью.

Чего искал? Чего хотел? Забыто. Птицей в небеса
Оно отпущено, теперь — зима стоит стеною,
Стремясь вечернюю зарю на копья мрака нанизать,
Чтоб ночи темное крыло чернело предо мною.

Я слышу — гулко, тяжело в печальной полночи пустой,
Как бьется сердце бытия — на небе ль? под землю?
Гоня медленную кровь — поток терпения густой
По венам страха моего, затянутым петлею...

Одним глотком небытия испито времени вино,
И опрокинутая ночь пуста до звона капли.
Иду, вмерзая в снег судьбы своей забытою виной,
Пока не тронутые тьмой надежды не иссякли.

***

Мое забвение живет во вздохах тягостных трясин,
В шептанье тихих камышей, в могильно-дягильной отраве.
Закатной сталью времена стекают по стволам осин
Во мхи, на кочки, в тростники в туманно-голубой оправе.

И — слышу — ты ко мне идешь, минуя сутолоку дней,
Сквозь тихий шепот камышей, по острой кромке дня и ночи,
Из края прошлых снов моих, где мир на счастье не бедней,
И где в скрещенье двух лучей нам было — помню — сладко очень!

И ты смелее, чем тогда... и ты прекраснее, милей,
Чем было там, когда лучи — и твой, и мой — для нас скрестились...
Сплетая радости венок, нежнее всех земных лилей,
Идешь в простор моих скорбей, как чья-то власть, как чья-то милость!

Но тут забвенье восстает стеной холодною — до звезд,
И вновь стремится в сердце мне тревога черной росахой.
Мерцает прошлого река. Я прохожу над нею мост.
Ты, стоя за спиной моей, сыпашься в болото прахом...

И гулко зреет пустота в моей слабеющей душе,
И абрис прошлого, и ты — тускнеют в ярком лунном свете,
В ночных болотных миражах. Смотрю — и нет тебя уже.
Лишь завывает в валунах, подобно волку, хищный ветер.

***

Сквозь лапы елей протекая,
На землю капает заря,
Листвяно-летний вкус токая
Разбавив кровью декабря.

Последней истиной пылая,
Земным томлением горя,
Скользит до солнечного мая
Та кровь, по снегу путь торя.

И зажигаются овраги,
И дух морозной зимней браги
В огне смеется и кипит.

Но в марте йод прольется с солнца,
И кровь декабрьская свернется,
В туман апреля улетит.

***

Просыпаясь сумраком безгласным
Сказкой тополей, берез, осин —
Ты явилась, молча, сладострастно
В край моих забвений и трясин.
Ты была тогда одна со мною —
Сладкою наложницей, женою.

Растерял тебя, не потеряв,
Окуная белое в былое —
Крики, плач, тоску твою и нрав,
Доброе, неясное и злое.
Рассыпались мысли и прозрения
Перед чистотою вдохновения.

Ты его ко мне собой несла,
Окрыляя пасмурные чувства.
Бесконечность подлости и зла
Сокращая страстью властно, густо...
Мысли обмельчавшие, робевшие
Погибали взвешено и бешено.

Восставали светлые миры,
Чувственны, бессмертны и прекрасны,
И до горней искренней поры
Оживляли страсть мою и счастье.
Опадала искорками вечность
В яркие беспечность, бесконечность.

Это все — и ты, и я, и все!
Это все — и разности, и суммы...
Вся вселенная — в твоей слезе.
И в моем костре — полночный сумрак.
Но... иди, иди в свое безбрежное,
Оставляя все земное, грешное.

***

На сыром ветру дрожанье медленных огней.
Поздних весен обнищанье в застеколье дней.
«Это ты моя дилемма? — знаю наизусть!..»
«Я — твоя тоска и тема, боль твоя и грусть».

Бродит сумрак по орбитам солнечной свечи,
По лесам, полям, обидам в векторной ночи.
Бродит, бродит, бродит молча похоронный звук
Зябкою походкой волчьей — севером разлук.

Кто-то шепчет постоянно:
«Я — твоя весна!»
Странно все, что было странным
В снежном царстве сна.

«Снова ты, моя дилемма? боль моя и грусть!»
«Да, я снова неизменна! Помни наизусть»

Все мои слова и знаки, всю мою печаль,
Одnodневной жизни накипь, прошлой жизни даль!
И оранжевое детство, юность на крови —
Помни, помни, не бездействуй, позднее лови!
Чтобы больше не исчезнуть, чтобы там сверкать,
Где лучи цветут над бездной, где чернеет гать...»

***

Сентябрьский день осенней дымкой
Змеился влажно по лесам.
Непостоянный, бледно-дыннй
Закат в ветвях деревьев плясал.
И среди сотен меланхолий
В душе блуждала пустота,
Касаясь тихо давней боли
Каймой кленового листа.

Здравствуйте, дорогая редакция!

Пишет вам ваша преданная читательница Наталья Селезнева. Я — из города Шагала, Василия Быкова, у нас губернаторствовал автор «Ледяного дома» Лажечников и жил автор «Старика Хоттабыча» Лазарь Иосифович Лагин. Вы наверняка уже догадались, что это — город Витебск.

Удивляюсь, как вы уцелели, не пошли по пути конъюнктуры, а несете людям красоту, свет, доброту.

Какие статьи мне особенно запомнились?

Меня поразило, как раскованно и искренне написан материал! Я читала в марте, а до сих пор помню и скользкие парапеты Мойки, и Рыжего, рванувшего отдать кровь сбитой машиной женщине!

С большим интересом читаю все материалы Аллы Зубковой, очень понравилась «Джерсийская лилия».

Также очень понравилась статья Логинова Дениса о Карамзине Николае Михайловиче, начиная от «Писем русского путешественника», поднимаясь к «Бедной Лизе» и отправляясь к «Наталье», и, конечно, бережно прижимая 12 томов «Истории Государства Российского». Меня поразило, что Карамзину было присвоено звание историографа, единственному в царской России.

Я с удовольствием прочитала о романах Лидии Чарской, статью Юрия Осипова «За голубой звездой», а статья про мадам Рекомье просто потрясла. И принц Август Прусский, и мадам де Сталь, и Франсуа Шатобриан, и Жан-Луи Давид ценили ее интеллект, а лично я — ее гибкость: как она умела пылающих страстью поклонников превращать в друзей — это великое искусство.

Мне нравится и рубрика «Поэзия», для меня открылись талантливые поэты. Особенно запомнились стихи и рассказ Ивана Переверзина, а также стихи поэтессы Ирины Путяевой.

Вообще сам факт, что в «Смене» печатались и Маяковский, и Горький, и два моих любимых Юрия — Бондарев и Нагибин, говорит о многом. А еще в журнале полно статей о трех любимейших Александрах Сергеевичах — Пушкине, Грине и Грибоедове, интересные эссе о художниках и ученых...

Ваш журнал — молодец! Невозможно перечислить все, что запомнилось и полюбилось, но я желаю вам и дальше продолжать свою, можно сказать, просветительскую «миссию» и через два года с такими же успехами отметить столетний юбилей журнала!

Ваша преданная читательница Наталья Селезнева, г. Витебск

Барвара Ключева

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Пролог. Гуд-бай, Америка!

Жизнь Питера О'Нейла могла бы стать отличной иллюстрацией к поговорке «Не в деньгах счастье». Наследник торговой империи О'Нейлов, владелец супермаркетов, транспортных компаний и торговых складов при желании мог бы осушить и сровнять с землей Великие озера, засыпав их зелеными банкнотами, а вот счастья, выпавшего на его долю, не набралось бы и на пипетку.

Документы семейного архива смутно намекали на таинственное родовое проклятие О'Нейлов. О том, кто, на кого и за какие грехи наслал проклятие, архив умалчивал, но все О'Нейлы на протяжении вот уже пяти поколений умирали или погибали молодыми, оставляя после себя единственного наследника, и непременно мужского пола.

В пять лет Питер лишился матери, двумя годами позже — отца. Опекунны малолетнего магната, совладельцы известной юридической конторы, ведущей дела О'Нейлов на протяжении последних семидесяти лет, отправили сироту в привилегированную частную школу, где учились отпрыски лучших семейств. Цвет новоанглийской молодежи отнесся к юному однокашнику — некрасивому, рыхлому, пугливому и вечно заплаканному увальню — с дружелюбием стаи койотов. Десять лет Питер служил объектом самых жестоких, самых изощренных издевательств, на какие только способна детская фантазия.

В экономический колледж Принстонского университета О'Нейл поступил, будучи уже законченным неврастеником. Ни друзей, ни приятелей он там не завел. Неуклюжий, толстый, с оплывшими щеками и нездоровой

ноздrevатой кожей, Питер страдал нервным тиком, с десятком комплексов впридачу, и никому не был симпатичен. Правда, издевательства прекратились. Далеко не все студенты Принстона принадлежали к сливкам общества, поэтому богатство юного О'Нейла вызывало у однокашников известное почтение. И хотя за спиной Питера частенько ухмылялись, открыто его никто не унижал.

Болезненная стеснительность О'Нейла напрочь исключала какие-либо контакты с девушками. Он скорее бы умер, чем обратился к представительнице прекрасного пола с самым невинным вопросом или замечанием. Если же какая-нибудь девушка обращалась к нему сама (изредка такое случалось), Питер немел, деревенел, покрывался пятнами и испариной, словом, превращался в настоящего идиота. Слухи об этой его особенности широко распространились среди женского населения кампуса и вскоре начисто отбили у охотниц желание свести знакомство с богатым, но совершенно безнадёжным молодым человеком.

Подходящую партию для Питера нашли опекуны. После выпуска его познакомили с милой молодой особой из хорошей, но небогатой семьи. Девушка и ее родители приложили немало усилий и, в конце концов, разморозили, растормошили, разговорили О'Нейла. Через полгода знакомства Питер предложил Денизе руку и сердце, и предложение было благоклонно принято. Впервые за много-много лет Питер почувствовал себя счастливым.

Полгода спустя машина, в которой молодая чета О'Нейлов ехала по прибрежному шоссе, разбилась о скалы. Два года хирурги всех мастей по крупницам отвоевывали жизнь и здоровье Питера, а по возвращении из ада его навестил поверенный, едва не перечеркнувший усилия врачей. О смерти жены Питер к тому времени уже знал. Чего он не знал, так это того, что авария была подстроена самой Денизой. Адвокат принес видеокассету с записью ее предсмертного признания:

— Я, Дениза О'Нейл, полностью отдаю себе отчет в происходящем... Я знаю, что умираю, и перед смертью хочу... облегчить совесть... Эта авария... моих рук дело... Я заранее выбрала место... Там дорога идет под гору... а в трехстах ярдах — крутой поворот. Я вела машину... Надеюсь выскочить на вершине холма... сразу, как переключу скорость... Питер бы не успел среагировать... он такой... тугодум... Не получилось... зацепилась ногой... Бог меня наказал.

— Вы хотели убить мужа? Но почему?

— Я его не выношу... Жирный, скользкий белый червяк... Меня трясет, когда он ко мне прикасается... Я хотела получить его деньги.

В глазах у Питера потемнело, белый кокон взлетел со своего ложа и поплыл к О'Нейлу, чернея и превращаясь в ангела смерти...

После ухода поверенного и доктора с медсестрой Питер впервые попытался покончить с собой, вскрыв себе вены, и угодил в психиатрическую клинику. Через два месяца он выписался и в день выписки предпринял вторую попытку при помощи сэкономленного снотворного. Его положили в другую клинику, где медбратья дважды обнаруживали под его матрасом новые залежи таблеток. Ему меняли лечащих врачей, и, наконец, последнему доктору удалось кое-как примирить пациента с жизнью.

Питер заперся в особняке, отгороженном от мира и репортеров десятифутовым бетонным забором, и провел четыре года почти в полной изоляции. Лишь три человека имели к нему доступ — старый слуга, новый поверенный (прежнего спешно отстранили от дел) и бывший опекун, друг отца. Все трое время от времени пытались изменить отношение Питера к браку и к себе, убедить его в том, что после аварии, вернее, после многочисленных пластических операций, лечебных процедур и диет внешность его сильно изменилась к лучшему. От былой полноты осталось одно воспоминание, кожа поздоровела, черты лица облагородились. А пережитые испытания принесли мудрость и укрепили дух.

— Ты стал весьма привлекательным и вполне зрелым мужчиной, мой мальчик, — замечал как бы между делом друг отца. — Не пора ли покончить с этим отшельничеством? Нельзя же всю жизнь терзать себя, вспоминая слова этой ужасной женщины! Я никогда не прощу себе того, что способствовал вашему браку, но ты мог бы снять груз с моей совести, вернувшись к нормальной полноценной жизни.

— Я понимаю, Питер, вам здорово досталось, — говорил поверенный, напыщенный и велеречивый. — Но теперь все уже позади. Пришло время подумать о наследнике. Неудачный первый брак — вовсе не гарантия неудачи второго, уверяю вас как юрист. Теперь вы опытнее, мудрее, дальновиднее. Юношеские комплексы, связанные с внешними изъянами, изжиты, да и самих изъянов больше нет. У вас есть все шансы найти подходящую супругу, достойную мать вашим детям. Не хотите же вы, чтобы плоды трудов многих поколений рода О'Нейлов достались неведомо кому?

— Прекрасно выглядите сегодня, сэра, — уверял слуга едва ли не ежедневно. — Жаль, никто не оценит, кроме скучного глупого старика. Сюда бы сейчас хорошенькую молодую леди...

До поры до времени эти маневры успеха не приносили. Но однажды ночью Питера словно ножом в сердце кольнула мысль: ведь все О'Нейлы умирают, не дотянув и до сорока, а ему уже тридцать. Значит, на все про все осталось меньше десяти лет. И что же, они так и пройдут в бесконечном бдении над книгами да у телевизора, в бессмысленном вышагивании по комнатам осточертевшего особняка? Ну уж, нет! Будь что будет, но он

вылезет из своей норы и еще раз бросит вызов судьбе, обрекшей его на одиночество.

Едва Питер принял это решение, как его посетила новая мысль. Допустим, он вернется к светской жизни. Его снова будут окружать люди, некоторые из них будут выказывать дружелюбие, приязнь, искать с ним более близкого знакомства. Вопрос — что они сочтут привлекательным? Личность самого Питера или его богатство и положение в обществе? Кто поручится, что он не получит в результате вторую Денизу? Нет, повторять прошлые ошибки он не намерен. Он вернется к людям, но вернется инкогнито...

Через две недели после принятия исторического решения О'Нейл приобрел подержанный, но крепкий бьюик с трейлером, переоделся в обноски, купленные в лавке Армии спасения, и отправился в большое путешествие по Америке. Он останавливался в дешевых кемпингах и дорогих отелях, ел в придорожных забегаловках и в модных ресторанах, пил в грязных, заплыванных барах и в барах процветающих, знакомился с женщинами, мужчинами и семейными парами из всех социальных слоев. И чем больше впечатлений у него накапливалось, тем отчетливее оформлялась неприятная мысль: все люди, в сущности, одиноки, и одиноки не сколько не меньше, чем сам Питер в школьные или студенческие годы, когда был изгоем, или в годы своего добровольного затворничества. Не важно, холост ты или женат, есть у тебя друзья-подруги, братья-сестры или нет, — по большому счету, всем на тебя наплевать. Каждого интересует только он сам.

К тому дню, когда О'Нейл добрался до Лос-Анджелеса, мысль эта прочно засела у него в мозгу и потихоньку отравляла сознание, ибо из нее непосредственно вытекала другая: все попытки обмануть судьбу обречены на неудачу. Никогда она не возместит ему любовь и тепло, которых лишила его в детстве.

Надеясь залить тоску, О'Нейл забрел в обшарпанный бар и основательно заправился виски. Когда он расправлялся с последней порцией, на соседний табурет взгромоздился потрепанный задохлик и потребовал у бармена три двойных водки. Перелив содержимое двух стаканчиков в третий, резко выдохнул и одним махом влил убойную дозу себе в глотку, после чего подмигнул потрясенному Питеру и попросил бармена повторить. Кровь ирландских предков ударила О'Нейлу в голову, заставив расценить подмигивание незнакомца как вызов. Питер потребовал у бармена три двойных виски и опустошил один за другим все три стаканчика. Задохлик показал большой палец, дружески хлопнул О'Нейла по плечу и сказал бармену:

— Наш человек.

Питера внезапно захлестнула волна нежности к маленькому неказистому, но такому милому забулдыге. Крепко обняв новообретенного друга за плечи, он оторвал его от стойки, повел в отдельную кабинку и принялся изливать душу.

— ...Пнимаешь, старина, каждый за себя... все до единого — только за себя, а остальные могут катиться к черту... пнимаешь?

Задохлик, на протяжении получаса терпеливо слушал печальную историю О'Нейла, потом вдруг отстранился и решительно помотал кистью с выставленным указательным пальцем перед самой физиономией Питера:

— Это в вашей зажравшейся Америке каждый за себя. А у нас в России друг за тебя душу дьяволу продаст. Русская женщина за любимым в Сибирь босиком пойдет. Что вылупился? Не веришь? — И собутыльник засыпал Питера историческими и частными примерами. — В общем, хочешь найти себе хорошую бабу, которая останется с тобой до гробовой доски, в горе и в радости, в болезни и здравии, в нищете и богатстве, — поезжай, брат, в Россию. В Америке таких не производят, — закончил он свою прочувствованную речь.

На следующее утро торговый магнат О'Нейл проснулся с протяжным стоном. Голова трещала по швам, перед закрытыми глазами плавала зеленая хмарь, желудок корчился в потугах выдавить из себя зеленую слизь. Питер усилием воли продрал глаза и увидел стакан с подозрительным мутным пойлом, который чья-то заботливая рука поднесла к его губам. Нисколько не сомневаясь, что ему предлагают яд, милосердно избавляющий от страданий, О'Нейл жадно приник к стакану и быстро выхлебал пойло. К его немалому изумлению, агония не пришла, к тому же зеленые пятна и желто-зеленые разводы перед глазами пропали. Голова, правда, еще болела, но боль казалась вполне терпимой. Питер вздохнул и погрузился в сон.

Новое пробуждение было значительно приятнее. Не считая слабости в конечностях и легкого головокружения, проявлявшегося при попытках принять вертикальное положение, О'Нейла ничто не беспокоило. Так и не отважившись встать, он с интересом рассматривал чистенькую комнату, обставленную довольно убогой, но ухоженной мебелью, и абсолютно неуместную белую колонну в центре и без того небольшого помещения. Потом в комнату вошла высокая полная женщина с чашкой в руках.

— Добрый день, меня зовут Гала, — заговорила она с сильным акцентом. — А вас Пит, если Миша, то есть Майк, ничего не напутал. Я принесла вам бульону. Выпейте, пожалуйста, вам станет лучше.

Питер выпил бульон, потом две кружки горячего сладкого чая с лимоном и действительно почувствовал себя гораздо лучше. Слабость про-

шла, головокружение прекратилось. Окончательно взбодрившись, он засыпал Галу вопросами.

Гала говорила по-английски неважно, понимала тоже, часто просила его повторить или пояснить вопрос, отвечая, с трудом подбирая слова, то и дело вставляла непонятные восклицания, помогала себе жестами, но, в конце концов, Питер узнал следующее.

Его бесчувственное тело было доставлено в этот дом Майком. Дом находится в самом неблагополучном районе Лос-Анджелеса, попросту говоря, в трущобах. Занимают его две семьи и пятеро холостяков, все — выходцы из России. Остальные квартиры стоят свободные, потому что дом аварийный, и, с тех пор как на голову одному из жильцов рухнул потолок, здесь отказываются селиться даже беспечные латиноамериканцы из незаконных иммигрантов. А русские мужички только почесали в затылках, укрепили все, что можно, стойками да распорками, сделали кое-какой ремонт, и теперь здесь обитает их маленькое сообщество. И если ему, Питу, негде преклонить голову, милости просим, пусть занимает любую свободную квартиру. С ремонтом ему поспособят, мебелью поделятся, а жилье тут, по местным меркам, дешевле дармового.

Так О'Нейл попал к русским. Первое время он никак не мог справиться с изумлением, порой доходившим до шока. Две национальные черты членов маленькой коммуны вызывали у Питера прямо-таки священный ужас: коммунары с полным пренебрежением относились к собственной жизни и здоровью, а на такое понятие, как частная собственность, вообще плевали.

Русские водку чуть ли не ежедневно пили стаканами, с аппетитом поглощали жирное мясо, горы бутербродов, густо намазанных маслом и сдобренных щедрыми ломтями отнюдь не диетической ветчины, а кофе лакали огромными кружками. Мало того, они голыми руками брали торчащий из стены провод, чтобы определить, под напряжением ли он, неизвестные жидкости в подозрительных емкостях идентифицировали на вкус, а о том, каким образом сливался кипяток из кастрюли с вареной картошкой, лучше вообще не упоминать.

Что касается отношения к частной собственности, то русские бестрепетно заходили в квартиры соседей в отсутствие хозяев и заимствовали без разрешения все, что пожелает душа, — от фунтика соли до приличного костюма. Если электрокомпания за неуплату отключала электричество, местные умельцы тут же подсоединялись к линии самостоятельно, минуя электросчетчики. За кабельное телевидение здесь не платили вообще — похоже, кабель был подведен таким же пиратским способом. Если кому-то из коммунаров срочно требовались деньги, скажем, на врача, деньги появлялись незамедлительно, словно эта нищая братия и не затягивала

целую неделю поясов в ожидании очередного пособия по безработице.

Поначалу О'Нейл чувствовал себя, словно первый цивилизованный человек, поселившийся в племени людоедов. Но искреннее участие этих людей, удивительное бескорыстие, готовность помочь, с точки зрения человека, истосковавшегося по душевному теплу, искупали многие странности. А потом Питер начал потихоньку проникаться взглядами новых товарищей, со временем их система ценностей перестала казаться ему дикарской, и эта несколько сюрреальная жизнь пришлось О'Нейлу по вкусу. Он заговорил по-русски, полюбил русские застолья, полуночные разговоры и философско-религиозные споры, полюбил новых друзей — веселых, бесшабашных, беспутных, но таких сердечных. Для полного счастья ему не хватало только жены. Убедившись на примере Галы и Тани в справедливости мнения Майка о русских женщинах, Питер твердо решил искать себе спутницу жизни в России. Часть коммунаров во главе с Майком горячо одобрила его решение, другие же столь же горячо пытались разубедить его.

— Русские женщины всякими бывают, — говорили они. — Хватает у нас и подлюг, и скряг, и стерв, и потаскух. Если американец, приехав в Россию, объявит или даст понять, что ищет себе жену, девицы начнут вешаться ему на шею гроздьями.

— Я скажу им, что очень беден.

— Это неважно. Их приучили к мысли, что Америка — страна неограниченных возможностей. Главное — поселиться здесь на законных основаниях, а потом бедного мужа можно будет поменять на кого-нибудь попрличнее.

— Ерунда! — возражали Майк и его сторонники. — Питеру вовсе не обязательно признаваться, что он американец и ищет жену. Познакомится с девушкой, если все сладится, поживет с ней годик, присмотрится, разберется, что за человек, а потом можно и замуж звать...

И вот, снабженный домашними пирогами, а также адресами и телефонами людей, на помощь которых он в случае чего может твердо рассчитывать, Питер отбыл, наконец, в загадочную Россию.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Если бы сторонний наблюдатель задался целью проследить маршрут ничем непримечательной «шестерки» цвета кофе с молоком, колесившей по Москве ранним утром, ему пришлось бы нелегко. Машина вела себя, как броуновская частица: металась по улицам диковинными зигзагами,

беспорядочно меняла направление и скорость, словно натываясь на невидимые глазу молекулы и прозрачные стенки, пока, наконец, не выехала на финишную прямую.

Неприметную улочку, в которую нырнула машина, с обеих сторон стискивали малоэтажные кирпичные дома дореволюционной постройки, но в массе своей безобразные. В начале теперь уже прошлого века предприимчивые промышленники превратили этот кусочек города в фабричную зону, застроив его заводиками, фабриками, складами и рабочими общежитиями. Позже, когда Москва начала бурно разрастаться и близость района к центру стала ценным преимуществом, часть заводов с фабриками вывезли на окраины города, а освободившиеся помещения передали чиновникам. Здания подновили, кое-где сделали внутреннюю перепланировку, а потом спешно приватизировали свои площади и начали потихоньку сдавать их в аренду, а то и продавать коммерческим и прочим частным фирмам. Улочка запестрела вывесками магазинов, салонов, игорных залов, мастерских и обменных пунктов. Но на радикальную перемену у новых хозяев не хватило денег, а может быть, вкуса. Свежевыкрашенные фасады, как были, так и остались уродливыми. За одним исключением. Кому-то все же достало средств и эстетического чутья, чтобы снести безобразную двухэтажную коробку бывшей фабричной конторы и выстроить на старом фундаменте симпатичный особнячок.

В ту минуту, когда «шестерка» сворачивала на эту улочку, с крыльца в дальнем торце особняка спустился молодой человек в джинсовом костюме. Убрав ключи в кармашек, он повесил сумку на плечо и зашагал к старому побитому «Москвичу», ожидавшему его. Парень, сидевший впереди на пассажирском месте, нервно крутил в руках брелок и, притопывая, напевал песенку: «Папа, подари, папа, подари, папа, подари...»

— Накаркаешь! — перебил его другой парень, по-видимому, водитель. В данный момент он стоял позади «Москвича» и открывал багажник. Тут из-за поворота донесся шум мотора, и он, ныряя в салон, крикнул первому парню:

— Пригнись!

Впереди показалась «шестерка». Когда расстояние между ней и «Москвичом» сократилось до нескольких метров, она неожиданно вильнула, выехав на встречную полосу, приблизилась к «Москвичу» вплотную, дверца со стороны водителя «Жигулей» открылась... В этот момент молодой человек в джинсовом костюме вышел из-за поворота, и в тот же миг незримая сила ударила его в грудь, оторвала от тротуара, швырнула через кусты о бетонный забор и сбросила на голову бедняги увесистый тук...

Вообще-то я не писатель, но это раньше писателю полагалось иметь за плечами какой-никакой гуманитарный вуз, а теперь пишут все, кому не лень. Но главное, детективная история, которую я хочу рассказать, — не какая-нибудь там фантазия, и не домыслы, из пальца высосанные, а самая что ни на есть правда. И знаю я ее не с чьих-нибудь слов, я сам свидетель и даже, можно сказать, непосредственный участник событий.

Другое дело, что история эта пока не кончилась, и развязка мне неизвестна. Но это и хорошо. Знай я, кто да почему убил, мне бы пришлось изобретать разные хитрости, чтобы раньше времени не проговориться, лучше уж вы будете вместе со мной гадать, кто злодей. Я честно и подробно расскажу все, что сам знаю, а к тому времени, как все запишу, развязка, наверное, уже наступит.

Зовут меня Николай. Фамилия Усов. Мне двадцать девять лет. Окончил электротехнический институт, но по специальности никогда не работал, а устроился в коммерческую фирму, торгующую разными медицинскими и шарлатанскими снадобьями и препаратами. Работа меня, в общем, устраивала. Каждое утро нам выдавали по здоровой сумке товара, и — вперед, господа. Сбывай, где хочешь, — хоть на улицах, хоть на рынках, хоть в учреждениях. Девяносто процентов выручки — фирме, остальные — в карман.

Увы, все хорошее быстро кончается. После кризиса народ стал от нас, как от чумы, шарахаться. Целый день савраской бегаешь, а денег — с гулькин нос. Поишачил я так с месячишко и решил уходить.

А куда? В конце девяносто восьмого безработные из всех щелей полезли. За любые гроши готовы были вкалывать. Выжившие фирмы заважничали, стали требовать первоклассных специалистов, да чтоб с языком, да со знанием компьютера, да со стажем работы по специальности не меньше трех лет. А у меня в портфолио только что диплом институтский.

Хорошо, я по натуре оптимист. Судьба таких старается не обижать. Вот я и встретил случайно институтского приятеля, а тот по благу пристроил меня в рекламное агентство «Пульсар». На самом-то деле оно называется «ПУЛЬС А.Р.», то есть «ПУЛЬС, Агентство Рекламы». Но на вывесках запятых и кавычек не пишут, и все читают, как написано. Так и спрашивают по телефону: «Это рекламное агентство Пульсар?»

Наш «Пульсар» — маленькое агентство, но входит в большой холдинг «Адвертисмент», который объединяет два десятка разных фирм и фирмочек, и все они имеют отношение к рекламе. Две фирмочки — дизайн-студия «Око» и агентство почтовой рассылки «Голубь» — наши соседи. Мы вместе арендуем крыло двухэтажного особняка, где вся эта петрушка и приключилась.

В тот вечер мы отмечали день рождения Джованни — директора дизайн-студии. Вообще-то его зовут Женя, но какой-то умник смеха ради придумал всем нашим иностранным кликухи. Дизайнеров называют на итальянский манер: Женю — Джованни, Мишу — Чезаре, Игната — папа Карло. «Голуби» у нас, с понтом, «Сент-Джеймский двор». Шофер Ваня — сэр Джон, экспедитор Игорь — сэр Гарри. Обхохочешься. Еще у них есть леди Мэри, леди Энн и леди Джулия. А директора их, Эдика, величают не иначе как сир или Ваше Величество.

А имена «пульсаровцев» перекроили на французский лад. Всех, кроме меня. Меня эта стервозина Ирен с первого же дня окрестила Мыколой. А чего, спрашивается? Они вообще часто потешаются за мой счет — без всякой причины, заметьте. Ну и ладно, пускай потешаются, я не из обидчивых.

Но это я отвлекся. Вернемся к гулянке по поводу дня рождения Джованни. Вообще-то мы работаем до семи, но раз такое дело, решили свернуться пораньше. В четверть седьмого Базиль, гендиректор «Пульсара», выдал девицам ключ от конференц-зала, и они пошли накрывать на стол. В половине седьмого начальство всех трех фирм просигналило сбор, и народ рванул к столу.

Гудели мы не в полном составе. Наш курьер Жоржик повез образцы сувениров одному из клиентов, да так и не вернулся. Элен, как всегда, со всех ног поскакала домой, к ребенку. Юля, то есть леди Джулия, вначале грозилась остаться, но потом позвонила мужу и быстренько передумала. Альбина, секретарша дизайн-студии, в этот день вообще не работала, только захала утром на минутку поздравить шефа. Обоим сэрам, и Джону, и Гарри, пришлось срочно ехать в типографию за рекламными листовками, а потом еще развезить эту макулатуру по «точкам». А Игнат (папа Карло) пришел, но садиться за стол не стал. Выпил стакан водяры, хлопнул Джованни по плечу и смылся. Работать, говорит, пойду, пока запал весь не вышел.

Короче, за столом собралось одиннадцать человек: я, Джованни, Чезаре, Базиль, Эдик, леди Энн, леди Мэри, Полин (наша вторая директорша), Эжен (старший менеджер), Катрин и зараза Ирен. Базиль, Чезаре и Эдик по очереди толкнули речь в честь Джованни и вручили ему подарки. На этом торжественная часть закончилась и началась нормальная рабочая пьянка. Все оживились, разговорились, даже у молчуна Эжена язык развязался. Потом кто-то включил музыку. Часть народа пошла танцевать, часть — курить, остальные продолжали болтать и поддавать.

Около восьми часов в холле, где у нас курилка, неожиданно раздался дикий визг. Нас всех прямо подбросило и разом швырнуло туда. Визг шел из-за большого фанерного стенда, который отгораживает темный угол под лестницей, где наша уборщица хранит свои тряпки-щетки. Мы в спешке опрокинули стенд и чуть не сбили с ног Катрин. Она стояла за стендом —

белая до жути, рот открыт, глаза вытаращены — и тыкала пальцем в сторону Чезаре, который склонился над чем-то в углу.

Мы всей толпой ринулись в угол. Сначала мне ничего не было видно за чужими спинами. Потом Чезаре крикнул:

— А ну, сдай назад! И пусть кто-нибудь принесет лампу с удлинителем. И в «скорую», в «скорую» позвоните!

Народ немного отступил, Эжен бросился за лампой, кто-то побежал звонить. Я пробился вперед, заглянул через плечо Джованни и увидел лежащие на полу ноги в джинсах и кроссовках.

— «Скорая» уже не к спеху, — сказал Эдик и встал с корточек. — Звоните сначала в милицию.

Эжен принес включенную лампу и передал ее Чезаре. Тот осветил под лестницу, и мы увидели мертвого бритого бугая в кожаной куртке на меху. Лицо перекошено, глаза остекленели, рука прижата к горлу. Жуткая картина!

Кто-то ахнул, кто-то ойкнул, и наступила тишина, как будто мы разом онемели. Потом народ зашевелился и дружно потек обратно в конференц-зал. Все гадали, кто этот тип под лестницей, каким ветром его занесло к нам, и от чего он окочурился. В общем, сидели мы, ждали милицию, спорили, удивлялись, чего этот хмырь под лестницу полез, но о возможном криминале никто даже не заикнулся. Я сначала тоже ни о чем таком не думал, но потом взглянул на гадину Ирен и моментом смекнул, что бугай не сам по себе копыта отбросил. Она сидела на отшибе, в тени канцелярского шкафа, и не шевелилась. Лицо каменное, ладони зажаты между коленками — видно, чтобы не дрожали, спина, плечи, шея напряжены, как будто на нее бетонную плиту взвалили, и она эту плиту из последних сил держит. «И чего это она так переживает? — подумал я. — Видать, мертвец на совести этой змеи подкольной, думаю. Замочила парня, гадина, а теперь зыркает, проверяет, не видел ли кто чего».

Потом приехала милиция. Мы думали, они нас до ночи продержат, допрашивать будут. Но ничего подобного. Спросили только, кто и как обнаружил тело, знает ли кто покойника, и кто видел его тут раньше. Про знакомство свое с покойником никто не признался. Менты переписали всех, кто работает в этой части здания, в том числе и отсутствующих, и отпустили нас по домам. Я хотел, было, задержаться и рассказать им про Ирен, но потом подумал, что сказать-то мне нечего. Ну, сидела она, вся как нерв натянутая, так, может, ее организм на трупы остро реагирует. А что глазами по сторонам шныряла, так это ничего не доказывает. Но она-то не просто так глазела! Я это нутром чувствовал. И решил с того дня за ней следить. Рано или поздно она чем-нибудь себя проявит, тут я ее ментам и сдам. Отольются кошке мышканы слезки! Я вообще-то

человек незлобивый, но эта курва Ирен меня достала. И что я ей сделал, спрашивается? Ну ничего, теперь-то я с ней за все поквитаюсь. Глаз с нее не спущу, после работы следить буду, всех наших расспрошу, все тайны ее выведу, а дознаюсь, как она с этим «жмуриком» связана.

3

Ирен чувствовала себя отвратительно. Ее знобило, ломило поясницу, голова раскалывалась, словно она весь вечер глушила водку, запивая ее пивом. «Может, это защитная реакция организма? — подумала она, бредя по станции метро к переходу. — Я попала в совершенно неправдоподобный переплет, чуть ли не на страницы детективного романа. Я не знаю, что делать, потому что любое мое действие чревато опасными последствиями либо для меня самой, либо для людей, к которым я, как минимум, отношусь с симпатией. Но и бездействие чревато... Посоветоваться решительно не с кем, и самостоятельно найти выход из этого проклятого лабиринта я тоже не могу. Что же делать? Началась новая черная полоса. И если она будет такой же длинной и беспросветной, как предыдущая, я просто не вынесу. Господи, помоги!»

Господь откликнулся — вызвал из-за поворота поезд и остановил его так, чтобы дверь открылась прямо перед Ирен. Она успела занять освободившееся место и привалилась к спинке сиденья, чувствуя, как боль в висках и ломота в пояснице утихают. Поблагодарив Всевышнего за эту малость, Ирен вспомнила, как два с половиной года назад такой же вагон метро неожиданно вынес ее из дюрренматтовского кошмара — черного туннеля, казавшегося бесконечным. Судьба наконец-то улыбнулась ей, началась светлая полоса. Два с половиной года... а кошмар длился десять лет. И если сейчас ее жизнь, и правда, пошла на новый виток... Неужели снова туннель? Господи, прошу Тебя, пусть на этот раз он окажется не таким длинным и мрачным. А если все повторится? Нет! Господи, Ты ведь не станешь вмешивать в наши с тобой дела моего мальчика, правда? Одного ребенка вполне достаточно. Пожалуйста, выбери какой-нибудь другой способ наставить меня на путь истинный. Если иначе никак нельзя, лучше уж заведи меня к себе и вразуми лично. Если от меня что-то требуется, лучше сказать об этом прямо. Ты ведь можешь, правда?..»

Ирен прервала внутренний монолог и закрыла глаза. Сознание, не терпящее пустоты, заполнилось воспоминаниями...

Мать назвала ее Таисьей, что в переводе с греческого означает «счастливая». Она, конечно, руководствовалась самыми лучшими побуждениями, но дочь свое имя не любила. И взрослое Таисья, и уменьшительное Тася звучали одинаково некрасиво. Кроме того, девочка, при всей своей

одаренности — одаренности редкой, почти исключительной, родилась дурнушкой. В сочетании с такой несчастливой внешностью имя со значением «счастливая» казалось насмешкой.

Училась Тася блестяще, настолько блестяще, что ее перевели из четвертого класса сразу в шестой — уж очень она превосходила сверстников знаниями и интеллектом. Но этот прыжок ничего не изменил; новые одноклассники так же катастрофически не дотягивали до ее уровня, как и прежние. По этой причине дружить с Тасей никто не хотел — кому приятно служить серым фоном для блестящего дарования? Только Елизавета — Лиска, с которой они жили на одной лестничной площадке и ходили вместе еще в детский сад, никакого пиетета перед Таськиным гением не испытывала, потому и не комплексовала. Девочки вечно пикировались, иногда ссорились всерьез, но так и остались подругами.

Позже, когда злой рок подмял, сломал и выбросил ее на обочину, Тася, пытаясь докопаться до причины, подвергла анализу собственную жизнь, и неожиданно поняла, что дружба с Лиской — случайный дар, преподнесенный зазевавшейся судьбой по ошибке. Путь, предначертанный Тасе, изначально предполагал одиночество. Об этом свидетельствует багаж, которым ее снабдили в дорогу: самодостаточность, вдумчивость, отрешенность от внешнего, способность угадывать суть явлений и предметов, умение наблюдать и анализировать, пылкий ум, жадный интерес к загадкам мироздания, абстрактное мышление. Это багаж отшельника, искателя истины, человека, одинокого по определению.

До поры до времени отшельническая ноша не тяготила Тасю. А когда ей стукнуло четырнадцать, все изменилось. Появилась какая-то смутная неудовлетворенность, тоска по неведомо чему, вылившаяся во вполне конкретное отвращение к себе.

Обычно люди гораздо выше ценят то, чего лишены, нежели то, чем обладают. В этом отношении четырнадцатилетняя Тася не была исключением. Она охотно променяла бы все свои таланты, превосходную память и завидную работоспособность на смазливое личико и легкость в общении. Если бы не один разговор, этот внутренний конфликт между желаемым и действительным, скорее всего, так и окончился бы ничем. Но вышло так, что Тася случайно оказалась дома, когда ее присутствие там не предполагалось, и услышала слова, для ее ушей не предназначенные.

— Конечно, Анечка, тебе есть, чем гордиться, — пропела из прихожей сладкоречивая змея, приятельница матери, продолжая начатый еще на лестнице разговор. — Любая мать на твоём месте была бы на седьмом небе от счастья. Жаль только, что Тася девочка. Девочкам ума и таланта для счастья недостаточно, им замуж нужно. А как раз от талантливых, умных дурнушек женихи бегут, как от огня.

Слова «доброжелательницы» расплавленным свинцом влились в изъеденную тоской душу Таисьи и неожиданно оформились в жизненную цель. Она положит все силы на то, чтобы выйти замуж и родить детей. Пусть эта тетка подавится своим змеиным жалом, а у Таисьи будет нормальная, полноценная семья. Мужчины не женятся на умных дурнушках? Посмотрим!

Поставленная задача, помимо прочего, определила выбор вуза, прежде вызывавший у Таисьи некоторые затруднения. Если конкуренция с умными красавицами, красивыми глупышками и глупыми дурнушками ей противопоказана, из вузов остается только МФТИ. Там конкуренток-дур определено не будет, а умницы-красавицы наверняка выберут что-нибудь попрестижнее. Итак, решено: Физтех!

— Как Физтех?! — изумилась Лиска. — Ты же говорила, что в мире нет ничего интереснее человеческого сознания! Ты же хотела в университет, на философский или на психфак! Ну, выйдешь ты замуж, родишь детей, а потом? Ради чего будешь жить дальше? Думаешь, лет через двадцать, когда дети подрастут, жизнь кончится? И ты готова ради минутной прихоти наплевать на собственное призвание? Вот идиотка-то!

Они поссорились всерьез и надолго, но Тася от своего замысла не отступилась. И преуспела. В шестнадцать лет она стала студенткой Физтеха. В восемнадцать вышла замуж и родила дочь.

Мужа она выбирала придирчиво и выбрала в точном соответствии со своими требованиями — во всех отношениях неброского, но достаточно приятного парня, порядочного, с развитым чувством долга и шкалой ценностей, в которой семья занимала одно из почетных первых мест.

Со свекровью ей просто повезло. Светлана Георгиевна любила детей, всю жизнь мечтала о большой семье, но Бог послал ей одного Андрея. Узнав, что невеста сына беременна, будущая бабушка примчалась в Долгопрудный, разыскала Тасю в общежитии, увлекла в тихий уголок, обняла и приказала шепотом:

— Даже и думать не смей об аборте! Рожать нужно молодой, чем раньше, тем лучше. Я когда-то по дурости решила, что с детьми можно не торопиться, и в результате до тридцати четырех кусала локти, а потом все девять месяцев пролежала с Андрюшей на сохранении. Об институте не беспокойся. Я уйду с работы и выращу ребенка. Владимир Алексеевич хорошо зарабатывает, денег нам хватит. А мне до пенсии всего два года осталось, еще десять раз успею доработать. В общем, расписывайтесь скорее, рожайте и спокойно учитесь дальше, обо всем остальном мы с Андрюшиным папой позаботимся сами.

Дочь назвали Людмилой. Она родилась в декабре, за неделю до зачетной сессии. Тася нервничала, разрываясь между желанием пестовать

малышку и необходимостью заниматься. Свекровь настояла на занятиях. Она сняла себе квартиру в Долгопрудном, забрала ребенка и строго следила, чтобы новоявленная мамочка не задерживалась там после очередного кормления. А через три недели, когда у Таси на нервной почве пропало молоко, маленькую Люську и вовсе увезли в Москву, подальше от замотанных родителей.

Сначала Тасю угнетала вынужденная разлука с дочерью, но потом она привыкла. Учеба, друзья, Андрей — все это не оставляло времени на тоску. Для общения с Люськой оставались каникулы и воскресенья — не так уж мало, если подумать.

Была ли Тася счастлива? Тогда она не задавалась этим вопросом. А позже, когда задалась, не сумела себе ответить. Она получила то, чего желала, — заботливого мужа, здорового, жизнерадостного ребенка. Андрей, в отличие от подавляющего большинства молодых людей, был лишен амбиций. Он без всякой зависти восхищался умницей-женой, гордился ее успехами и, казалось, нисколько не возражал против сомнительной славы «мужа самой блестящей студентки курса». Возможно, его чувству к Тасе недоставало пылкости, но ведь и она не сгорала от любви. Ее вполне устраивали установившееся между ними понимание, теплая привязанность и взаимное уважение, которое они питали друг к другу. Можно ли назвать это счастьем? Тася не знала. Но, так или иначе, это были хорошие годы.

После окончания института Тасю с Андреем распределили в Подлипки. От Тасино дома дорога до работы занимала сорок минут, а от дома Андрея — два часа. Естественно, решено было поселиться у Таси, тем более что Тасина мама выразила готовность отдать дочери с зятем и внучкой большую из двух комнат. Но свекровь наотрез отказалась расстаться с Люськой.

— Хотите запихнуть ребенка в детский сад? Чтобы девочка нахваталась гадких привычек и не вылезала из простуд? Не позволю! Нет-нет, переезжать к нам не стоит. После девяти часов на работе и четырех в дороге вы будете приползать сюда в таком состоянии, что на дочку и смотреть не захотите. Зачем мучить себя и ее? Потерпите уж как-нибудь еще четыре года. Вот пойдет Люсенька в школу, тогда и отберете ее у меня.

Тася подчинилась воле Светланы Георгиевны с большой неохотой. К тому времени Люська уже начала проявлять характер, и эти проявления вызывали у Таси тревогу. Свекор и свекровь безбожно баловали внуку, родители, не желая омрачать редкие встречи с дочерью, тоже во всем ей потакали. Ни в чем не знающая отказа, не ведающая никаких границ, Людмила потихоньку превращалась в маленького монстра. Тася поделилась своими опасениями с матерью.

— Чего ты хочешь, девчонке всего три года! — успокоила ее мама. — В этом возрасте все дети жуткие эгоисты. Первые зачатки чувства спра-

ведливости появляются к пяти годам. Только тогда дети начинают худобно считаться с желаниями и чувствами других. Все придет в свое время. Не волнуйся, испортить ребенка чрезмерной любовью невозможно.

Несмотря на утешительный прогноз матери, Тася решила, что отныне займется воспитанием дочери всерьез. И постепенно, осторожно, но выстроит для Люськи рамки, научит девочку считаться с запретами и интересами окружающих.

Ее воспитательный эксперимент длился два года; отношения матери и дочери с каждым днем становились все хуже, а закончилось все катастрофой.

Однажды Тася вошла в комнату и обнаружила, что Люська с упоением дубасит по паркету металлическим совочком, оставляя в древесине серповидные вмятины.

— Люся, прекрати немедленно! Видишь, ты испортила пол. Что мы теперь скажем бабушке?

Дочь продолжала уродовать паркет, даже не взглянув в сторону матери. Тася подошла и села перед девочкой на корточки.

— Ну, раз ты не понимаешь резонов, придется изъять у тебя орудие вандализма. Давай сюда совок, хулиганка! — Тася протянула руку.

Люська посмотрела ей в глаза, потом размахнулась и с силой врезала совком матери в бровь. Ослепнув от боли, Тася охнула, прикрыла место удара ладонью, почувствовала кровь и на секунду отключилась. В чувство ее привел следующий удар по голове. Тася открыла глаза и встретила взгляд дочери. В нем читалось торжество, наслаждение и несомненная жажда убийства. Тася в ужасе выбросила руку вперед и оттолкнула Люську. Та отлетела на несколько метров, ударилась затылком о батарею и потеряла сознание.

Что было потом, Тася помнила плохо. Кровь, дикие вопли свекрови, дрожащие руки свекра, страдальческие глаза Андрея, мелькание белых халатов, крашенные стены, капельница, чьи-то смутные лица, чьи-то крики, чье-то бессмысленное бормотание — вот все, что осталось в памяти от первых месяцев кошмара. Она не хотела никого видеть, не могла говорить и желала только одного — забиться в какую-нибудь нору, где никто не сумеет до нее добраться. Врачи подозревали воспаление мозга, опасались за ее рассудок, но потом решили, что опасность миновала, и поставили диагноз: депрессия.

Тасю выписали из больницы с врачебным заключением об инвалидности. Муж к тому времени уже переселился к родителям и дочери. Светлана Георгиевна настаивала на разводе, но Андрей колебался. Тася сама поставила точки над «i».

— Уходи, — сказала она. — Я знаю, ты никогда не простишь мне Люську.

— Я тебя не виню. Ты не нарочно. Просто испугалась и не рассчитала силу. Это был несчастный случай. Как бы то ни было, все уже позади. Врачи почти уверены, что травма и сотрясение мозга не будут иметь последствий.

— Жаль. Если бы она стала инвалидом, я со временем, возможно, и перестала бы видеть в ней убийцу.

— Что ты несешь, Таська! Она всего лишь пятилетний ребенок!

— Ты не видел ее глаза в ту минуту, когда она шинковала меня своей лопаткой. Поверь, в них не было ничего детского. Нет, Андрей, тебе не склеить разбитую вазу. Ни я, ни ты, ни твоя мама не забудем того, что случилось. Я не хочу и не могу видеть Людмилу. Мы никогда больше не будем семьей. Уходи!

Тасина депрессия продолжалась два года. Два года она пролежала на стареньком диване, уставившись в потолок. Ей ничего не хотелось, ее ничто не интересовало. Потом все прошло — в один день, в одну минуту. Осунувшееся, испуганное мамино лицо. Слова, слетевшие с ее сухих посеревших губ, не сразу пробились сквозь стекловату, защищавшую Тасино сознание от агрессивной внешней среды:

— У меня рак. Неоперабельный.

Стекловату разметало в клочья. Под протестующий лязг пружин Тася прыжком сорвалась с дивана.

— Не бойся, мама, мы тебя вылечим.

В первую очередь предстояло раздобыть деньги. Много денег. Полноценное питание, дорогие лекарства, платные консультации и процедуры, остепененные онкологи и полуобразованные народные целители высасывали доллары и рубли с резвостью мощного пылесоса. То, что удалось набрать в долг и выручить за немногочисленные домашние сокровища, было каплей в море. Тася растерялась. Устроиться на работу? Куда? Если по специальности, то зарплаты не хватит даже на хлеб. А туда, где платят много, ее не возьмут. Она только и умеет, что работать головой, а этот вид деятельности в стране сегодня не котируется. Найти свободную нишу, открыть собственное дело? На это уйдет прорва времени и сил, не считая начального капитала, а ее время и силы нужны маме.

Выручила верная Лиска. Благодаря ее знакомствам, Тасю взяли в маленькое рекламное агентство.

— Нам нужны идеи, — объяснил на собеседовании директор. — Свежие, яркие, оригинальные. Иначе мы не выдержим конкуренции с крупными монстрами. Они скупают все оптом — газетные площади, места для рекламных щитов, время на телевидении — и могут предложить клиентам гораздо более выгодные расценки, чем мы. Наш единственный шанс — выиграть за счет действенности рекламы. Нам нужна очень светлая голова,

гений. Если все, что мне о вас говорили, правда, нужны вы. Мне все равно, где вы будете работать. Главное — результат. Зарплата пока невысокая, двести долларов. Но! — Он поднял палец. — Премия — десять процентов прибыли от каждого проекта, в котором вы участвуете. Если ваши идеи принесут успех, недостатка в проектах и деньгах у вас не будет.

Тасин мозг, стосковавшийся по работе, накинудся на задачки, которые перед ней ставили, с жадностью медведя, оголодавшего после спячки. Идеи брызнули из нее фонтаном. Она придумывала названия фирм, логотипы, слоганы, тексты рекламных листовок, оригинальные сувениры к выставкам, сюжеты рекламных роликов. Все ее идеи имели успех. Клиенты пошли в агентство стройными шеренгами. Осчастливленное начальство ставило перед ней все более серьезные задачи: планы комплексных рекламных кампаний, снижение себестоимости услуг, направления развития агентства. Платили ей, не скупясь.

Мама получала лучшие лекарства и лучших специалистов, каких только можно достать за плату. Они боролись за ее жизнь с одержимостью берсерков. Но... потерпели поражение.

На следующий день после маминых похорон Тася легла на покинутый некогда диван и отвернулась к стене. Она не реагировала на телефонные звонки, на стук и крики из-за двери. Она не хотела никого видеть. Не хотела пить, есть и двигаться. Не хотела ничего.

Но, разумеется, Лиска не могла оставить все, как есть. По ее настоянию Тасину дверь вышибли, а саму Тасю увезли в больницу. Рекламное начальство без звука оплатило лечение и отдельную палату, потом санаторий. Но если бы не Лиска, все их затраты пошли бы насмарку.

Лиска появлялась у подруги через день с четкостью железнодорожного расписания. Она испробовала все средства воздействия — от мягких уговоров и увещеваний до крика и оскорблений. Она кусала, щипала, сверлила Тасину защитную оболочку, пока та не дала трещину. И Тася, наконец, услышала:

— Судьба — это характер и образ жизни. Смени все, к чертовой матери — квартиру, мебель, прическу, имя! Перестань прятаться от людей, работай, как все, в конторе, шляйся по ночным клубам, закрути роман, в конце концов... Господи, да делай же хоть что-нибудь, хоть напейся и устрой пьяный скандал, только не будь такой квашней!

— Сменить имя? — переспросила Тася. — А это мысль.

Лиска уставилась на нее, открыв рот, и вдруг расплакалась:

— Боже мой! Наконец-то! Я уж думала, никогда тебя не услышу! Гадина ты, Таська, свинья собачья...

— С этой минуты я больше не Таська. Зови меня Ириной. Счастья я уже накушалась, теперь хочу покоя. Ирина — это ведь значит спокойная, да?

С этой минуты началось выздоровление. Получив новый паспорт, Ирина сообщила начальству, что больше не хочет работать дома. Начальство трогательно засуетилось, предлагало даже выделить ей отдельный кабинет, отгородив угол от конференц-зала, но Ирен презрела льготные условия, пожелав влиться в коллектив. За месяц она расположила к себе всех сотрудников и подружилась с Эдиком. А через месяц познакомилась с Петенькой. В вагоне метро... Два с половиной года назад...

— Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны, — услышала Ирен сквозь дрему.

«Опять я пропустила свою станцию. Как тогда. Сплошные совпадения, — думала она, бредя через платформу к противоположному пути. — Знак судьбы. Знак поворота. Шоссе кончилось, начинается грунтовка с ухабами и раздолбанными колеями. Но что же мне все-таки делать? Может быть, ничего? Но убийца знает, что я была там. Он не уверен, что я его заметила, но знает, что я там была. Что он предпримет? Станет наблюдать и выжидать? Это риск. Захочет ли он рисковать?»...

4

У оперативника Виктора Бекушева была особенность, чертовски мешавшая ему работать: он не умел думать, когда его дергали. Человек неглупый, Виктор страдал некоторой хаотичностью мышления; ему стоило немало труда упорядочить свои мысли, направить их в нужное русло. Поэтому Виктор болезненно реагировал на внешние раздражители и постоянно пыхтел, переключая внимание, отчего и заработал прозвище «Пых».

Вот и сейчас он буквально подпрыгнул на стуле, когда в комнату ворвался Борька Халецкий и заорал с порога:

— Пых, быстро отдирай сидалище от казенной мебели! Нас с тобой хочет начальство. Да не кисни, ягодка, судя по голосу, ублажать Песича противоестественным путем сегодня не придется. Голос вполне даже ничего, можно сказать, не голос, а мечта хорошо воспитанной гориллы.

В кабинете Кузьмина сидел посетитель — безукоризненно одетый господин лет сорока. Большие залысины, выпуклый лоб и впалые щеки придавали ему вид аскета-интеллектуала, взгляд темных глаз был цепким, но доброжелательным, улыбка — приятной. Тем не менее Виктор с первого взгляда проникся к незнакомцу необъяснимой, но оттого не менее острой неприязнью. Приветствуя вошедших, господин вежливо поднялся им навстречу, а вслед за ним — неслыханная честь! — встал и Кузьмин.

— Виктор Константинович Бекушев, Борис Семенович Халецкий, опытейшие наши работники, они ведут интересующее вас дело, — отреккомендовал Песич подчиненных. — Господа, позвольте представить

вам Соловьева Игоря Юрьевича, сотрудника ФСБ. Его привело к нам, а точнее к вам, убийство Козловского.

Эта изысканная протокольная тирада, по всей видимости, исчерпала силы непривычного к таким изыскам Петра Сергеевича, который тяготел к ненормативной лексике. Он жестом пригласил присутствующих садиться, плюхнулся в кресло, плеснул в стакан воды из графина, выпил, пунктирно приложился ко лбу платочком и капитально замолчал. Соловьев бросил на него выжидательный взгляд и, сообразив, что продолжения не будет, взял бразды разговора в свои холеные руки.

— Господа, я пришел к вам за помощью. На территории Центрального округа был убит известный предприниматель Юрий Николаевич Мусин. Погиб в результате взрыва. Из-за способа убийства и широкой известности Мусина это расследование поручили нам. С самого начала дело показалось нам необычным. Судите сами: взрывное устройство было установлено не в машине Мусина, а в чужом «Москвиче», где в момент взрыва находился сын Мусина от первого брака, Дмитрий, и институтский товарищ сына — Бобылкин, тоже Дмитрий. Оба молодых человека погибли. «Москвич», как выяснилось, принадлежал Бобылкину. Складывается впечатление, что Дмитрий Мусин вызвал на встречу отца, действуя по наущению киллера. Во всяком случае, киллер явно был хорошо осведомлен о планах Мусина-младшего и заранее начинил взрывчаткой машину, на которой тот поехал на встречу. Более того, сама встреча должна была происходить у него на глазах, иначе он не смог бы выбрать время Икс с такой ювелирной точностью...

— А вы уверены, что его мишенью был Мусин-старший? — перебил Соловьева бесцеремонный Халецкий.

— К сожалению, не на сто процентов. Но это представляется наиболее вероятным, — терпеливо объяснил «федерал». — Обоим Дмитриям было всего по девятнадцать лет. Они не успели нажить врагов, мы проверили.

— А вам не приходило в голову, что убивают не только врагов?

— Приходило. Поверьте, Борис Семенович, мы исследовали все возможности. С вашего позволения, я продолжу. Так вот, даже если встреча отца и сына Мусиных состоялась не по инициативе киллера, то он, безусловно, знал, где и когда она должна состояться. Это привело нас к выводу, что киллера следует искать в окружении Дмитрия Мусина или, возможно, Дмитрия Бобылкина. Опущу утомительные подробности наших поисков и сразу перейду к результату. Мы выяснили, что у Бобылкина есть двоюродный брат, Василий Козловский. Родом оба брата из Данилова Ярославской области, росли вместе. Но если Дмитрий был примерным сыном, гордостью родителей и учителей, то Василий с детства пошел по кривой дорожке. Был судим, но по малолетству отделался легким испугом — небольшим услов-

ным сроком. Два года назад перебрался в Москву и попал под крыло местного авторитета Мелентьева по кличке «Шатун». По нашим сведениям, в сферу интересов Шатуна, помимо прочего, входила торговля оружием, в частности, взрывчаткой. Козловский, конечно, птица невеликая, у Мелентьева бегал в «шестерках», но доступ к хозяйским игрушкам имел. И самое главное: в тот день, когда погибли Мусины и Бобылкин, Козловский исчез, не оставив никому, в том числе и родственникам в Данилове, нового адреса. Мы, конечно, его искали, и очень старательно, но до вчерашнего дня успеха, увы, не достигли. И вот теперь мы узнали, что Козловский убит, и с его жизнью оборвалась наша единственная ниточка...

— Вы считаете, что Козловский был простым исполнителем? — спросил Виктор. — Но тогда резонно предположить, что он исполнял приказ хозяина, Шатуна. Вероятно, к Шатуну обратился заказчик...

— Нет-нет, Шатун искренне недоумевает, куда исчез его «боец». По данным нашего осведомителя, он даже предпринял довольно энергичные попытки разыскать Козловского. Не то чтобы Василий был ему так уж нужен, просто дезертирство в этой среде не приветствуется. А если это не дезертирство, если Василия втихаря порешили, то убийца полагается найти и наказать. Словом, мы вполне уверены, что Мелентьев отношения к взрыву не имеет.

— И чего же вы от нас хотите? — вмешался Халецкий. — Жареных каштанов?

— Ни в коем случае! Моя просьба весьма и весьма скромна. Найдите убийцу Козловского. Мне не нужны доказательства. Просто узнайте, к кому он приходил, и вам будет обеспечена моя пожизненная признательность. Видите ли, я уверен, что его убийца — это следующее звено в цепи, ведущей к заказчику. Версия такова: Козловский, выполнив заказ, получил указание залечь на дно. Указание он честно выполнил, но его не оставляла тревога, ведь он понимал, что Шатун его исчезновения так не оставит. Выждав приличный срок, Козловский решил обратиться к человеку, который его нанял. Не к главному заказчику, которого он, мелкая сошка, скорее всего, не знал, но к его представителю. Не знаю, чего он хотел. Может быть, денег, может быть, надежных документов, чтобы уехать за границу. Как бы то ни было, его неожиданное появление испугало представителя заказчика. Даже повергло в панику. Только этим и можно объяснить, что Козловского убрали в таком неподходящем месте, в такое неподходящее время.

— Насколько я понял, убийство произошло в разгар рабочего дня, в вестибюле конторы, где работают не меньше двадцати человек?

— Ну, положим, не в разгар. Наш эксперт считает, что смерть наступила в районе пяти вечера, плюс-минус полчаса, но в остальном все верно.

В здании, точнее, в этом крыле здания работают двадцать четыре человека, включая двух уборщиц, которые, правда, заканчивают не позже одиннадцати утра. А остальные двадцать два кандидата в убийцы исправно снуют туда-сюда до девятнадцати ноль-ноль, как минимум. Если приплюсовать к ним пациентов стоматолога и учесть, что в холле расположена курилка, то убийца не просто рисковал, а прямо-таки гусарствовал. Кстати, вам известно, что Козловский был записан на прием к стоматологу?

— Да-да, я ознакомился с материалами дела и уже побеседовал с дантистом. Арутюнян утверждает, что никогда в жизни не видел Козловского. Тот записался на прием по телефону, но к пяти часам, когда ему было назначено, не явился. Ольга Курочкина, ассистентка, подтверждает показания доктора. Кстати, она обеспечила Арутюняну алиби. Не дождавшись пациента, они решили до прихода следующего попить чаю. Из кабинета ни один из них не выходил.

— Лихо вы! — восхитился Халецкий. — Кстати, раз уж вы тоже заинтересованная сторона, почему бы нам не поработать вместе?

— Я считаю, что это повредит делу, — серьезно ответил Соловьев. — Участие ФСБ в расследовании может так напугать убийцу, что он обрубит все концы. Вы сами знаете, сейчас можно так замести следы, что ни одна собака не найдет, были бы деньги. А денег у убийцы Мусина хватит, чтобы обеспечить побег сотне помощников. Лучше уж я буду помогать вам из-за кулис. — Он наклонился к портфелю, стоявшему у ножки стула, и извлек розовую пластиковую папку. — Вот тут информация, которую мы собрали по Козловскому. Думаю, она сэкономит вам много труда...

— А нельзя ли посмотреть все материалы по делу Мусина? — поинтересовался Халецкий.

— Боюсь, что нет. Там слишком много сведений... э... не предназначенных для выноса из избы. Поверьте, наши материалы не подтолкнут вас к решению. Я отдаю себе отчет в том, что успех вашего расследования — дело случая. Возможно, убийце сопутствовало шальное везение, и никто никогда не свяжет его с Козловским. И тогда у меня к вам просьба: присмотритесь к работающим в особняке. Я не к тому, чтобы вы изучали их биографии, — эти сведения я получу по своим каналам. Я обращаюсь к вам, как к экспертам в области человеческого поведения. Вы — опытные оперативники, и давно научились улавливать малейшую искусственность, легчайшую фальшь свидетеля. Если почувствуете что-нибудь этакое, пожалуйста, не сочтите за труд меня проинформировать. — Соловьев сунул руку во внутренний карман пиджака и достал две визитные карточки: — По одному из этих телефонов меня можно найти в любое время суток.

— Ну и как тебе фрукт? — поинтересовался Халецкий, когда они с Виктором покинули кабинет начальника.

— Противный. Даже не знаю почему. И рожа вроде пристойная, и манеры куртуазные, и улыбка приветливая, так откуда же такой привкус мерзопакостный?

— Ну-таки я объясню тебе, дурашка. Фальшивый он, весь до кончиков своих полированных ногтей. Надо же, а я-то считал, что чекистов еще на первом курсе натаскивают против таких проколов! Или они там совсем оборзели, думают, что у ментов в уголовке по причине редкого ношения фуражек последняя извилина разгладилась?

— Ты о чем, Борь?

— Да так, Пых, ни о чем. В двух словах не расскажешь.

— Ну, так расскажи не в двух!

— Если ты хочешь от кого-то что-то скрыть, у тебя есть два варианта: обходить деликатную тему молчанием или врать. Если выбираешь вранье, блюди осторожность — дилетанты для придания убедительности врут многословно, с излишними подробностями. Если тот, кому ты заливаешь, не последний лох, он с легкостью определит, что ты там скрываешь. Молчать куда как надежнее. Знаешь, как должна была бы звучать речь сиятельного посланца ФСБ, обратившегося за помощью к меньшим братьям с Петровки? «Соблаговолите-ка, любезные, исправно поставлять нам материал по делу убиенного Козловского. Если возникнут какие подозрения, не подтвержденные фактами и потому не попавшие в отчеты, извольте сообщить частным порядком по такому-то номеру». И все. Для отказа от дачи показаний ему вполне достаточно сослаться на государственную тайну. Или еще проще. Договориться на высшем уровне с нашим начальством и спустить нам указание сверху — так вообще некому будет вопросы задавать.

Но наш дружок не ищет легких путей. Он изъявляет желание встретиться с нами лично и заливается Соловьевым. Так заливается, что даже в моих убогих ментовских мозгах закопошились кое-какие мыслишки. Как он беспомощно лепетал о нежелательности своего участия в расследовании по причине боязни спугнуть преступника корочками ФСБ... Как будто они там не могут разжиться любыми корочками на свой вкус! Какую душещипательную версию сплел о вероятных причинах появления Козловского в известном тебе особняке! Лажа полная! Как настоятельно просил докладывать о любых, самых незначительных проявлениях неискренности со стороны свидетелей. Даже польстить нам не побрезговал. И хочешь знать, до чего я дошел своим убогим умишкой? Наш славный Соловейчик не счел за труд навешать нам на уши лапши, сильно испугавшись, что мы самостоятельно доковыряемся до взрыва, трагически оборвавшего жизнь господина Мусина, и начнем совать свои легавые носы, куда не положено. Что-то с этим взрывом связано такое, чего нам знать ну никак нельзя.

Соловьеву начхать на убийство Мусина. Он или знает, кто заказчик, или ему это неинтересно. А интересно ему, с кем пытался вступить в контакт убиенный Козловский. И вовсе не по причине безвременной гибели юного дарования. Тут что-то другое... И знаешь еще, что? Никакой этот Соловей не фээсбэшник. Человек «оттуда» не мог так с нами лопухнуться.

— Ну, Борис, тебя занесло! Песич самозванца и на порог бы не пустил.

— Тоже верно. Но все-таки я прав. Не прошел этот типчик соответствующей выучки. А раз Песич допустил его до августейшей ручки, значит, у так называемого Соловьева в ФСБ железобетонная «крыша». И можешь мне поверить, Песич сейчас наверняка сам гадает, что за птица ему на голову свалилась.

5

Я сегодня такое узнал! Похоже, мой детектив выйдет коротким. Не роман, а так, небольшая повестушка. И все благодаря моей ловкости. Не исхитрился бы я подслушать этот разговор, мы бы с вами еще долго блуждали в потемках, а теперь до разгадки осталось полшага. Ай, да я! Но все по порядку.

С утра пораньше к нам пожаловал опер. Молодой, но, видно, стреляный воробей. Выражение лица деловое, хватка цепкая. Обежал начальство всех трех наших контор, получил в свое полное распоряжение конференц-зал и телефонный аппарат. Потом начал по одному вызывать к себе народ для частных бесед.

Первым отстрелялся армянский зубодер, потом его медсестричка. А потом и наша очередь наступила. Мы, ясное дело, о работе и думать забыли, хотя ее сейчас, за месяц до Рождества, у нас выше крыши. Но какая там работа, если в конторе такое творится! Народ не вылезал из курилки, поджидая очередную ментовскую жертву, все хотели знать, что да как. Но жертвы не больно-то распространялись, все больше отшучивались: сами, мол, там посидите, тогда и узнаете. А то мы отдувались без подготовки, а вы пойдете во всеоружии. Неправильно это, несправедливо.

Ну, в конце концов, подошла и моя очередь. По закону подлости, ровнехонько к обеденному перерыву. Опера, как выяснилось, зовут Виктор Константинович. Язык сломаешь. Впрочем, мы быстренько договорились обойтись без отчеств. И на «ты» сразу перешли.

Начал Витек издалека:

— Расскажи мне, Коля, о вашем агентстве в общих чертах. Кто есть кто, кто чем занимается, какие у вас отношения, нет ли скрытых течений и подводных камней.

Я вообще-то не очень просек, зачем ему наша деятельность и отношения. Если бы покойник у нас работал, тогда дело другое, а так — непонятно. Но мне не жалко, раз спрашивает человек, почему бы не ответить.

— Значит, так, в «Пульсаре» работает девять человек. Не считая бухгалтера, она у нас одна на все три фирмы. Но ее я плохо знаю, она в дизайн-студии обычно сидит, там у нее рабочее место. Генеральный директор у нас, как ты знаешь, Базиль, то есть Василий Буянов. Он генеральным стал незадолго до моего прихода сюда. Его сам хозяин наш из Тамбова перетащил. Базиль — хороший мужик, простой, без фокусов. Должностью своей в нос не тычет, на полусогнутых ходить не заставляет. Один только бзик у него: здоровый образ жизни. Книжек каких-то индийских начитался, вот на него просветление и накатило. Лопает теперь одну траву, курить бросил, по два раза в день медитирует, йогой занимается. Отношения у него со всеми нормальные, ровные. Особой дружбы ни с кем не водит, но и не враждует. Про личную жизнь я знаю только, что в Тамбове у Базиля остались жена, с которой он развелся, и дочь. К дочке он чуть не каждый уик-энд катается.

Теперь Полина Кузнецова. В агентстве с самого основания. Сначала была простым менеджером, потом старшим, потом исполнительным директором, потом генеральным, теперь вот снова стала исполнительным. Полин у нас дамочка непростая. Ладить с народом умеет, но держит всех на расстоянии, панибратства не любит. Исключение делает для Жени Кулакова, в просторечье Эжена, Ирины Морозовой (она же Ирен) и Эдика, директора «Голубя». С ними у Полин очень даже приятельские отношения.

Об Эжене я уже упоминал. Он тоже в «Пульсаре» с первого дня. Старший менеджер. Что до его частной жизни, то я не в курсе. Женат ли, холост, разведен, есть ли дети, нет — ничего сказать не могу, он на личные темы не распространяется. Если на то пошло, то и на прочие не особенно. Молчун.

Если соблюдать иерархию, то теперь мы до Ирен добрались. По правде говоря, я до сих пор не скумекал, что она за птица, но начальство на нее не надышится. Чуть что, сразу бегут к ней советоваться, стелются перед ней мелким бесом, глядеть противно. Я так думаю, что она близкая родственница какой-то нашей большой «шишки», может, даже Самого. Ну, посуди сам, Вить, тетка получает чуть не больше всех нас вместе взятых, ни хрена не делает, на работу заявляется, когда ее душенька пожелает. Полгода вообще не показывалась, так начальство ей конвертики с зарплатой в клювике на дом таскало...

— Погоди, Коля, она что, вообще ничего не делает?

— Да как тебе сказать... Иногда, если Катрин со своими сувенирами зашивается, Ирен милостиво предлагает ей помощь. Ну, еще Элен иногда подменяет, когда у той ребенок заболевает. А так — ничего. В пентикс играет.

— Так не бывает. Зачем же ее держат? Если она родственница владельца, могли бы оформить на работу втихаря и деньги на дом отвозить, не смущать сотрудников. Официальные обязанности у вашей Ирен имеются?

— Ты будешь смеяться, но официальная обязанность у нее — генерить идеи. Представь, что тебе не за поимку преступников платят, а за идею, как их ловить. И платят отменно, не то, что тем бедолагам, которые твои идеи воплощают, под пули суются. Весело, да?

— А как личность — что она из себя представляет?

— Мерзкая она личность. Злобная, угрюмая и заносчивая. Смотрит на тебя, как на клопа. Целыми днями молчит, а как рот откроет, так обязательно гадость какую-нибудь скажет.

— Значит, ее у вас не любят? А ты вроде говорил, что она прительствует с Полиной, с этим... как его... Эженом, с Эдиком.

— Эдик — душа-человек, он со всеми прительствует, особенно с дамами. Его хлебом не корми, дай прекрасному полу пыль в глаза пустить. Хотя отнести Ирен к прекрасному полу язык не поворачивается. Мымра она страшная. Потому и злобствует. Ну, да Эдику, видно, все равно, кого обаять, лишь бы оно женского пола было. А что до остальных, так они перед Ирен просто заискивают. Она же особа, приближенная к императору. Скажешь слово поперек или посмотришь не так, еще с работы вылетишь...

Ладно, хватит об Ирен, поговорим лучше о приятном. Катенька Берман у нас сувениркой ведает. Всякое барахло — маечки-бейсболочки, ручки-календарики, шарики-пакетики — для выставок и презентаций. Для презентов сотрудникам — скажем, к празднику или юбилею фирмы — письменные приборы, еженедельники, папочки приличные. Ну а для даров начальству, собственному или фирмы-партнера, уже роскошь заказывают — часы с прибамбасами, портфели из дорогой кожи, ценные вазы, антиквариат. Вот Катрин всей этой кухней и занимается. Ищет товар, договаривается с мастерами, где тиснение или там гравировку делают, в таком вот духе.

Леночка Маслова — очень симпатичная девочка. Улыбчивая такая, спокойная. Все ее любят. Но она замужем, к ней клинья не больно-то подбьешь. Дело, конечно, не в замужестве, знаем мы этих верных жен, видали. Элен на ребенке своем завернута. Чуть рабочий день закончился — мчится домой к ненаглядному сыночку. Никогда не посидит с нами, не пообщается в неформальной обстановке. Это, знаешь ли, сближению не способствует. Помимо всего прочего, Элен еще и учится в полиграфическом, на заочном. Так что времени на личную жизнь у нее совсем нет. А на работе она размещением рекламы в прессе занимается.

Мари, Маша Полянская, тоже замужем. Она здесь художником на полставки работает. Компьютерный дизайн и все такое. Но, между нами, художник она паршивый. Ничего серьезнее верстки газетных объявлений ей

не поручают. Когда нам нужен настоящий художник, мы обращаемся в дизайн-студию. Про личность Полянской ничего толком не могу сказать. Мари работает только до обеда, почти не отрывается от компьютера и завязать неформальные отношения с коллегами не рвется. Внешне она так себе, серединка на половинку. Не в моем вкусе, суховата. А характер... Вежливая, старательная, но какая-то вялая, огонька в ней не чувствуется.

Ну, все, остались только Жоржик да я. Жоржик — курьер, только после школы, недавно восемнадцать стукнуло. Его тут все воспитывать норовят, но он реагирует нормально, в бутылку не лезет. Что еще можно сказать о восемнадцатилетнем сопляке? Глупый, но дружелюбный.

А я тут рекламой на телевидении ведаю. Точнее, отвечаю за изготовление рекламных роликов. Между прочим, огромную прибыль родной фирме приношу. Знаешь, каких денег стоит сделать рекламный ролик официально? Бешеных! Это ты должен подписать договор со студией, оплатить аренду аппаратуры, специального помещения для съемки, пленку, оператора, режиссера, монтажника, звукооператора, черта лысого... Там такая сумма набегит, ахнешь! А благодаря мне, все тип-топ. И клиент доволен, и мы очень даже прилично навариваем.

Потом опер выложил передо мной план нашего первого этажа и попросил припомнить, кто где находился в промежутке от половины пятого до половины шестого. Тут я ему не сумел толком помочь. Я же не все время на часы смотрю. И народ у нас не сидит на рабочих местах, как привязанный. Определенно я мог сказать только одно: Маша Полянская, как обычно, ушла с работы в два. Мы с Жоржиком и Элен как раз на обед шли, проводили ее до трамвайной остановки. И еще: Жоржик где-то в районе пяти повез клиенту образцы сувениров. Остальные вроде из здания не уходили, но где они обретались, леший знает.

Витек поблагодарил меня, пожал руку и сказал, что, возможно, мы еще побеседуем, если у него новые вопросы появятся. Напоследок я все-таки настучал ему на Ирен — о том, как она странно себя вела, когда мы труп нашли. Но на Виктора мои слова впечатления не произвели. А может, он виду не показал, не знаю.

После обеда я собрался с силами и немного поработал над сценарием очередного ролика. Потом вышел в холл покурить, тут входная дверь распахивается, и является... кто бы вы думали? Ирен! Ах, да, я забыл доложить: она утром звонила, сказалась больной. Ирен и вправду выглядела больной, очень даже больной. Зачем же это ты в таком состоянии сюда притащилась, думаю? А она, даже не поздоровавшись, шмыг наверх и — к «голубям». Вызвала Эдика из комнаты и говорит:

— Мне нужно кое-что тебе сказать. Нет, не здесь. Выйдем на улицу. Сходи, оденься. Я сейчас. — И в туалет пошла.

Тут у меня мозги, как центрифуга, завертелись. Значит, не хочешь, чтобы вас подслушали, думаю. Стало быть, разговор-то у вас интересный намечается. Как бы мне изловчиться и подобраться к вам поближе? Бросился в офис, схватил куртку и — на улицу. Там, на мое счастье, стемнело уже. Я огляделся и полез в кусты, что рядом с входом растут. Если они на крылечке будут разговаривать, я отсюда все услышу, ну а если подальше отойдут, значит, не судьба.

Вышло ни так ни эдак. На крылечке они стоять не стали, но и далеко не ушли. Ходили туда-сюда перед входом, так что я разговор по кусочкам слушал. Но и кусочки эти, ох, какие интересные оказались!

— ...Ты же знаешь, я, когда задумаюсь, плохо соображаю, что делаю. Вышла из комнаты в тамбур, дверь в холл открыла, смотрю, а пачка — пустая. Тут глаза упали на ксерокс, и я вспомнила, что обещала Полине копию с отчета снять, если долго провожусь...

— ...голос незнакомый. Молодой. Я не вслушивалась, но у меня сложилось впечатление, что он в ночные сторожа себя предлагал. Что-то говорил про первый этаж, про ненадежность решеток, рассказывал, как у кого-то сейф через окно вытащили, прямо так, не вскрывая...

— ...не обратила внимания. Подумала, опять вам что-то привезли. Ваши незадолго до этого календари разгружали, тоже пачки волоком по холлу перетаскивали. Даже не то чтобы подумала, а так, мысль мелькнула...

— ...Ирен, ты сошла с ума! Это же опасно! Немедленно звони в милицию! Погоди, у меня где-то записан телефон этого оперативника... Позвони прямо сейчас, из конторы.

— Как ты не понимаешь, Эдик! Именно этого я делать не хочу...

А закончили разговор на крылечке. Так что последнюю часть я слышал целиком.

— Не крути, Ирен! Я же принял твои доводы и отчасти с ними согласен. Мне-то ты можешь сказать, что там увидела?

— Ни-че-го. Честное слово. И именно это обстоятельство дает пищу для размышлений. Но я не хочу размышлять, не хочу дознаваться. Пусть все остается, как есть. Только вот... если со мной что-нибудь случится, запомни: убийца — один из четырех человек. Точнее, из четырех мужчин. Из наших. Один из них — ты. А кто остальные, поймешь, если подумаешь над тем, что я тебе рассказала. Ты умный, ты догадаешься. Но пока, прошу тебя, Эдик, запихни наш разговор в самый дальний уголок памяти.

Ну и как вам это, а? Хороша штучка наша Ирен? Пусть не убийца, но почти сообщница. Слышала, как убивали, знает что-то такое, что сужает круг подозреваемых до четырех человек, и намерена молчать в тряпочку! Ну, ничего, я это дело поправлю. Все Витьку доложу.

А может, не надо? Может, я сначала сам додумаюсь, кто качка порешил? Я, конечно, не такой шибко умный, как Эдик с Ирен, и не врубаюсь, как это можно НИ-ЧЕ-ГО не увидеть и сделать из этого вывод, что убийца — мужчина, да не просто, а один из четырех человек. Сколько у нас мужиков? Я, Эдик, Базиль, Эжен, Жоржик, Джованни, Чезаре, Игнат, да сэры — Джон с Гарри. Всего десять. Меня, понятно, исключаем. Сэров тоже можно смело отбросить. По словам Ирен, все это произошло после разгрузки календарей. Так вот, после разгрузки сэры сразу укатили за рекламными листовками. Кстати, когда они разгружали, я с ними немного покалякал, потом к нам подошел Жоржик и пожаловался, что его к клиенту с образцами посылают куда-то к черту на рога. После я его уже не видел. Значит, Жоржика тоже долой. Остаются шестеро. И всего-то делов — присмотреться к ним повнимательнее, понаблюдать. Убийца всегда себя чем-нибудь да выдаст.

6

Разговор с Эдиком не то чтобы успокоил Ирен, но снял с ее души изрядную долю тяжести. И хотя вылазка определенно не пошла ей на пользу, — по правде говоря, Ирен чувствовала себя совсем скверно, — она была рада, что нашла в себе силы приехать. Силы не только физические, но и душевные. Бог знает, каких мучений ей стоило решиться на этот шаг! Признаться человеку, которого ценишь и уважаешь, в том, что не исключаяешь его причастности к убийству, — не шутка. Если Эдик невиновен, то подозрения Ирен и ее готовность закрыть на них глаза могли оскорбить его в лучших чувствах. Легкий налет цинизма, который он демонстрировал, не мог ее обмануть. Как правило, люди, бряцающие своим пофигизмом и насмешливой снисходительностью к нормам морали, по сути, весьма уязвимы и добропорядочны.

С другой стороны, если убил все же Эдик, то неопределенность для него мучительна, как изоцренная пытка. Он знает, что Ирен была там, в холле. Заметила ли она что-нибудь? Если да, то что собирается предпринять? Вот уж, без преувеличения, вопрос жизни и смерти. Что ж, теперь ему известно то небольшое, что знает она, и известно, что она не собирается ничего предпринимать... Честно говоря, и после разговора с Эдиком сомнения не покинули Ирен. Не покинули, хотя его поведение самым убедительным образом свидетельствовало о его невинности, хотя его лицо, каждое его слово дышали искренностью. Но и три прочих претендента годились на роль убийцы еще меньше Эдика. Сама мысль о том, что кто-то из них способен лишить человека жизни, казалась смехотворной.

«И все же убил кто-то из четверых... Кто?»

Ирен помотала головой, отгоняя навязчивый вопрос, и, почувствовав озноб, поплотнее запахнула пальто. Все, она решила больше не думать

об этом! С Эдиком она поговорила, главную заботу сняла, а дела остальных ее не касаются. Нет, остальные трое ей тоже симпатичны, Ирен охотно развеяла бы их тревогу, но не настолько она с ними накоротке, чтобы затеять такой деликатный разговор.

Подойдя к метро, Ирен по легкому головокружению и сердцебиению поняла, что у нее опять подскочила температура. «Пожалуй, за тридцать девять будет. Еще сорок минут тряски в набитом вагоне, и я — труп. Лучше возьму такси». Но поймать такси в час пик, да еще у вокзала, оказалось непросто, и она побрела к ближайшему кафе, чтобы выпить аспирина, горячего кофе и подождать, пока ей не полегчает.

Наконец Ирен почувствовала себя сносно и без опаски рассталась с неудобным пластиковым стулом и убогим кафе, где нашла временное пристанище. Людской поток уже схлынул, и ей удалось быстро остановить машину.

В салоне она задремала, но вскоре мерное покачивание и запах бензина спровоцировали приступ дурноты. Не дотерпев до дома каких-нибудь пяти минут, Ирен сдавленно попросила водителя остановиться, быстро сунула ему в руку сотенную бумажку и выскочила, прижимая к лицу платок.

Остаток пути, минут двадцать неспешным шагом, она решила одолеть пешком. В этот час ее любимая аллея была пуста. Ранняя темнота и холод разогнали пенсионеров и родителей с колясками, даже компании подростков и влюбленные парочки предпочли теплые подъезды. А Ирен нравилась пустыньность аллеи. Нравилось одиночество. Да, теперь, когда у нее появились Петенька и малыш, одиночество больше не вызывало у нее протеста. Оно манило ее, как манит прохладное море в жаркий день.

«А умный в одиночестве ходит кругами, он ценит одиночество превыше всего», — тихонько пропела Ирен и свернула с аллеи к параллельной улице. До дома оставалось метров сто, но перейти через дорогу было удобнее здесь, чтобы не месить грязь на газоне. Тут она услышала шум мотора, но даже не обернулась. Дорога была пуста, места хватало, а она уже пересекла разделительную линию и шла по встречной полосе. И только в последний миг, когда полу ее пальто уже толкнул воздушный поток, почувствовала неладное.

Но было уже поздно...

7

Виктор Бекушев не любил понедельники, но нынешний затмил все. Целый день он вел в тщетных попытках выудить из работников трех проклятых фирм проклятого особняка хоть какую-то полезную информацию, но так и не получил ни единой зацепки. А ведь поначалу казалось, что обстоятельства ему благоприятствуют. Оказаться на месте сбора всех подозреваемых в ту минуту, когда им сообщают о новом убийстве, — редкая удача

для сыщика. Испуг, ошеломление, растерянность, шок выбивают людей из колеи, они забывают о присутствии постороннего, о самоконтроле, бросают неосторожные реплики, а то и вовсе пускаются в откровения, каких при иных обстоятельствах от окружения жертвы не дождешься. Да и убийца может ненароком себя обозначить. Казалось бы, наблюдай за присутствующими, слушай, анализируй и обязательно получишь подсказку.

Ан нет! Понедельник и тут подгадил. Пока Виктор ставил в известность начальство, договаривался о разделении труда с Халецким, взявшим на себя беседу с соседями и родственниками Морозовой, а также визит к районным оперативникам, выезжавшим на место происшествия, коллеги покойной наклюкались до положения риз и для дальнейшей беседы оказались непригодны. Виктор чуть не надорвался, пытаясь вывести художников и рекламистов из пьяного транса, но кроме рыданий и невнятных славословий Ирине Морозовой ничего не услышал.

Когда Бекушев выбился из сил и пал духом, в конференц-зал рекламного агентства, где он опрашивал невменяемых сослуживцев убитой, позвонил Халецкий:

— Пых! Я на сегодня отстрелялся. Тебе еще долго?

Бекушев мрачно сообщил, что готов закончить хоть сейчас.

— Чудненько! — обрадовался Борис, не давая коллеге времени пожаловаться на тяготы жизни. — Встречаемся через полчаса возле «Макдональдса» у метро «Проспект Мира».

С чувством посмотрев на пищашую телефонную трубку, Виктор швырнул ее на аппарат, торопливо оделся, запер конференц-зал и побежал к метро.

Как оказалось, торопился он напрасно. Во-первых, дорога до указанного заведения заняла двадцать пять минут, во-вторых, Халецкий на десять минут опоздал. В итоге Виктор четверть часа мерз на сыром ветру, топчась на ступеньках и проклиная Бориса. Наконец тот появился и сходу, лишая Виктора возможности выразить свое негодование, бросил:

— О! А я думал, мне тебя ждать придется, не рассчитал маленько. Пошли, подзаправимся, а то у меня кишки от голода сводит.

— Тоже мне, новость! — буркнул Виктор, послушно двинувшись следом. — По-моему, они у тебя всю жизнь в сведенном состоянии. Скажи лучше, удалось тебе что-нибудь нарыть?

— О нет, ты первый асказывай. Только сначала найди отдельный столик, чтобы нам болтать не мешали, — дал задание Борис, а сам пристроился в хвост небольшой очереди.

Подходящий столик нашелся на втором этаже. Окно, стена и тумба для подносов, ограждавшие его с трех сторон, обеспечивали максимальную уединенность, какой только можно было ожидать в тесном зале.

— Ну, ты и спрятался! — прокомментировал Халецкий, плюхнув на стол поднос. — Не иначе, как мои профессиональные навыки проверяешь? Есть, есть еще песок в песочницах! Ну, чем порадуешь, друже?

— Нечем мне тебя порадовать, — мрачно ответил Виктор. — Меня целый день преследовало ощущение, будто я опрашиваю обитателей то ли сумасшедшего дома, то ли вырезвителя. Знаешь, как я узнал об убийстве Морозовой? Сажу себе в конференц-зале, разговариваю с девицей из дизайн-студии. Вдруг открывается дверь — заметь, без стука, — и входит Вязников, директор «почтовиков». Ни слова не говоря, направляется прямо к бару, достает литровую фигурную бутылку сувенирной водки и в три глотка ее ополовинивает. У меня челюсть отвалилась, не соображу, что сказать: то ли возмутиться такой беспримерной наглостью, то ли поинтересоваться, в чем дело. Пока собирался с мыслями, девица, с которой мы беседовали, спрашивает: «Эдик, что случилось?» Он повернулся, лицо — чисто посмертная маска, я даже не припомню, видел ли когда что-нибудь подобное... И голос безжизненный: «Ирен убили». Девица побелела и застыла, как чучело со стеклянными глазами. Пока я пытался привести ее в чувство, Эдик ушел. Ушел, что характерно, звеня бутылками, — но это я потом, задним числом припомнил. А девица тем временем забилась в истерике. Рыдала, выла, молотила по мне кулачками. Я побежал за армянином, дантистом этим. Хоть и зубной, думаю, а все-таки врач. Потом к рекламщикам — узнать, откуда известно про Морозову. Они послали меня к Полине, которая разговаривала по телефону с соседкой убитой. У этой Полины уже заплетался язык, но я опять-таки не всполошился, решил — от потрясения. Пошел в свой временный кабинет, переговорил с Песичем, потом с тобой, а когда вернулся, они все до единого были пьяны в стельку — и художники, и «почтовики», и рекламщики.. Никогда не видел, чтобы люди так стремительно напивались. Только директор рекламщиков более-менее сохранял человеческий облик. Нет, выпил-то он крепко, но хоть разговаривал членораздельно.

— Ну, сказал что-нибудь полезное?

— Куда там! По его словам выходит, что сотрудникам агентства легче было совершить коллективное самоубийство, чем поднять руку на Ирен. Во-первых, ее проекты приносят агентству львиную долю прибыли. Во-вторых, насколько я понял, Ирен была человеком поразительной душевной щедрости и широты. Никогда никому не отказывала в помощи — советом, делом, деньгами... Да что там не отказывала — сама предлагала.

— Надо же, оказывается, святые еще встречаются! — заметил Борис.

— Знаешь, они, конечно, перепились, как свиньи, но все равно горе выглядело неподдельным. И потом, я еще в пятницу просил каждого кратко

охарактеризовать коллег. О Морозовой все отзывались тепло и уважительно. За единственным исключением...

— А, это ты про своего нового кореша Колю? Как он тебе, кстати, на роль убийцы? Может, у него на почве зависти совсем крышу снесло?

— Вряд ли. Слишком уж личность комическая. Мелкотравчатая. Такому по плечу мелкая пакость, но не убийство. Масштаб не тот. Но знаешь, что любопытно? Кажется, ему что-то известно. Когда я пришел к ним в комнату узнать, кто сообщил про Морозову, рекламщики, тогда еще почти трезвые, пребывали в шоке. Застывшие лица, невидящие глаза... Две девицы, правда, оправились от первого потрясения и уже вовсю рыдали. А Коля... У него была рожа шулера, схваченного за руку. Испуганная, и глазки бегают. И что бы мне сразу его к стенке не припереть, спрашивается? Столько сил бы сэкономил! Я его потом и в сортир водил, головой под кран совал, и кофе насильно поил — пустой номер, ничего кроме бессмысленного мычания не добился. И от остальных — ненамного больше. Понедельник, черт бы его подрал! Ладно, завтра с ними потолкую. А ты мне скажи, это точно убийство? Не несчастный случай?

— Никаких сомнений. Морозову сбили, развернулись и проехали по телу еще раз. Это криминалисты установили, свидетелей-то, как всегда, днем с огнем не сыщешь. Впрочем, место там для черного дела самое подходящее. Вдоль одной стороны улицы — ряд гаражей и аллея, в темное время суток совершенно безлюдная. По другую — нечто вроде сквера, а за ним — девятиэтажка. С нижних этажей дорогу за деревьями не видно, с верхних — далеко, толком не разглядишь. Движение на улице вялое, ездят в основном жители окрестных домов. Один из них и обнаружил тело. Но машину, говорит, не видел.

— Ясно. Очевидцев, стало быть, нет. А куда Морозова выходила, известно?

— Хороший вопрос, — усмехнулся Халецкий. — В том-то и дело, что не должна она была никуда выходить. Тебе ведь рекламисты говорили, что Ирен больна? Все правильно. Грипповала она, причем сильно. Вернулась домой в четверг вечером вся разбитая, уговорила сожителя уехать и забрать к себе ребенка — боялась заразить. Сожитель упирался, не хотел оставлять ее одну в таком состоянии, но соседка — они с Морозовой с детства дружили — поклялась, что будет ей родной матерью. Короче, уговорили они бойфренда в два голоса. Всю ночь Ирен пролежала пластом, температура — за тридцать девять, все, как полагается. Соседка, Лизавета, ночевала у нее, каждые два часа мерила температуру, отпаивала больную чаем, лекарствами. Утром Ирен полегчало, но Лизавета все равно не разрешила ей вставать. Отправила дочь в школу, взяла с собой рукопись — она редактор в издательстве, работу на дом берет — и просидела у Морозовой до

пяти вечера. В пять Ирен приняла аспирин и сказала, что хочет спать. Лизавета ушла к себе. А в двадцать пятьдесят пять дежурный зарегистрировал звонок водителя, сообщившего о трупe на проезжей части. Предупреждаю твой вопрос: никто из соседей не видел, как Морозова уходила. Куда, по-твоему, ее, больную, понесло?

— По-моему, ее выманили из дома под ложным предлогом. Убийца выманил. Позвонил, назначил встречу, а сам сидел в машине, поджидая. Засаду устроил. Надо бы выяснить, у кого из рекламщиков и иже с ними есть права и машина. Хотя машину-то убийца, скорее всего, чужую использовал, но чем черт не шутит...

— Думаешь, все-таки коллеги постарались? — Халецкий задумчиво вытер рот салфеткой и потянулся к стаканчику с кофе. — Выходит, друг твой Коля верно подметил, что Морозова себя странно вела, ну, когда они на труп под лестницей наткнулись... Скажи а какая, по-твоему, вероятность, что Морозову убрал убийца Козловского?

— Процентoв девяностo, я бы сказал. В эту версию все хорошо укладывается. В четверг у них в конторе убивают Козловского. Ирен видела что-то важное, может быть, коллегу, который разговаривал с незнакомцем в холле, но поначалу не придала эпизоду значения, поскольку не знала об убийстве. Отсюда и ее странное поведение, замеченное Колей. Когда труп обнаружили, и никто не сознался, что видел покойника, перед ней встала серьезная проблема. С одной стороны, ей не хотелось выдавать коллегу, к которому она, скорее всего, хорошо относилась. С другой — убийство есть убийство. В общем, Ирен ничего никому не сказала, видно, решила все хорошенько обдумать. А убийца заметил ее колебания. Думаю, он сразу решил избавиться от свидетельницы, но в тот же вечер у него не получилось, а наутро Ирен не пришла, заболела... Гм... Что-то здесь не сходится. Она ведь запросто могла поделиться своими сомнениями с сожителем или с подругой. Ты потому и спросил, да?

— Нет, Витя, не потому. Твое-то недоумение я как раз могу рассеять. После разговора с Лизаветой я немного представляю себе характер Ирен. Она предпочитала принимать решения сама. Не любила взваливать свои проблемы на чужие плечи и вообще старалась о них помалкивать. И еще мне кажется, что, если бы она решила сдать убийцу, то сначала поставила бы его в известность. Такой уж строгий у нее был кодекс чести. Так вот, убийца-то имел возможность узнать ее получше, чем я, а потому относительно спокойно мог отпустить ее в четверг и ждать благоприятного случая.

— Тогда что тебя не устраивает в моей версии?

— М-м... даже не знаю, с чего начать. Ну, во-первых, способ убийства. Он не просто другой, а принципиально другой. В общем, если человек вы-

брал для первой своей жертвы быструю, бескровную и относительно легкую смерть, то очень сомнительно, что вторую он будет размазывать по асфальту.

— А кроме способа убийства что еще тебя мучает?

— Видишь ли, жизнь Ирен — кстати, это имя она себе сама выбрала, мама-то ее Таисьей назвала — была покруче иного романа. Не в смысле криминала — в смысле драмы. Но в двух словах ее не перескажешь, а ты домой торопишься, так что на эту тему давай завтра поговорим. Короче, виделся я сегодня с ее дочуркой и бывшей свекровью. Это такие экземпляры, скажу я тебе! С удовольствием бы их препарировал, одного любопытства ради. Ну, и чтобы кайф им малость обломать. Ты бы слышал, с каким злобным наслаждением они поливали покойную грязью! Да и с сожителем Ирен не все ясно. Нет, ты не подумай, жили они душа в душу, все соседи в один голос так говорят, не скрывая, между прочим, зависти. И Лизавете он очень симпатичен. А известие о смерти подруги едва в гроб парня не вогнало, посинел, говорят, весь, еле «скорая» откачала. По слухам, в сороковой он лежит, в кардиологии. Я его пока не беспокоил, пусть немного оклемается.

— А ребенок? Ты говорил, у них маленький ребенок. На кого оставили?

— За парнишкой пока Лизавета присматривает да няня приходящая. Няня уже год, как у них работает, наняли сразу, как Ирен на работу вышла.

— Так я не понял, чем тебе сожитель не угодил?

— Видишь ли, никто не знает, кто он такой и откуда взялся. Ирен два с половиной года назад приволокла его на себе, больного. В больницу он почему-то лечь отказался, а жил один, и присматривать за ним было некому. Вот Ирен его и выхаживала. А пока выходила, там порезвился амурич, и пациент остался жить у сиделки. Как честный человек, он тут же предложил ей руку и сердце, но Ирен, пуганая ворона, сердце приняла, а руку отвергла. Лизавета поначалу относилась к их роману настороженно, все опасалась, не нарвалась ли подруга на проходимца, и, ясное дело, пыталась, кто да откуда. Ирен все уходила от ответа, а потом прямо сказала: не спрашивай. Прежняя Петенькина жизнь была страшнее кошмара, он пытается ее забыть, и чем меньше народу будет знать о его прошлом, тем больше у него шансов на успех. Лизавета еще немного понервничала, потом видит: мужик о подруге заботится, на шее у нее не сидит, ребенка едва не на коленях вымолил (Ирен думала прервать беременность) и не надышитесь на мальчишку, готов целыми днями с ним тетешкаться. Ну, она и успокоилась. А теперь вот гадает, не настигло ли Петра его страшное прошлое. Как тебе такой сюжетец?

— Романом-фельетоном отдает, — поморщился Виктор.

— Фу-ты, ну-ты, какие мы образованные! — фыркнул Халецкий. — Значит, не привлекают тебя страшные тайны прошлого, рационалист ты наш бескрылый? А мне, признаться, этот сюжет куда симпатичнее игр, в которые играют службисты. И главное, грязи в нем наверняка поменьше будет.

— А ты уверен, что твои страшные тайны прошлого не сведутся к тем же службистским играм?

— Типун тебе на язык! Надо же все так опошлить, настроение испортил... Кстати, я ведь тебе самого главного так и не сказал — как раз насчет игрунов наших. Да ладно, не дергайся, это недолго. Пошли к метро, по дороге расскажу.

На улице шел снег. Белые искорки мелькали в свете фонарей, ложились на тротуар и превращались в серую грязь.

— Ну что ж, — вздохнул Халецкий, — к делу, товарищ, я продолжу. Сегодня смотрел сводки происшествий по городу — ну, насчет того взрыва. Поверишь ли: ни строчки нет! Ладно, думаю, это они могли как-то задним числом подчистить, значит, надо «желтую» прессу проверить, не будут же они все тиражи изымать! И снова ни строчки. Тогда я поскреб в затылке и наскреб такую мысль: сразу после взрыва ведь неизвестно было, кого там бабахнули, значит, на место происшествия должны были вызвать уголовку или рубоповцев. К нам вызов точно не поступал, я проверил. Стало быть, остается РУБОП и район. РУБОП я напоследок оставил — там пришлось бы кланяться, и они меня потом до конца жизни эксплуатировали бы за эту маленькую любезность. Пошел я в район. Там говорят: «Да, было дело, вызывали нас на взрыв. Только сразу же и развернули — «смежники» первыми подоспели, сами, сказали, разберемся. А если вам подробности нужны, обратитесь к сотруднику такому-то, он тогда дежурил. Только у него сегодня выходной, вы завтра приходите». Ну, выпросил я у них домашний телефон этого парня и напросился в гости. Он здесь неподалеку живет, напротив метро. И знаешь, что выяснилось? Мусин-то не на своей машине подрывался — на чужих «Жигулях». Так чего же, тогда, спрашивается, «смежники» на взрыв слетелись, да еще так прытко, что обскакали местных оперов? Откуда они знали, что жертва взрыва — известный предприниматель, если этого предпринимателя уже лет десять никто иначе как в иномарках, не видел? Чуешь, чем пахнет, Витек?

— Неприятностями для нас пахнет, — мрачно отозвался Виктор. — Крупными.

— Это ты точно подметил. Но я тебе еще один сюрприз преподнесу. Как ты думаешь, где имел место пресловутый взрыв? Не догадываешься? В двухстах метрах от особнячка наших с тобой дорогих рекламистов. Как полагаешь, этот Соловьев просто забыл упомянуть о такой мелкой детальке?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

8

Звонок Эдика Вязникова вызвал в душе Надежды столь сложное чувство, что она не сразу сумела его определить. Точнее, даже не чувство, а мешанину чувств, весьма острых и противоречивых. Последний раз они виделись пять лет назад на свадьбе Эдика. И с тех пор он ни разу не соизволил не то, что объявиться, даже позвонить, справиться о делах или хотя бы просто поздравить с праздником или, скажем, днем рождения. А ведь когда-то они были практически неразлучны, и свадьба самой Надежды никаких возмущений в их отношения не внесла. Ну, почти не внесла. На короткое время в поведении Эдика все же появилась некая искусственность, что при его несравненном комедиантском даровании выглядело едва ли не запоздалым признанием в любви. Надя тогда даже испытала нечто вроде раскаяния.

То, что участь женщины, которой суждено полюбить Эдика, будет горше смерти, она поняла сразу, едва они познакомились. Поняла отчетливо, несмотря на свой юный возраст и полное отсутствие соответствующего опыта. Мужчины, подобные Вязникову, созданы, чтобы принадлежать всем женщинам мира одновременно и ни одной из них в отдельности. Как звезды мирового кинематографа.

Никто не мог противостоять чарам Эдика. Грузин по материнской линии, он был на диво хорош собой, а помимо того, разносторонне талантлив, остроумен, артистичен, обаятелен и галантен. Надежду, правда, тоже бог не обидел, хотя наградил, конечно, поскромнее — симпатичной мордашкой, легким нравом, быстрым острым умом и особым даром поднимать людям настроение.

Две такие неординарные личности, сведенные судьбой на романо-германском отделении филфака МГУ, естественно, не могли не привлечь внимания друг друга. Хотя Эдик в любом случае не обошел бы Надежду вниманием — просто в силу того, что она была женщиной. При всем разнообразии девиц на филфаке, ни одна из них не могла пожаловаться, что хоть однажды не стала объектом самого пристального интереса со стороны любвеобильного Вязникова. Но только Надежде хватило ума построить отношения с ним на иной, более прочной основе, чем притяжение полов. Правда, одного ума тут было бы недостаточно. Надежде повезло: у них с Эдиком нашлась общая черта, породнившая их, казалось, навечно.

Эдик был прирожденным актером. Он играл всегда, в любом обществе, в любой обстановке. Экзаменатор, контролер в автобусе, девушка на свидании, приятели у стойки пивного бара, бармен за стойкой — все были для него зрителями и одновременно партнерами по сцене. Но если с ролью

зрителей, как правило, справлялись все, то достойные партнеры попадались исключительно редко.

Надежда всегда воспринимала жизнь как игру. Попадая в круг новых знакомых, она моментально угадывала, во что здесь играют, определяла для себя негласные правила, принятые среди них, и тут же включалась в действие. Поэтому, когда Эдик остановил на ней свой взгляд и бросил первую реплику, она с лету приняла подачу и мастерски ее отбила. С той самой минуты между ними установилась прочная взаимная симпатия, и Надежде лишь оставалось следить, чтобы она не выродилась в банальную любовную интрижку.

Какое-то время ей удавалось справляться с их естественным влечением друг к другу сравнительно легко, потом дело пошло тяжелее, потом ей пришлось призвать на помощь всю свою ловкость и изворотливость, и, наконец, Надежда вышла замуж. Брак этот, откровенно говоря, был наполовину фиктивным, только Эдик этого не знал, и дружба их на миг споткнулась. Но быстро выровняла шаг и уверенно сохраняла бодрый темп до самой Эдиковой женитьбы. А потом вдруг все внезапно закончилось. И главное, Надежда даже не знала причины разрыва. Ревность жены? Полное счастье и довольство, обретенное Эдиком в браке? Катастрофическая нехватка времени в связи с новыми семейными обязанностями? Перерождение личности? Спросить было не у кого. Эдик оборвал связь со всеми их общими знакомыми, не звонил и не появлялся, а гордость мешала Надежде самой сделать первый шаг.

И вот теперь — этот звонок. «Надька, ты очень мне нужна. Можно, я приеду?»

Надежду распирала одновременно любопытство, обида, нетерпение, досада и беспокойство — потому что Вязников звонил пьяный. Впрочем, он запросто мог и разыгрывать из себя пьяного, валять дурака. Прежде Эдик никогда не напивался. Мог ли он переродиться до такой степени, что перестал ценить свой актерский талант или вовсе отказался от лицедейства? Хотя чего только не бывает.

— Что ж, поживем — увидим, — сказала Надя отражению в зеркале.

Когда Вязников заявился, сомнений не осталось: он был пьян, как сапожник. Никаким актерским мастерством не добиться этого сногшибательно-перегара многодневного запоя, этого мутного взора и красных прожилок в склерах. У Надежды упало сердце. Значит, все-таки перерождение личности. Ее блистательного Эдика больше нет, он умер где-то на отрезке этого проклятого пятилетия, и никто даже не потрудился ей сообщить.

— Клерчик, спаси меня! — жалобно промычал незнакомец, протянул руку к Надиному лицу, покачнулся и повис на Надежде всей тяжестью своего тела.

Услышав нелепое ласковое прозвище — дань цвету ее волос и страстию к пирожным с кремом, данное ей Вязниковым в незапамятные времена, Надежда вздрогнула. Может, былого Эдика можно воскресить? Подставить плечо, исцелить, вернуть память...

— Вот что. Быстро раздевайся и становись под контрастный душ. Я пока сварю кофе. Разговаривать будем, когда протрезвеешь. Все ясно?

— П-погоди. — Эдик отстранился, пошатываясь, расстегнул пальто, достал из внутреннего кармана свернутую в рулон общую тетрадь и протянул ей. — На, почитай пока. — Скинул пальто на пол и, не снимая ботинок, довольно твердым шагом протопал в ванную.

Надя засыпала в кофеварку кофе, налила воды, включила агрегат и, пристроившись рядом на диванчике, открыла тетрадь.

«Вообще-то я не писатель, и всяких там филфаков, журфаков и литинститутутов не кончал...» Прочитав первый абзац, она оторвала глаза от текста и недоуменно подняла бровь. Какого черта Эдик подсунул ей этот бред? Неужели собирается попросить, чтобы она сосватала его англичанам? Неужели ему настолько изменил вкус?

Надежда сотрудничала с крупным британским издательством — разыскивала для них интересную русскую прозу, писала рецензии, переводила по две-три страницы на английский и, если издательство проявляло интерес, вела предварительные переговоры с автором, искала переводчиков, редактировала готовые английские тексты.

Дойдя до упоминания о якобы реальной детективной истории, она нахмурилась и уже собралась, было, отложить рукопись, но, пролистав исписанные страницы, оценила объем и решила просмотреть по диагонали до конца. Да, это, несомненно, о нем — о ее Вязникове. Неведомый Мыкола, при всей своей безыскусности, нарисовал довольно верный портрет: «Распустил перед девицами хвост, целое представление устроил...» Какая знакомая картина! Надя рассмеялась, но, когда дошла до развлечений Эдика и Ирен, ее веселость мигом улетучилась.

«Так вот почему Вязников не появлялся все эти годы! Оказывается, он нашел мне замену! Женщину, способную поддержать его игру. Ну и пусть она страхолюдина, пусть на семь лет старше. Зато рядом, можно сказать, под боком! И вообще, для совместного интеллектуального пиршества возраст и внешние данные — не главное. Предатель! И после этого он имеет наглость являться ко мне за помощью!»

Возмущенная Надежда уже не могла сосредоточиться на детективной интриге. Она пробежала текст глазами, жадно выискивая стоящие рядом имена Эдика и Ирен. Их разговор на улице, перед офисом, окончательно подтвердил ее подозрения. Да, эту парочку связывают самые сердечные

отношения! На автомате дочитав до конца, Надежда в сердцах захлопнула тетрадь и забегала по кухне...

Но минут через пять гнев ревности, затуманивший мозг, отступил, и до нее начал доходить смысл прочитанного. У Эдика в конторе кого-то убили! Проклятая Ирен чуть не застигла убийцу на месте преступления и заметила нечто, уличающее одного из четырех сотрудников. И один из них — Эдик! Надежда плюхнулась на диванчик и снова открыла тетрадь.

Когда Эдик, наконец, вышел из ванной, страшный, бледный, но почти адекватный, Надя налила ему здоровенную кружку кофе, подождала, пока он ее ополовинит, потом кивнула на тетрадь и спросила:

— Это не художественный вымысел? Здесь описаны действительные события?

— Да. Но не все. — Эдик то ли вздохнул, то ли всхлипнул. — Ирен убили. Мыколу, скорее всего, тоже.

Надежда, несколько минут назад желавшая Ирен провалиться в тартарары, мысленно охнула.

— Ты... ты как себя чувствуешь? Говорить можешь?

— Отвратительно. Могу.

— Тогда рассказывай.

Эдик уставился в какую-то точку на стене и заговорил:

— В тот вечер, в пятницу, мы расстались с Ирен без десяти или без пяти семь. Когда я вернулся в контору, все уже собирались по домам. У меня, в принципе, еще оставались дела, я хотел задержаться, но после разговора с Ирен голова работала совсем в другом направлении... Словом, я тоже ушел. Но домой не поехал. Долго шатался по городу, прокручивал в мозгу разговор с Ирен, все придумывал, как бы ее защитить. Дурак! Лучше бы проводил ее до дома! Я не знаю, куда она пошла после нашего разговора. Ясно, что не домой, то есть не сразу домой. Ей от работы минут пятьдесят добираться, в худшем случае — час. А тело нашли в девять. На дороге перед ее домом. Она не могла там долго пролежать, дорога же... Эта мразь сбила ее машиной, потом развернулась и... — Эдик закрыл лицо ладонями и глухо прорычал: — Найду гада — разорву!

Надежда подождала минуту-другую, но, поняв, что его необходимо отвлечь, тихо спросила:

— Кто из ваших видел ее в тот вечер в офисе?

— Не знаю. В принципе, девочки мои могли видеть, когда она в комнату к нам заглянула, но вряд ли... Ирен не заходила, только дверь открыла и знак подала — выйди, мол. Джулия в эту минуту разговаривала по телефону, Энн работала за компьютером, и обе сидели спиной к двери. Мэри вообще не было, она в банк ушла, а оттуда — домой. В коридоре и в холле мы с Ирен никого не встретили. Но это ничего не значит. Во-первых, ее

могли заметить по пути туда, в смысле, когда она к нам шла, во-вторых, кто угодно из дизайн-студии мог открыть дверь и увидеть наши спины, когда мы выходили на улицу. Да и «пульсаровцев» нельзя исключить. Хотя холл от двери их офиса не просматривается, кто-нибудь мог выглянуть из-за лестницы...

— Но ведь убийца не знал, что Ирен не сразу поедет домой. Как же он рассчитывал ее перехватить, если, по идее, она должна была его обогнать?

— Если он добирался на машине, у него в любом случае была приличная фора. Ирен всегда только на метро ездила, в машинах ее укачивало.

— Ты хочешь сказать, что он... воспользовался собственной машиной? Но...

— Нет, наверняка нет. Его бы тогда в два счета по вмятинам вычислили. Видно, этот выродок еще в четверг задумал от Ирен избавиться. Заранее подготовился, ублюдок! Позаимствовал где-то машину — сейчас многие автолюбители свои «колеса» на зимовку ставят — и пристроил поблизости от дома Ирен. А в пятницу добрался до места на частнике.

— Кто у вас водит машину?

— Лучше спроси, кто не водит.

— Ладно, думать потом будем. Досказывай.

— Нам обо всем сообщили только в понедельник. Позвонила подруга Ирен...

— А про Мыколу? — торопливо спросила Надя. — Ты сказал, что его, скорее всего, тоже убили. Но точно пока неизвестно? Кстати, как к тебе попала его тетрадь?

Эдик тупо уставился на нее, словно не понимая, о чем она.

— погоди, не перепрыгивай. Мне легче по порядку рассказывать. Значит, понедельник... Позвонила соседка... Опер там был с Петровки, все хотел чего-то... Теревит и теревит. А нам не до него. Напились мы...

— Эдик, тебе плохо?

— погоди, я сейчас.

Он встал и быстрым, но неверным шагом удалился в ванную. Через минуту Надежда поняла, что кофе пошел ему не впрок. Вздохнув, она поставила чайник.

Вопреки ее опасениям, Вязников все же сумел довести свой рассказ до конца. Во вторник ему было так плохо, что в офис он не поехал. Как потом выяснилось, не он один. Из дизайн-студии вообще никто не появился, «пульсаровцев» вышло меньше половины. Поэтому на отсутствие Мыколы никто не обратил внимания. А в среду с утра позвонила его мать и, узнав, что сыночка на рабочем месте нет, и накануне его никто не видел, страшно разволновалась. Оказалось, что во вторник утром она, как всегда, проводила Мыколу на работу, а вечером он не вернулся. Вообще-то он не всег-

да дома ночует, дело-то молодое, но обязательно предупреждает: так, мол, и так, сегодня не жди. Полин, второй директор агентства, успокоила, как могла, мамашу, но сама переполошилась и пошла к Эдику за советом: извещать милицию или подождать? Решили подождать. Мыкола-то в понедельник напился до бесчувствия, стало быть, во вторник утром у него голова по всем швам трещала, мог по дороге на работу похмельиться, и мало ли куда его с пьяных глаз понесло!

А через час Эдику понадобилась светочувствительная пленка, он заглянул в «Пульс» спросить, не одолжат ли, и ему кивнули на Мыколин стол: там, дескать, поищи. Вот так он на тетрабочку и наткнулся.

— Ты понимаешь, Надька, что теперь я пропал? С одной стороны, в ментуру с этой писулькой соваться нельзя. Там черным по белому написано, что я — один из четверых кандидатов в убийцы. Мало того, оттуда явно следует, что мотив и возможность избавиться от Ирен были в первую очередь у меня — мне, и никому другому, она рассказала о своих подозрениях. Я-то уж точно знал, что она в пятницу приезжала в контору. Мне ничто не мешало выяснить, куда она поедет после нашей встречи, и когда планирует вернуться домой. Или даже послать ее куда-нибудь с поручением и получить дополнительное время на подготовку. Мыкола-то наш разговор только фрагментами слышал. Кстати, если его убрали, то почему? Напрашивается ответ: потому что он подслушал нас с Ирен. А кто мог об этом знать? Например, я — ведь я мог заметить его, когда он в кустах прятался.

— Да, но это не единственный вариант. Исходя из психологического портрета, который у меня сложился после знакомства с его творением, Мыкола не из тех, кто предпочитает держать язык за зубами.

— Так-то оно так, но в совокупности...

— Постой, — нетерпеливо перебила Надежда, — ты сказал: «с одной стороны». А с другой? Думаешь, убийца попытается добраться и до тебя? — Последние слова она произнесла почти шепотом — неожиданно отказал голос.

— Ну, если уж он не поленился расправиться с Колей, который и слышал-то не все, а понял и того меньше...

— Я как раз хотела попросить, чтобы ты заполнил пробелы. Что, в точности, сказала тебе Ирен?

— Дословно я не вспомню.

— Хотя бы близко к тексту.

— Ладно, попробую. Значит, так. В четверг, где-то около половины пятого, Полина попросила Ирен отредактировать отчет о выставке, который они должны были представить клиенту, и добавить туда пару фраз, чтобы подвести его к мысли о премии для агентства. Текст-то Ирен быстро отредактировала, а вот сообразить, как бы намекнуть на премию, с ходу не получи-

лось. Взяла листочки и отправилась думать в курилку. Вышла в тамбур, открыла дверь в холл и тут заметила, что сигареты в пачке кончились. Она над фразами своими раздумывала, поэтому немножко заторможенная была. С минуту, наверное, пачку разглядывала, прежде чем сообразила, что нужно пойти за новой. А все это время дверь в холл оставалась открытой, и оттуда доносился голос — мужской, молодой, незнакомый. Ирен специально не вслушивалась, но у нее сложилось впечатление, будто обладатель голоса предлагает кому-то из наших нанять его ночным сторожем. И еще — будто тот тип обращается к собеседнику, как к незнакомцу. Потом она сходила за новой пачкой, а проходя второй раз через тамбур, зацепилась взглядом за ксерокс и вспомнила, что Полин просила ее снять с отчета копию и отдать Эжену. Пока Ирен копировала (дверь она так и не закрыла), в холле как будто кто-то крикнул, потом свалил на пол что-то тяжелое и потащил волоком. Ничего зловещего Ирен в этих звуках не услышала. К нам в тот же день здоровые пачки с настенными календарями привозили, и звуки при разгрузке примерно такие и были. В общем, скопировала Ирен отчет, тут же вышла в холл, села на лавочку и в бумажки свои уткнулась. А через минуту или две что-то в холле скрипнуло, как будто кто-то сел на старый деревянный стул. Она подняла голову — никого. Посмотрела туда, где скрипело, увидела фанерный стенд, подумала, что стойки у него рассыхаются, и снова углубилась в отчет. Вот, собственно, и все. По крайней мере, вся фактическая часть.

— А выводы она оставила при себе?

— Нет, почему же... Когда под лестницей нашли труп, Ирен поняла, что едва не застигла убийцу на месте преступления, и он об этом знает. Не знает только, заметила ли она что-нибудь и о многом ли догадывается. Посмотрев на жертву, Ирен сделала вывод, что субъекта с такой бандитской внешностью умертвили в целях самозащиты, и ей совершенно не хочется выводить убийцу на чистую воду. А третий ее вывод тебе известен. — Эдик кивнул на тетрадь Мыколы. — Убийца — мужчина, сотрудник одной из наших фирм. Не знаю, по какому принципу Ирен отсеяла неподходящих и получила в остатке четверых, но могу поклясться, что результат ее очень расстроил. По-моему, ей отчаянно не хотелось верить в виновность кого бы то ни было из этой четверки. Тем не менее, она не сомневалась в правильности своих умозаключений. — Эдик закрыл лицо руками и беззвучно зарыдал. — Это из-за меня она погибла, Надин... — сквозь слезы глухо проговорил он. — Я все не мог понять, почему она приехала в пятницу, больная... К чему такая срочность?.. А потом догадался — Ирен боялась, что это я его убил. Думала, я мучаюсь от неизвестности, гадая, что она видела, что собирается предпринять. Она приехала меня успокоить, понимаешь? Подозревая меня в убийстве, понимая, чем рискует, она все равно хотела рассеять мои страхи!

Сколько Людмила себя помнила, она всегда ненавидела свою мать. Собственно, она и матерью-то ее не считала, и в мыслях называла Таисью исключительно «этой тварью». Эта тварь вторглась в уютный мирок, где безраздельно царила маленькая Люся, и покусилась на ее священное право повелевать и властвовать. Эта тварь едва не лишила родную дочь жизни. По милости этой твари Люся оказалась в больнице, где испытала настоящий шок, впервые столкнувшись с очевидным неуважением к своей царственной особе. Эта тварь имела наглость отказаться от дочери, выкинув ее из своей жизни, точно ненужный хлам из чулана. Эта тварь навсегда вбила клин между Людмилой и отцом, отцом и бабушкой, превратила деда в великого молчальника, поселила в их доме тени скрытого несогласия и печали. Но одно достоинство Людмила, скрипя зубами, за ней признавала: эта тварь умела зарабатывать деньги.

В Люсину память навсегда впечатались те страшные времена, когда денег в доме вдруг не стало. Удар, нанесенный ей в тот день, когда бабушка отказалась купить приглянувшуюся внученьке безделушку, превзошел даже потрясение, пережитое когда-то в больнице. Медсестры и врачи были все же чужими людьми, их нежелание считаться с капризами юной пациентки могло проистекать от невежества, душевной нечуткости, грубости, скудоумия. Но родная бабушка, стараниями которой Люся от рождения уверовала в свою исключительность, в свое неотъемлемое право получать все лучшее в этом мире... Ее отказ был равносителен крушению основ, катастрофе, революции! Глядя в искаженное мукой лицо своего сокровища, бабушка села на корточки и, плача, объяснила, что КБ, где дедушка был заместителем директора, закрыли, дедушку отправили на пенсию, и этой пенсии, вместе с папиной зарплатой и приработком, едва хватает на самое необходимое.

Людмиле никогда не забыть, как завистливое восхищение подружек к обладательнице самых красивых нарядов, самых дорогих игрушек, настоящих золотых сережек и колечек сменили злорадное презрение и откровенные насмешки. Унижения тех дней и паника, в которую поверг семилетнюю девочку один подслушанный разговор, еще долго будут отзываться ночными кошмарами.

— Андрей, ты просто обязан что-нибудь предпринять! — взывала бабушка к отцу. — Ты представляешь себе, какое будущее ждет Люсеньку, если мы не наскребем денег, чтобы отправить ее в лицей? Куда она пойдет после дворовой школы? В швейное ПТУ? В кулинарный техникум? Лучшие преподаватели разбежались по лицеям и гимназиям, а оставшиеся недочки способны загубить самый яркий талант. Неужели ты хочешь, чтобы твоя дочь всю жизнь влачила нищенское существование?

— А что ты предлагаешь, мама? Я и так работаю почти круглосуточно, без выходных и отпусков. Может, мне следует открыть собственный лицей? Но на это нужны гораздо большие деньги. Не говоря уже о коммерческих и организаторских способностях...

— Ты должен подать на алименты!

— Мама, у Таси инвалидность. На четвертушку от ее пенсии даже упаковки бумажных носовых платков не купишь.

— Тогда поговори с Анной Сергеевной! В конце концов она родная Люсенькина бабушка. Пусть сделает хоть что-нибудь для единственной внучки!

— Сколько, по-твоему, зарабатывает заведующая районным детским садом? Ты представляешь, чего стоит Анне Сергеевне содержать себя и больную дочь? По-хорошему, это мне следовало бы помогать им деньгами.

Бабушка раскричалась, потом схватилась за сердце. Отец, который при всей своей бесхребетности упорно защищал «эту тварь», перепугался и, пока дед, шевеля бескровными губами, капал в рюмку капли, просил прощения и обещал что-нибудь придумать.

Но он так и не сдержал обещание. Денег на лицей они все-таки наскребли, но какой ценой! Картонные сосиски, на которые Люся раньше и не посмотрела бы, теперь в доме ели по праздникам. Чтобы ежедневно снабжать любимое чадо пакетом со скромным завтраком (бутерброд с копченой колбаской, бутерброд с красной рыбкой и яблочко), бабушка изворачивалась, как могла. Пристроила деда сторожем на стройку, сама подрядилась продавать газеты по утрам, пока внучка училась. Собирала и осваивала убогие рецепты: плов из перловки и жира, самодельный плавленый сыр из несвежего творога, чечевично-картофельный рататуй. Распускала старые свитеры, чтобы связать Люсеньке обновку, перешивала свои платья и костюмы, перелицовывала пальто.

Людмила не помнила точно, сколько длился этот кошмар, эта беспросветная жизнь на грани нищенства. Тогда ей казалось — бесконечно. Но однажды позвонила «эта тварь» и попросила отца о встрече. Бабушка кипела от негодования, гадая, что ей понадобилось, прикидывая, какие новые беды злодейка навлечет на их многострадальное семейство. А на следующий вечер папаша, вернувшись домой, вынул из кармана сто долларов — неслыханное по тем временам богатство! — и сказал:

— Тася устроилась на работу. Попросила меня открыть счет, она будет переводить алименты.

— Сподобилась наконец-то! — проворчала бабушка, тщетно пытаюсь скрыть смятение и радостное воодушевление, вызванные видом зеленоватой банкноты. — И что же, она каждый месяц будет платить столько, или это возмещение за все прошлые годы?

Бабушкины опасения оказались напрасными. Сумма, ежемесячно переводимая «этой тварью» на счет отца, не снижалась, а, наоборот, росла. За год Людмила полностью восстановила утраченные позиции первой модницы и любимицы судьбы. На деньги «этой твари» Людмилу засыпали обновками, возили ее на заморские курорты, наняли учителей по музыке и английскому. В доме начала появляться новая мебель, современная бытовая техника, деликатесы, которые теперь доставались не только ребенку. Светлана Георгиевна придела всех домочадцев и даже вставила себе и деду новые зубы.

Но все это, к Люсиной радости, не повлияло на бабушкино отношение к «этой твари». Когда ежемесячные поступления от матери достигли тысячи долларов, она только поджала губы и зловеще покачала головой:

— Такие деньги честным трудом не заработаешь!

— Мама! — взвился папаша. — Ты не перестаешь меня удивлять. Когда-то я считал тебя самой доброй, мудрой и справедливой женщиной на свете. Но с тех пор как... в общем, с тех пор как Тася ушла, тебя словно подменили. Ты же знаешь, какой она честный, порядочный человек, сама когда-то подшучивала над ее чрезмерной щепетильностью! А говоришь такие чудовищные вещи!

— Честные и порядочные люди не калечат детей! Щепетильная мать никогда бы не бросила своего ребенка. А уж чтобы ни разу не навестить брошенную дочь, чтобы никогда не прислать ей хотя бы паршивой открытки ко дню рождения, нужно быть настоящим чудовищем!

— На твоём месте я бы не стал бросаться такими обвинениями. Известно еще, кто кого больше покалечил! Люська через три недели уже скакала, в «классики» играла, а Тася...

— Люсеньке было всего пять лет! Как ты смеешь!..

— Ладно, хватит! Сколько можно вспоминать эту историю! Даже если Тася одна во всем виновата, срок давности давно истек!

— Истек?! Да я никогда...

— Ты никогда не скажешь о ней доброго слова, что бы она ни делала, так? Не очень-то красивая позиция для человека, который живет практически за ее счет! Или ты не заметила, что мы стали жить гораздо лучше, хотя ты бросила свои газеты, а я наполовину свернул добровольную ка-торгу по выращиванию «липы»? (Папаша подрабатывал, решая студентам задачи, рисуя чертежи, стряпая курсовые и дипломные работы.) Как, по-твоему, чьи деньги ты тратила, обновляя свой гардероб?

— Я имею на это полное право! Я ращу ее дочь!

— Многие твои подруги тоже растят внуков, но не каждая покупает себе шубы на деньги невестки, обливая ее при этом грязью!

Тут бабушка привычно схватилась за сердце, дед потянулся к уже приготовленному пузырьку с лекарством, а папаше опять пришлось каяться и просить прощения. Людмила от души презирала его за слабохарактерность, но непонятное упорство, с которым он снова и снова вставал на защиту «этой твари», будило в ней ярость. Как он смеет принимать сторону чудовища, поднявшего руку на его родную дочь! Как может простить бессердечной гадине полное равнодушие к собственной плоти и крови?

Когда алименты доросли до полутора тысяч долларов в месяц, разразился новый скандал.

— Господи! Это сколько же она получает? — прошептала ошеломленная бабушка. — Шесть тысяч? Боже милосердный, а в рублях сколько? Никак не переведу, все в нулях путаюсь. Вы только представьте себе, как бы Люсенька благоденствовала, если бы эта... женщина ее не бросила! За границей могла бы учиться, в лучших частных школах!

— Мама, перестань! Ты бы никогда не отпустила от себя Люську, будь те школы хоть золотые. И потом, я сомневаюсь, что Тася столько зарабатывает. Она вполне способна отдавать нам львиную долю своей зарплаты. — Отец нахмурился. — Надо бы позвонить ей, сказать, чтобы не глупила.

— Не волнуйся, сынок, я уверена: по доброй воле она нам ни копейки лишней не отдаст.

— Мама, зачем ты так? Мы прожили с Тасей почти шесть лет. Большой бессребреницы я за всю остальную жизнь не встречал.

— По-моему, за эти шесть лет ты вообще не сумел разглядеть в ней ни одного недостатка. Что лишь доказывает, насколько у тебя плохое зрение.

Папаша в ответ грубо намекнул, что у бабушки с возрастом расстроилось не только зрение. Далее последовала сцена с традиционными приступами — сердечным и покаянным.

Бабушка, разумеется, оказалась права. Когда отец позвонил «этой твари» и спросил, не слишком ли щедрые она выплачивает алименты, та заверила, что отчисляет ровно столько, сколько положено по закону. Но бабушку совсем не обрадовало это подтверждение ее правоты. Напротив, она расстроилась до такой степени, что слегла.

— Люсенька, — позвала Светлана Георгиевна слабым голосом, когда Людмила принесла ей травяной чай. — Закрой, пожалуйста, дверь и сядь сюда. — Она похлопала по кровати рядом с собой. — Мне нужно с тобой поговорить. Ты слышала, что сказал папа? Твоя, с позволенья сказать, мать...

— Выплачивает мне ровно двадцать пять процентов от зарплаты, — закончила за нее Людмила, поскольку Светлана Георгиевна подбирала слова с трудом. — Ну и что тебя так расстроило, бабуля? Ты же сама это предсказала.

— Да, но в глубине души я надеялась, что ошибаюсь. Нам необходимо урезать расходы, а тебе пора взяться за ум и как следует подналечь на учебу.

— Почему? — удивилась Людмила, сбитая с толку неожиданным поворотом разговора.

— Потому что с того дня, когда тебе исполнится восемнадцать, ты больше не получишь от этой... женщины ни гроша. Она платит по закону, не по совести, а закон не обязывает содержать совершеннолетних детей. Мы должны скопить достаточно денег, чтобы обеспечить тебя на время учебы в университете...

Бабушка говорила еще долго, но Людмила ничего не слышала. Новость ее оглушила, ошеломила. Через каких-нибудь четыре года их снова отбросит за черту бедности! И даже еще дальше, чем в прошлый раз, потому что бабушка с дедушкой уже старенькие и вряд ли смогут работать, да и кто их возьмет, семидесятипятилетних! Придется снова носить старые тряпки, есть всякую гадость, отказывать себе буквально во всем и ловить на себе насмешливые взгляды подруг. Нет, во второй раз ей такого унижения не пережить! Бабушка права, нужно немного поужаться. Скопить денег хотя бы на пару лет беззаботной студенческой жизни, чтобы предстать перед новыми соучениками не Золушкой-замарашкой, а Золушкой-принцессой, подцепить своего принца, сынишку какого-нибудь «богатенького буратино», а там уже пускай он думает, как обеспечить жене достойный уровень жизни. Слава богу, «эта тварь» не передала дочери по наследству свою безобразную рожу! В надлежащей упаковке, с надлежащим макияжем Людмила способна вскружить голову кому угодно. Но для того, чтобы они были надлежащими в нужное время, сейчас придется ввести режим жесткой или хотя бы полужесткой экономии. И налечь на учебу, которую Людмила несколько подзапустила в уверенности, что все равно поступит, куда захочет, — если не по конкурсу, то на платное отделение.

Но решить куда проще, чем сделать. С экономией вышел полный пшик. В лицее и всегда-то учились в основном дети из обеспеченных семей, а в последние годы богатых сынков и дочек стало еще больше. Людмила уже не претендовала на статус самой стильной девочки в классе, но отказаться от звания просто стильной было выше ее сил. А стиль — удовольствие дорогое, самый скромный комплект аксессуаров, украшенных знаменитыми лейблами, стоил больше, чем «эта тварь» переводила в месяц.

С учебой тоже не все складывалось гладко. Конечно, способностей Людмиле было не занимать, зато с усердием дело обстояло хуже. Домашние задания часто требовали серьезной самостоятельной работы, и ей приходилось тяжело, не хватало навыка к кропотливому труду, а взять препятствие с наскока удавалось далеко не всегда. И потом, четырнадцать

лет — не тот возраст, когда можно погрузиться в учебу с головой, поскольку голова обычно занята совершенно другим...

К шестнадцати годам Людмила чувствовала себя разбитой, обессиленной, внутренне опустошенной бесконечными поисками выхода из тупика. Нет, выход, конечно, существовал, она увидела его давно, еще в тот день, когда бабушка предупредила о грядущем прекращении денежных вливаний. Но для Людмилы он был неприемлем. Подольститься к «этой твари», помириться с ней?.. Нет, лучше умереть.

Но все-таки она сломалась и решилась предпринять кое-какие шаги для сближения с «этой тварью». Но для начала следовало разведать обстановку.

Ее ждало пренеприятнейшее открытие. Нет, хуже: «эта тварь» снова, как в детстве, нанесла ей подлый удар. Людмила не могла сказать, из чего сложилось ее представление о матери — в их доме по понятным причинам о Таисье почти не говорили, — но оно у нее имелось, и вполне определенное. Некрасивая, хмурая, нелюдимая баба, всем радостям жизни предпочитающая глотание книжной пыли. Бесчувственная высохшая особа, начисто лишенная женственности и подавляющая мужчин своим интеллектуальным превосходством. Правда, ей все же удалось подцепить мужа, но только потому, что в отцовском институте девицы были редким явлением, а на безрыбье, как известно, и рак — рыба.

Каково же было потрясение Людмилы, когда в ходе ее предварительной рекогносцировки выяснилось, что «эта тварь» нашла себе еще одного мужика! Причем, по данным старух, сладострастно сплетничающих у подъезда, — мужика интересного, положительного и культурного. Правда, по тем же данным, в официальный брак эта парочка вступать не спешила, но отношения между ними были самые нежные и трепетные. Более того, «эта тварь» оказалась беременной от сожителя и вот-вот должна родить.

Известие об ожидаемом ребенке подкосило Людмилу окончательно. Она никогда бы не подумала, что ее застарелая ненависть может так раскалиться. Жжение в груди было осязаемым, словно там развели костер и подбрасывают, подбрасывают, подбрасывают в него все новые вязанки хвороста. Из страха свихнуться Люся открылась бабушке, и та ее не разочаровала.

— Будь она проклята! — кричала Светлана Георгиевна. — Чтоб у нее родился больной урод! Чтоб она сдохла, подлюка!

И вот, спустя полтора года второе пожелание бабушки сбылось. Друзья «этой твари» даже не потрудились известить дочь. О гибели матери сообщил милиционер, и то не сразу, а через два дня после убийства. Выслушав его, Людмила посмотрела на бабушку и увидела в ее глазах отражение своего торжества. К сожалению, милиционер оказался глазастым. Сочувственные нотки в его голосе моментально сменились жесткими:

— Могу я узнать, Людмила Андреевна, когда вы в последний раз видели мать и что делали вечером в пятницу, двадцать девятого ноября? Последний вопрос относится и к вам, Светлана Георгиевна.

Бабушка ответила за обеих:

— У Людмилы вот уже двенадцать лет как нет матери. За эти годы ни я, ни Люсенька ни разу не встречались с этой женщиной, не видели ее, не разговаривали с ней и не переписывались. В пятницу вечером мы с мужем сидели дома, а девочка ходила в гости к подруге. Люсенька, надеюсь, вы с Дашей весь вечер провели вместе?

— Конечно, бабушка, не волнуйся, с моим алиби все в порядке, — усмехнулась Людмила.

— Как своевременно! — удовлетворенно заметила Светлана Георгиевна, когда оперативник ушел. — Через десять дней у тебя день рождения. Я все ломала голову, как мы будем выкручиваться без ее алиментов. А теперь ты получишь наследство, и весьма приличное, ведь это ж какие деньги она получала! Опять же квартира... Хороший подарок к совершеннолетию. Только давай постараемся не показывать своей радости папе. Бедный Андрей! Боюсь, он расстроится. И чем она его к себе привязала?

Отец и впрямь принял новость тяжело. Выслушал, потом молча сгреб в охапку пальто, ушел из дома и целую ночь пропадал неизвестно где, а когда вернулся, заперся у себя в комнате. На следующий день не пошел на работу, не ел, не разговаривал, не отвечал на вопросы. Сегодня снова исчез с утра пораньше, никто не видел и не слышал, как он уходил.

Вечером, услышав шевеление ключа в замке, а потом шорох одежды в прихожей, Людмила подумала, что сейчас отец снова закроется у себя, но он вдруг вошел в кухню, где они с бабушкой и дедушкой ужинали, и сказал в пространство:

— Послезавтра похороны. Люся, я знаю, ты никогда ее не любила... Но она — твоя мама, и ее больше нет. Ты пойдешь со мной?

Людмила открыла, было, рот, чтобы ответить, и тут заметила, что бабушка усиленно ей моргает: да, мол, соглашайся, да, да! Она удивилась, но послушно сказала:

— Хорошо.

После ужина бабушка прокралась к ней в комнату с видом подпольщика, явившегося на конспиративную квартиру.

— Я боялась, что ты откажешься. Это было бы тактической ошибкой. Нельзя настраивать против себя друзей твоей матери. Не забывай: ты не единственная наследница, есть еще этот байстрюк. Да, по закону тебе положена половина, но в ее доме, конечно же, есть неучтенные деньги и ценности, которые кое-кто вполне может прибрать к рукам. Если ты произведешь хорошее впечатление на друзей Таисьи, они помогут тебе добиться справедливого раз-

дела. У нее, насколько я помню, была близкая подруга, Елизавета. Жила в квартире напротив. Она наверняка посвящена во все дела твоей матери, знает в доме каждую безделушку... Конечно, я понимаю, тебе противно туда идти, изображать скорбь и все такое, но ты уж потерпи...

— Ничего ты, бабуль, не понимаешь! Я и без твоих подмигиваний согласилась бы, и вовсе не ради наследства. Увидеть «эту тварь» в гробу... Неужели ты думаешь, что я могла отказать себе в таком удовольствии?

10

Питер думал, что знает о боли все. Впервые она появилась в его жизни после смерти матери, но тогда он был еще ребенком, и «знакомство» продолжалось недолго. За два года он почти забыл о существовании этой безжалостной дамы, но ее такое положение вещей, по-видимому, не устраивало. Она вновь напомнила о себе вместе с известием о смерти отца и вцепилась в мальчика мертвой хваткой. Она шла с ним за отцовским гробом, сопровождала его в школу, поселилась с ним в одной комнате, злорадно наблюдала за его неловкими попытками завести друзей, не давала ему покоя по ночам, когда мучители Питера засыпали, разъедала его душу, когда он, уже в университете, тосковал от одиночества. Ненадолго покинув своего любимца, она с новой силой стиснула его в объятиях, когда он очнулся после аварии в больничной палате, и уже не отступала ни на шаг. Плакивала вместе с ним смерть жены, сидела у изголовья, когда он приходил в себя после операций, стальным обручем сдавила ему грудь, когда адвокат принес видеокассету с предсмертным признанием Денизы, вложила в руку фруктовый нож, нашептала, чтобы он полоснул себя по венам, надоумила его собирать снотворные таблетки и водворилась в его доме, когда Питера, наконец, выписали из последней клиники. За долгие годы близости он так свыкся с ней, что перестал ее замечать. И она, казалось, тоже утратила к нему интерес. Во всяком случае, Питеру удалось оторваться от нее во время скитаний по Америке, а потом и вовсе удрать в Россию. Но через три года, когда он решил, что освободился от нее окончательно, она явилась снова. Обрушилась на него, как лавина, смяла, скрутила, и, заглянув ей в лицо, Питер вдруг понял, что, несмотря на давнее знакомство, не знает о боли ничего.

Россия встретила его неласково — грязью, слякотью, хмурым небом, мрачными лицами. Правда, друзья Майка приняли гостя хорошо, но их радушие было каким-то натянутым, скованным, лишенным той открытости и непосредственности, к которым приучили Питера обитатели маленькой русской колонии в Лос-Анджелесе. Хозяева любезно показали гостю Москву, помогли ему найти и снять квартиру, купить российские водительские

права и подержанную «тойоту» и, снабдив напоследок десятком полезных советов, предоставили Питера самому себе.

Не обретя душевной близости с новыми знакомыми, Питер не стал делиться с ними своими планами и, отвечая на вопрос, что привело его в Россию, сослался на желание воочию увидеть страну, которую узнал и полюбил по рассказам Майка и других обитателей лос-анджелесских трущоб. Русские посмотрели на него с жалостью. Старый друг Майка, Александр, с сомнением покачал головой:

— Михаил слишком давно уехал отсюда, — сказал он. — Теперь это совсем другая страна. Боюсь, вам у нас не понравится.

Через месяц жизни в России Питер начал разделять его опасения, но все же решил устроиться на работу. После приезда в Москву он несколько раз заглядывал в американское посольство, побывал на нескольких приемах и даже обзавелся двумя-тремя приятелями. К одному из них, Полу Фишеру, он и обратился за советом по поводу трудоустройства. Узнав, что Питер свободно владеет русским, а по образованию экономист, Фишер сосватал его в международное информагентство. Питеру предложили делать обзоры статей по экономике, публикуемых в русской периодике, и сопровождать их собственным резюме.

Работа его увлекла, к тому же помогла заполнить пустые тягостные дни, но мало способствовала достижению главной цели. Трудился Питер в основном дома, в агентство выбирался не чаще двух раз в неделю и во время своих коротких визитов так и не пригласил девушку, с которой хотел бы сойтись поближе. Нет, русских сотрудниц в агентстве хватало, но они мало чем отличались от американок. Внешняя любезность плохо скрывала их холодную деловитость и амбициозность. Молодые русские дамы были нацелены на успешную карьеру, и окружающие интересовали их лишь в той мере, в какой могли ей способствовать.

Питер почти совсем разуверился в успехе своего предприятия, но пока не сдавался. Вспоминая Галу и Таню, он говорил себе, что эта земля еще десяток лет назад рождала таких женщин в изобилии, не могла же она за столь короткий срок полностью оскудеть. Нужно только запастись терпением, и удача обязательно ему улыбнется.

Она улыбнулась ему, и улыбнулась от души, но сначала всласть над ним поиздевалась.

Однажды Питер, на минутку выскочивший в булочную, столкнулся с грузовиком. Точнее, грузовик, медленно пятившийся к служебным дверям магазина, зацепил его и сбил с ног. Но, упав, Питер ударился головой и потерял сознание. Пришел в себя в машине «скорой помощи», которая доставила раненого якобы в больницу, а по мнению Питера — напрямик в чистилище. Не осмотрев и даже не обмыв его окровавленную голову, не предложив

ему переодеться, санитары уложили пациента в коридоре на облезлую железную кровать и, сочтя свой самаритянский долг исполненным, капитально о нем забыли. Питер пытался привлечь внимание медсестры, время от времени дефилировавшей по коридору, но она, даже не повернув головы, гордо проплывала мимо. В конце концов он понял, что помощи не дождется, и рискнул встать. Добрел до туалета, умылся, кое-как отчистил куртку и удрал из больницы. Впрочем, никто и не пытался его остановить.

Шатаясь от слабости и головокружения, он понял, что дойти до дома ему не удастся, и завернул в кафе, откуда его через какое-то время изгнала злобная официантка, недовольная клиентом, заказавшим за целый час только два стакана сока. Потом пытался поймать машину, но, видимо, неудачно, потому что следующая сцена, запечатлевшаяся в его памяти, явно происходила в вагоне метро: он стоит, повиснув на поручне, перед женщиной, читающей книгу. Женщина поднимает глаза и, поколебавшись, встает.

— Садитесь, пожалуйста.

Питер падает на освободившееся место и выключается.

Так судьба свела его с Ирен.

Впервые за много-много лет Питеру снилась мама. Она касалась его лба прохладными губами, поддерживая прохладной ладонью затылок, поила его каким-то душистым питьем, заботливо подтыкала одеяло. Питер хотел попросить, чтобы она с ним поговорила, но мама отступила в темноту. Откуда-то издали послышалось неразборчивое бормотание, и вскоре другие руки начали бесцеремонно мять Питера, выстукивать морзянку на его спине, тыкать в ребра холодным металлическим кружком.

Провал. Снова голоса. Прикосновение к телу мягкой влажной ткани. Укол в ягодицу. Быстро надвигающаяся темнота, но совсем нестрашная, напротив, теплая, ласковая, убаюкивающая. Потом темнота потихоньку рассеивается, и он снова ощущает мамино присутствие...

Питер открыл глаза. Женщина, склонившаяся над ним, ничем не напоминала маму. Разве что цветом глаз — насыщенным темным цветом кофейной карамельки.

— Кто вы?

Женщина выпрямилась и засмеялась.

— Серьезный вопрос. Кто мы? Зачем явились в этот мир?.. — продекламировала она с выражением — Вы в этом смысле? Меня зовут Ирина. Для друзей — Ирен. А если хотите узнать что-то еще, сформулируйте вопрос поточнее.

— Я тебя нашел, — уверенно сказал Питер и тут же погрузился в глубокий спокойный сон.

Его мать звали Айрин.

Позже, когда Ирен рассказала, как он к ней попал, Питер поразился хитроумному узору, вытканному судьбой. Грузовик, чистилище, именуемое больницей, которые он принимал за козни злого рока, обернулись путеводной нитью, ведущей к Ирен.

— Сначала я ужасно на тебя разозлилась, — говорила она. — В кои-то веки удалось занять сидячее место, и тут какой-то пьяный мужик чуть ли не падает мне на колени. Но когда увидела твое лицо, сразу поняла, что это никакое не пьянство. Когда мы доехали до моей остановки, я уже была уверена, что ты без сознания. Представила, как тебя брезгливо трясут на остановке, а потом, махнув рукой, бросают в вагоне, и ты катаешься туда-сюда, пока какой-нибудь сердобольный милиционер не поволочет тебя в вырезатель... В общем, на конечной мне помогли дотащить тебя до скамьи, и я уже собиралась бежать за врачом, когда ты вдруг открыл глаза и, как мне показалось, пришел в себя. Я объяснила, что ты болен, сейчас придет врач, и тебя, возможно, отвезут в больницу. При слове «больница» на твоём лице отразился такой ужас, что у меня просто не хватило духу вызвать «неотложку». Я решила позвонить твоим родственникам, чтобы они приехали и забрали тебя домой, но ты сказал, что живешь один, ни родственников, ни друзей у тебя нет. Оставался единственный выход — отвезти тебя к себе. Ох, как мне досталось от Лиски и Ольги Никитичны! Лиска — моя подруга, а Ольга Никитична — старая знакомая, она была нашим участковым терапевтом, но сейчас уже на пенсии. Я позвала ее и попросила тебя осмотреть. Она приехала, простукала тебя, а сама все бурчала себе под нос: «Совсем спятила, девка! Притащила в дом неведомо кого. А если он маньяк? А если заразит какой-нибудь гадостью? Короче, вызывай «скорую», сама не справишься». А я вспомнила твой затравленный взгляд, когда заговорила о больнице, и пожалела тебя. Справлюсь, говорю. Я уколы давно научилась делать, еще когда мама болела...

Через неделю, чувствуя себя уже достаточно сносно, Питер сделал Ирен предложение, но она ему отказала.

— Ты ошибся, Петенька, я не та, кого ты ищешь. Не буду скрывать, ты мне очень симпатичен. Наверное, я могла бы тебя полюбить. Но выйти замуж и родить тебе ребенка — нет. Тебе нужна другая женщина.

Но Питер твердо знал, что другая ему не нужна. Сам удивляясь своему напору, он, в конце концов, сломил упрямство Ирен. Она стала его женой, пусть не де-юре, но де-факто, и родила ему сына. Два с половиной года они были безмятежно счастливы. Одно только беспокоило Питера: Ирен так и не поверила, что они одолели свой злой рок.

— Неужели, ты не видишь: это не злой, рок, это судьба! Наши призраки остались в прошлом, мы победили, и теперь все будет хорошо.

Ирен не возражала, но по ее глазам Питер видел, что она боится поверить. И — черт бы подрал все на свете! — она оказалась права. Питер хорошо помнил, как встревожился, когда она пришла домой совсем больная, как не хотел уезжать от нее, но никакие дурные предчувствия его не мучили. Он был расстроен, озабочен, жалел, что из-за малыша вынужден поддаться на уговоры Ирен и не сможет ухаживать за ней сам, но не сомневался: все закончится хорошо. Если Ирен вдруг станет хуже, Лиска непременно ему позвонит, он приедет и не отойдет от жены, пока она не поправится. Он отобьет ее у любой болезни, она не сможет покинуть его.

Открыв Лиске дверь той ночью, и увидев ее лицо, Питер сразу понял, что они с Ирен проиграли. Проклятие — его ли, ее ли — настигло их обоих. И тут на него обрушилась боль — не старая, привычная, а новая, незнакомая.

Очнулся Питер в больнице. Не в коридоре и не на грязном тюфяке, а в отдельной палате, на хрустящей от крахмала простыне. Злая ирония судьбы — сейчас он предпочел бы коридор и тюфяк. Тогда он мог бы отдаться во власть иллюзии, будто колесо его жизни повернулось вспять, что сейчас он найдет в себе силы встать и бежать, бежать из больницы навстречу Ирен...

Сиделка, заметив, что он пришел в себя, вскрыла ампулу и наполнила шприц.

— У вас был микроинфаркт, — сказала она. — Теперь вам нужен полный покой. — И воткнула иглу ему в вену.

Трое суток Питера продержали на транквилизаторах. Он лежал пластом, оглушенный, отупевший. Но боль не желала отступить. Она прочно угнездилась в сердце и грызла, царапала, клевала, давила...

На четвертый день он ушел из больницы. Написал расписку, что берет ответственность за последствия на себя, и ушел. Единственное, что могло вернуть его к жизни, — это забота о маленьком Микки-Мишутке. Питер должен был сделать все возможное, чтобы хоть сына оградить от проклятия О'Нейлов.

Судьба отвела ему ровно два дня. Во вторник он вернулся из больницы и забрал ребенка у Лиски, а в четверг Судьба, позвонив в дверь, явилась в облике грабителя в маске. Точнее, в лыжном шлеме. В прорези шлема были видны только глаза. Питер не успел понять, где он видел их раньше — грабитель выхватил из кармана пистолет и в упор выстрелил ему в грудь.

Питер упал, не почувствовав боли. Через миг над ним склонилось ангельское лицо в нимбе сияющих волос. Питер успел прошептать:

— Сын! Мой сын...

И тьма сомкнулась...

Надежда страшно злилась. На себя, а еще больше на Эдика. Казалось бы, ему ясно: если ты попал в переплет и пришел к человеку за помощью, дай ему возможность обдумать вываленную тобой информацию, прикинуть, откуда угрожает опасность, наметить план спасательной операции. Эдик же вместо этого устроил ночь памяти Ирен.

Сначала Надежда молчала, понимая, что ему нужно выговориться, умиловить дух покойной, заговорить собственную боль, смягчить чувство вины, но потом начала закипать и после очередного Эдикова пассажа не выдержала:

— Но почему такая добрая и чуткая душа травила несчастного Мыколу? Пусть он субъект малосимпатичный, но обижать убогого — не слишком красивое занятие.

— Неужели ты поверила этому завистливому придурку? Ирен его обижала! Да он и работу у нас получил только благодаря ей! Именно Ирен предложила Полине взять его в агентство. А этот гаденыш вместо благодарности поливал ее грязью! Нас всех от него тошнило, я и еще несколько мужиков несколько раз порывались начистить ему морду, у Полин руки чесались накатать приказ об увольнении... И знаешь, кто за него неизменно заступался? Ирен.

— Почему бы это?

Эдик полностью проигнорировал Надеждин сарказм.

— Не знаю. Наверное, по доброте душевной. Она говорила, что Мыкола, при всей своей самобытности, неплохой работник, что найти замену будет нелегко, и вообще, он далеко не худший представитель рода человеческого, а что не любит ее, так ведь и не обязан. Дескать, ничего плохого Мыкола ей не сделал, а его злобные выпады ее только забавляют.

— Его злобные выпады? У меня сложилось впечатление, что Ирен сама его провоцировала.

— Ну, Надин, от кого-кого, а от тебя я такого не ожидал! Что с тобой случилось? Раньше ты не была такой злюкой.

— Злюкой?! Кретин! Да я просто места себе не нахожу от беспокойства за тебя, урода! А ты только и думаешь, что о своей расчудесной Ирен!

Они здорово поругались, а потом долго дулись друг на друга, и только под утро Наде удалось втянуть Эдика в разговор на нужную тему:

— Как ты думаешь, каким образом Ирен удалось отобрать четырех подозреваемых? И почему так важно, что она ничего не увидела за стендом?

— Не знаю, — пожал плечами. Эдик. — Я уже ломал над этим голову. Сразу, как только Ирен уехала, осмотрел и холл, и конуру за стендом. На мой взгляд, немудрено, что она там ничего не увидела. Свет туда не дохо-

дит, тень от площадки над лестницей очень густая. Я решил, было, что убийца спрятался в конференц-зале. Это имеет смысл, поскольку ключи от зала есть только у четверых директоров фирм. Но одна из них — Полина, а Ирен говорила о четырех мужчинах. И потом, что тогда означает этот скрип у стенда? И почему Ирен была уверена, что убийца ее видел? Если он спрятался в конференц-зале, то не мог знать, кто сидит в курилке.

— Почему не мог? А в щель подсмотреть или в замочную скважину?

— Не мог. Стол и лавку от двери конференц-зала не видно, колонна загораживает.

— Может, он убежал наверх?

— Сомневаюсь. Сначала Ирен стояла в предбаннике, у самой лестницы. Она бы услышала, как он поднимается. Тем более что ступени отделаны мраморной плиткой, беззвучно не очень-то пройдешь, если только босиком. И тогда никого нельзя исключить, наверх мог подняться кто угодно. Как и выскочить во входную дверь, что, впрочем, совсем нереально, ее, уж точно, беззвучно не открыть. Нет, у меня сложилось впечатление, что убийца был в холле, что Ирен ощутила его присутствие.

— Ощутила? Тогда — дуновение сквозняка? Или запах? Может быть, эти четверо пользуются одним и тем же дезодорантом?

— За кого ты меня принимаешь, Надежда? — обиделся Эдик. — По-моему, я обливаюсь какой-нибудь ширпотребовской дрянью? Мою туалетную воду здесь не купишь. Ее производят и продают в одном-единственном городке на юге Франции.

— Пижоном ты был, пижоном и остался, — прокомментировала подруга. — Ну да ладно, сейчас не время обсуждать твои барские замашки. Значит, думаешь, запах исключается?

— Во всяком случае, мой. Его бы Ирен ни с чем не перепутала.

Это бестактное замечание задело Надежду, но она не подала виду. И вообще, по-моему, это невозможно. Я имею в виду, невозможно, сидя на этой лавке, учуять запах человека, стоящего за стендом, если только он не вылил на себя весь ассортимент парфюмерного магазина. Слишком большое расстояние.

— Знаешь, что? Мне нужно поехать и посмотреть на вашу контору своими глазами, — решила Надежда. — Может, тогда я до чего-нибудь додумаюсь.

— Исключено! — отрезал Эдик. — Если убийца заметит, как ты там шастаешь и что-то вынюхиваешь...

— Я не буду вынюхивать. Имею я право прийти на прием к зубному врачу и немного поглазеть по сторонам?

— Не имеешь. После всего случившегося каждый новый человек обязательно привлечет к себе внимание.

— Ну и что? Чем мне может грозить посещение дантиста? У меня же не написано на лбу: «Сыщик-любитель. Под фальшивым предлогом осматриваю место преступления».

— Надька!..

— Эдик! Ты зачем ко мне пришел? Чтобы я утирала тебе слезы или чтобы помогла найти убийцу? Единственная зацепка, которая у нас есть, — это рассказ Ирен. Чтобы разгадать ее шараду, я должна увидеть ваш офис.

— Тогда я поеду с тобой.

— А вот это лишнее. Совершенно ни к чему, чтобы нас видели вместе. Никто из твоих нынешних коллег не знает о моем существовании. Ты можешь спокойно переждать здесь, пока мы не проясним обстановку, и ни милиция, ни убийца до тебя не доберутся. Позвонишь жене, скажешь, что вынужден уехать на несколько дней, отпросишься на работе...

— У кого? Я же директор. И бросить агентство на произвол судьбы не могу. Мало того, что там кружит убийца, так у нас еще самая страда.

— Ничего, подчиненные несколько дней перебудутся без тебя. Думаю, это обойдется твоему агентству дешевле, чем гроб по индивидуальному проекту и похороны по высшему разряду, а на другие ты ни за что не согласишься. Решено: ты остаешься у меня, а я...

— А что скажет твой муж? Кстати, где он? — спохватился Эдик.

— Муж объелся груш, — мрачно изрекла Надежда. — Кстати, он давно уже не мой.

Небольшой особняк она нашла без труда. Собственно, это было единственное достойное внимания здание на всей улице, застроенной унылыми невзрачными «коробками». Одолев шесть ступенек, новоявленная сыщица оказалась под крышей крохотного портика, обрамленного завитушками чугунной решетки. Тяжелая металлическая дверь подалась лишь с третьей попытки. За ней открылся маленький тамбур и еще одна дверь, но уже полегче. Услышав, как лязгнули пружины, Надежда мысленно согласилась с Эдиком: да, потихоньку удрать из здания не вышло бы.

По замыслу архитектора, холл первоначально представлял собой полукруглый зал высотой в два этажа, с выгнутой внешней стеной, застекленной от пола до потолка. Широкая лестница, основание которой занимало центр зала, полого поднималась наверх и заканчивалась еще более широкой площадкой, прилегающей к противоположной, плоской стене холла.

Получив в аренду такое нефункциональное помещение, владелец всех трех фирм — рекламного агентства, дизайн-студии и агентства почтовой рассылки — распорядился о перепланировке. Справа от лестницы, практически вплотную к ней, выгородили помещение под офис рекламного агент-

ства — почти правильный прямоугольник большой общей комнаты и две смежные комнатки для начальства. Общую и директорскую части офиса разделял крошечный тамбур — «предбанник», где стоял единственный на все три фирмы копировальный аппарат. Попасть из любой комнаты «Пульсара» в холл можно было только через «предбанник», наружная дверь которого пряталась в небольшой нише сразу за лестницей.

Часть холла слева от лестницы отвели под конференц-зал, но по какой-то причине нарушили симметрию холла, возведя вместо одной длинной зигзагообразной стены две не слишком длинные и оставив закуток между продольной стеной и лестницей.

Лестничную площадку наверху расширили и удлиннили, получив солидный довесок к помещениям второго этажа, расположенным за холлом. На полученной таким образом новой площади по обе стороны от лестницы отгородили еще по комнате. Прежде их занимало агентство «Голубь», в одной была контора, в другой — склад. Потом склад переехал в другое здание, офис устроили на его месте, а освободившуюся комнату сдали в субаренду дантисту. Остальную территорию второго этажа занимали две комнаты дизайн-студии — офис и мастерская, коридор и туалет.

Все это Надежда узнала от Эдика, полагавшего, что ему удастся отговорить ее от экскурсии на место преступления, если он представит самую подробную информацию о планировке здания. Он даже план не поленился нарисовать, но Надя все-таки настояла на своем. Известно же: лучше одни раз увидеть, чем сто раз услышать.

Народная мудрость не обманула. Едва она вошла в холл, как сразу заметила несоответствие между тем, что увидела, и тем, что услышала от Эдика. По его словам, стенд стоял в глубокой тени, и увидеть что-либо в просвете между полом и фанерным щитом было трудно. Надя даже застыла в растерянности, поняв, насколько далеко от истины это утверждение. Верхняя, стеклянная часть выгнутой стены обеспечивала великолепное освещение. Свет свободно проникал под фанерное полотно стенда и добивал почти до стены. Только самый дальний угол под лестницей оставался темным, но и там при желании можно было разглядеть очертания полотера. «Неужели он намеренно мне солгал? — гадала Надя. — Какая глупость! Зачем?!»

Только через минуту до нее дошло, в чем дело. Эдик разговаривал с Ирен около семи вечера, когда на улице уже стемнело, и обследовал холл только после ее ухода.

Слева от входа стоял стол с двумя пепельницами и длинная деревянная лавка. Надежда села на нее, и тут же мелькнула мысль, что в прошлый четверг, ровно неделю назад, на этом самом месте сидела Ирен. Надя закрыла глаза и словно увидела высокую сутулую женщину с вытянутым

желтоватым лицом. Вот она выходит из-за лестницы, уткнувшись в свои листочки, садится на скамью — именно так, спиной к столу, перелезая через лавку ей было недосуг. И тут ее внимание отвлекает скрип, непонятный и неожиданный в пустом холле. Ирен поднимает голову на звук и видит... Что же она видит? Надя открыла глаза и посмотрела в сторону стенда. При теперешнем освещении было ясно видно, что за ним никого нет. По словам Эдика, Ирен вышла в холл около половины пятого. В это время на улице еще достаточно светло, стало быть...

Вдруг из-за лестницы донесся звук открываемой двери. Повернув голову, Надежда увидела миниатюрную брюнетку с милостивым, но хмурым лицом и необыкновенно мрачного молодого человека, с ног до головы упакованного в черную кожу. «Полин и, вероятно, Эжен», — догадалась она. Увидев ее, парочка на миг придержала шаг, потом брюнетка решительно направилась к столу и вежливо поинтересовалась:

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Благодарю вас, нет. — Надежда виновато улыбнулась и добавила: — Я пришла к зубному и немножко нервничаю. Вот и решила оттянуть экзекуцию.

Полин улыбнулась в ответ, правда, несколько натянуто. Она и ее спутник сели на другом конце лавки и молча закурили. Их напряженные позы и нервные затяжки утвердили Надежду в мысли, что парочка пришла для серьезного разговора и присутствие третьего лица их не устраивает. Пришлось подниматься и, попрощавшись, покинуть помещение...

— Эдик! Я все поняла! — закричала Надежда с порога.

Эдик вылетел в прихожую — помятый, всклокоченный, с красным пятном, оставленным на щеке складкой подушки.

— Что?!

— Ты ошибся. Ирен ясно видела, что за стендом никого нет. — Надежда поделилась своим открытием об особенностях дневного и вечернего освещения в холле. — В половине пятого света было еще достаточно. И это означает, что убийца успел спрятаться либо в конференц-зале, либо наверху. Последнее маловероятно, потому что снизу действительно хорошо слышны шаги на лестнице. А в холле — палас, по нему можно пройти бесшумно. Ты не помнишь, дверь конференц-зала не скрипит?

— По-моему, нет. — Эдик провел пятерней по волосам и нахмурился, вспоминая. — И замок там магнитный, открывается с тихим щелчком, Ирен могла и не услышать... Но кто тогда четвертый? И причем здесь скрип?

— Скрип заставил Ирен поднять голову и посмотреть на стенд, благодаря ему она узнала, что там никто не прятался. Но труп за стендом лежал, вряд ли убийца таскал его туда-сюда по зданию, полному народа. Под самой лестницей есть темный угол, при ярком солнце еще можно

рассмотреть, что там лежит, а в хмурый день или ближе к вечеру — нет. Туда убийца и положил жертву...

— А почему сам не спрятался там же?

— Но, Эдик, это же очевидно! Он ведь не монстр какой, чтобы сидеть на трупе только что приконченной им жертвы! Естественно, ему хотелось оказаться как можно дальше...

— А что все-таки скрипело? Рассохшаяся стойка?

— Скорее всего.

— И убийца — кто-то из директоров?

— Да.

— Невозможно!

— Почему? Из-за того, что Ирен говорила о четырех мужчинах? Знаешь, я думаю, она могла оговориться. Думала одновременно о том, что ключи есть только у четырех человек, и о том, что убийца — мужчина.

— Откуда она могла знать, что это мужчина? Конечно, покойник был габаритный, такого нелегко протащить через весь холл, но известен случай, когда женщина во время пожара в состоянии аффекта вынесла на себе сундук, который потом двое мужиков даже приподнять не смогли. А убили этого качка вполне по-женски — ядом.

— Кто тебе сказал?

— Опер. Не мне, он по телефону говорил, а я вошел не вовремя. Отравленная сигарета. Чуешь запах мелодрамы?

— И тем не менее, убийца — мужчина. Помнишь, ты сам обратил мое внимание на такой факт: с незнакомой женщиной мужчина всегда говорит иначе, чем с незнакомым же мужчиной. Другие интонации, другой выбор слов. Ирен не вслушивалась в монолог жертвы, но общее впечатление у нее сложилось, чтобы определить пол его безмолвного собеседника.

— Хм, спорное утверждение, но, допустим, ты права. Допустим, Ирен действительно услышала достаточно, чтобы определить пол. Пусть все было именно так, как ты говоришь: Ирен вышла в холл, услышала скрип, увидела пустоту за стендом, а когда обнаружили труп, поняла, что убийца мог прятаться только в конференц-зале. Ключей от зала всего четыре, Полину Ирен отбросила из-за неподходящего пола, но, говоря со мной, обмолвилась и сказала про четырех мужчин. Я верно изложил твою теорию?

— Ну... в общем, да. Только тон мне не нравится. Не вижу оснований для скепсиса.

— А между тем, их целых два. Первое: Ирен была уверена, что убийца видел ее в холле. И ее гибель доказывает, что она не ошиблась.

— Но даже если так! Убийца мог видеть ее, когда она шла через холл. Или вообще узнал по голосу... Может, она закашлялась или мурлыкала какой-нибудь мотивчик. А какое второе основание?

— Не знаю, сочтешь ли ты это основанием... У тебя выходит, что подозреваемых всего трое: я, Джованни и Базиль. Так вот, это невозможно. Джованни — добрейшее в мире существо. Если бы не Альбинка, его секретарша, он бы пустил свою дизайн-студию по миру — вкалывал бы за бесплатно, лишь бы делать людям приятное. Ему обидеть человека — мука смертная.

— А Базиль?

— Базиль, конечно, пожестче. Но он — неофит. Кто-то подсадил его на восточную религиозную философию, причем я толком так и не разобрал, на какую именно. Он и Веды цитирует от Ригавед до Упанишад, и сутры упоминает. Одним словом, если не считать работы, Базиль занимается исключительно своим духовным совершенствованием, и больше его ничего не интересует, я готов поклясться. Я еще мог бы, поднапрягшись, представить, как он, охваченный негодованием новообращенного фанатика, душит негодяя, осквернившего святыню, но чтобы отравить незнакомого человека сигаретой?! А уж Ирен он и пальцем бы не тронул. Ни при каких обстоятельствах. Базиль с нее пылинки сдувал. Я рассказывал тебе?..

— Значит, Ирен не оговорила, — задумчиво произнесла Надя, — должен быть кто-то четвертый. Подумай хорошенько, Эдик, у кого еще мог оказаться ключ от конференц-зала?

— Не знаю. По идее, любой может попросить ключ у директора, если дело требует, например, чтобы принять клиента. Но по правилам, сразу после ухода клиента положено закрывать зал и возвращать ключ владельцу. Мне не верится, что убийца заранее все предвидел и заказал дубликат. Убил он, вне всяких сомнений, под влиянием минуты. Принимая во внимание время и место, смешно предполагать заранее обдуманый умысел.

— Зато способ указывает на преднамеренность. Человек, не помышляющий об убийстве, не станет держать при себе отравленные сигареты.

Битых три часа Эдик с Надей обсуждали мотивы, возможности, характеры действующих лиц, пытались найти другие решения задачи, заданной Ирен, придумать, какая тайна могла связывать убийцу и жертву, если они даже не были знакомы. В конце концов, ресурсы были исчерпаны.

— Да, для решения этой задачки наших маленьких серых клеточек недостаточно, — печально подвела итог Надежда. — Так что классический детектив отменяется. Придется действовать по канонам крутого.

— Брось, Надька! — не поддержал шутку Эдик. — Ты не будешь мазолить убийце глаза. Я не вынесу, если еще и с тобой что-нибудь случится.

Польщенная этим признанием, Надежда ринулась в бой:

— Но не можем же мы просто сидеть и ждать! За тобой охотятся убийца, милиция...

— Милиция пока не охотится. Они не знают про Мыколину тетрадку.

— Ну, так скоро начнет, когда поймет, что ты скрываешься. Нам нужна информация, черт подери! А от кого еще можно ее получить, как не от твоих коллег?

— От кого еще? Хм! А знаешь, можно попытаться. У Ирен были два близких человека — муж и подруга. Вдруг она им что-нибудь говорила...

— Адрес! — потребовала Надежда, бросаясь в прихожую.

— Я поеду с тобой.

— Нет!

— Да! Чего мне бояться? Они-то уж точно не убийцы.

— А если убийца караулит под дверью?

— Тогда тем более я не могу отпустить тебя одну.

После недолгих препирательств поехали вместе. Эдик поймал такси и назвал водителю адрес.

Через полчаса машина остановилась у подъезда «сталинской» восьмиэтажки. Когда они вошли внутрь, лифт — мастодонт с металлической дверью, открываемой вручную, — только что стартовал с первого этажа.

— Нам на какой? — спросила Надежда.

— На четвертый.

— Давай пешком, — предложила она и первая рванула наверх.

Эдик, ослабленный переживаниями последних дней, быстро отстал.

— Стой! — кричал он снизу. — Подожди меня, ненормальная!

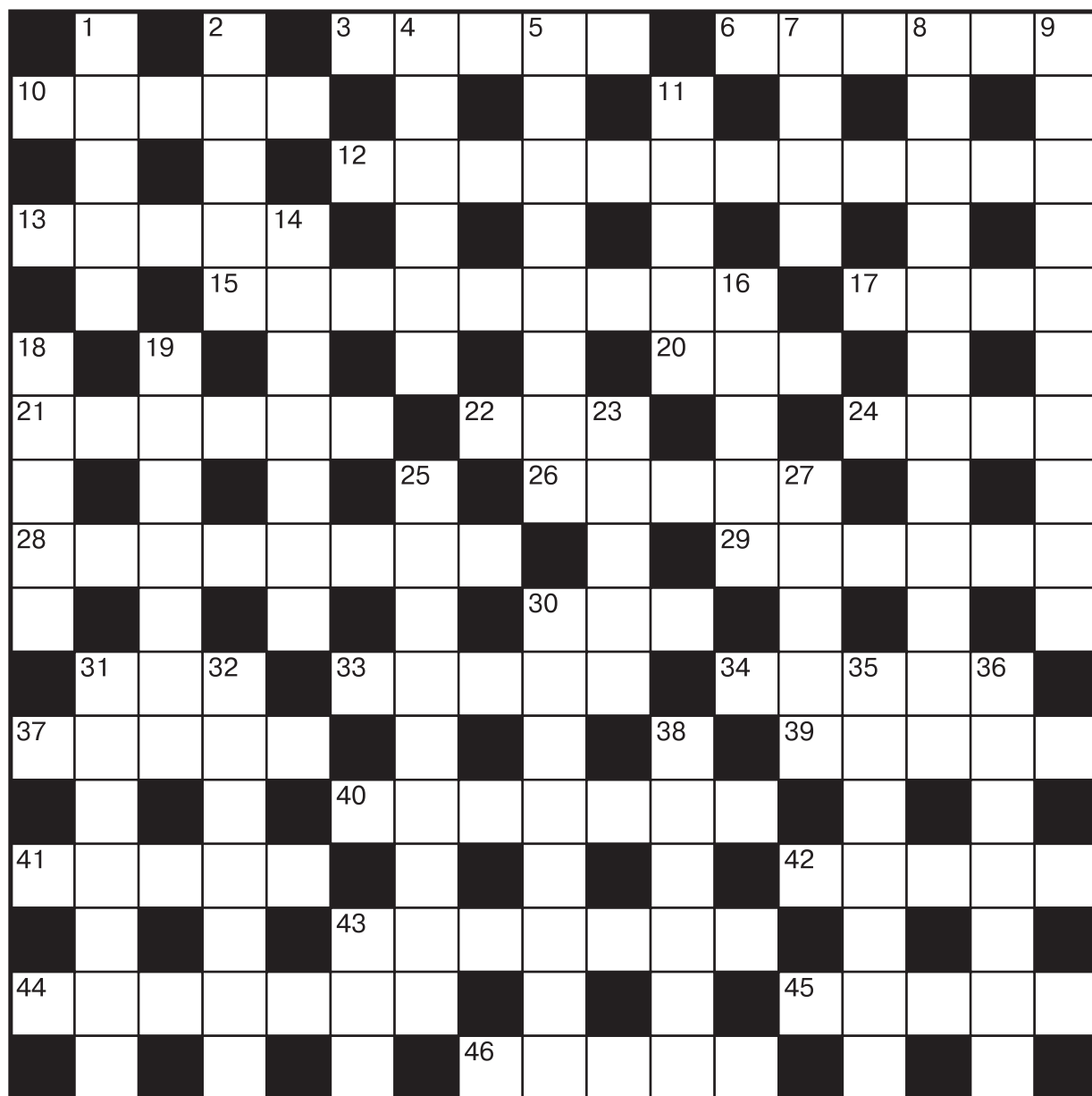
Надя, задыхаясь от смеха и непривычной нагрузки, поднажала еще. Когда она взлетела на площадку между третьим и четвертым этажами, раздался хлопок, и в ту же секунду из ниши перед квартирами, скрытой от глаз стеной, выскочила и метнулась к лифту черная фигура. Грохнула решетчатая дверь, лифт поехал вниз. Не успев ничего понять, Надежда пробежала по инерции последний пролет и увидела распахнутую дверь квартиры.

На полу прихожей лежал незнакомец с простреленной грудью. Глаза его были открыты, губы шевелились. Надя шагнула вперед и склонилась над ним.

— Сан! Майсан! — прошептал незнакомец и закрыл глаза. □

Продолжение следует

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Такой крем, чтобы «шкуру спускать». **6.** Со взятием какого города связано написание песни «Гром победы, раздавайся!»? **10.** Московская кухня Лариных. **12.** Создание публичного образа. **13.** Какой дракон в библейских сказаниях отражает лик дьявола? **15.** Миллионер с географической карты.

17. «Деклассированный элемент» у французов. **20.** Пчелиное племя. **21.** «Семейный очаг» у волков. **22.** «Отец Небесный». **24.** Колючий диверсант в огороде. **26.** На чем летает Марусенька из пушкинского «Гусара»? **28.** Чью систему подтвердили три закона Иоганна Кеплера? **29.** Сапоги для настоящих ковбоев.

30. «Земляной человек» среди гоголевских монстров. **31.** Соус, чтобы чипсы макать. **33.** «Самая интернациональная река» в Европе. **34.** Криминальный фокусник. **37.** Какой фрукт улучшает качество молока у кормящих матерей? **39.** Какую птицу Виктор Васнецов запечатлел рядом с Алконостом? **40.** Откуда родом Энрико Карузо? **41.** Кто победил на ЧМ по хоккею и в 2017, и в 2018 году? **42.** Какой цветок оберегает дом от семейных неурядиц? **43.** Один из двух сортов, с которых начали разводить виноград в Абрау-Дюрсо. **44.** Движение по привычке. **45.** Национальный поэт Шотландии, бывший в разное время членом шести масонских лож. **46.** Роскошное издание, состоящее из гравюр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто клювом шишки потрошит? **2.** «Вступая в творческий ... с отнюдь не творческой фигурой». **4.** Батяня, что «сердце не прятал за спины ребят». **5.** Кто довел до суда скандальное дело

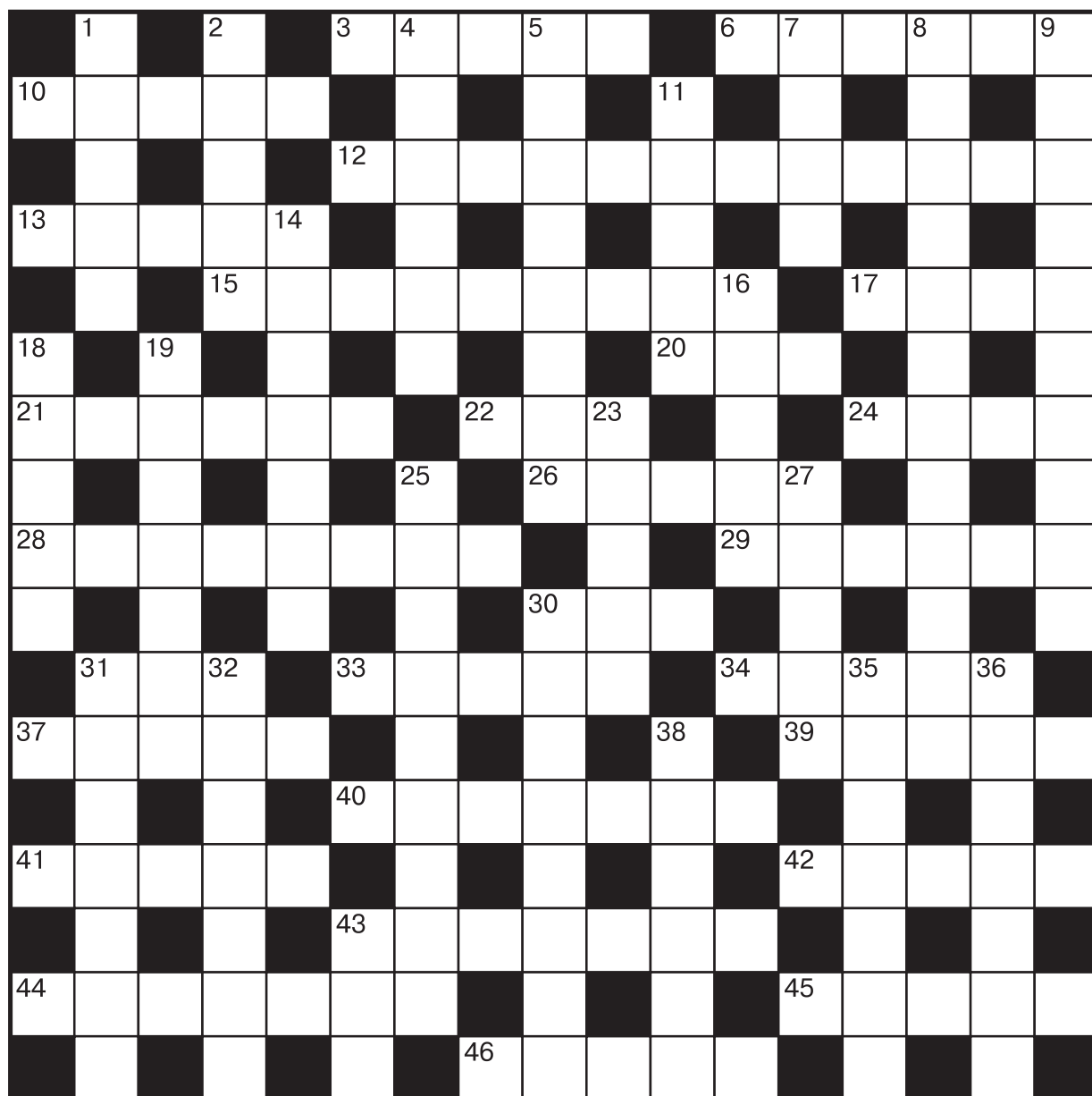
«бриллиантовой мафии» в СССР? **7.** Ветер южного направления. **8.** Кто в лайнере летит? **9.** Где цветы жизни плескаются? **11.** Сталинский ... в советской архитектуре. **14.** Мальчишки и девчонки, но не их родители. **16.** Какой синий ежик убивает себя, если долго стоит на месте? **18.** Палка для сказочной Бабы Яги. **19.** Телевизионный доктор, отказавшийся от самбо в пользу йоги. **23.** Вундеркинд в самом расцвете лет. **25.** «Живое доказательство» того, что «не все то золото, что блестит». **27.** Вот так история! **30.** Кто из классиков советской литературы утонул в озере Байкал? **31.** Экскурсии в подводное царство. **32.** Грузинская лютя. **35.** Какой академик написал черновик главы о Соловецком лагере для «Архипелага ГУЛАГ»? **36.** Кто из классиков английской литературы дважды отказался принять из рук самого короля орден «За заслуги»? **38.** Добрая Волшебница Юга из сказки «Удивительный волшебник из страны Оз». **43.** Что в голубцы добавляют?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Пазл. **3.** Язык. **7.** Разум. **11.** Лима. **12.** Санитарка. **13.** Табло. **14.** Дайм. **17.** Жилет. **20.** Огниво. **21.** Лак. **22.** Средство. **24.** Рознер. **28.** Волейболист. **29.** Космос. **30.** Поезд. **34.** Богатиков. **37.** Компьен. **38.** Коала. **39.** Дартс. **41.** Лосев. **42.** Сосна. **43.** Наив. **44.** «Битлз». **45.** Сокол. **46.** Мойва. **47.** Спад. **48.** Данте.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пасс. **2.** Зонтик. **4.** Зорб. **5.** Клад. **6.** Змей. **8.** Анамнез. **9.** Условие. **10.** Отвес. **15.** Артист. **16.** Моор. **17.** Жаворонок. **18.** Труба. **19.** Адель. **23.** Бензопровод. **25.** Окорок. **26.** Немо. **27.** Рост. **31.** Сон. **32.** Бабариха. **33.** Пистолет. **34.** Бегемот. **35.** Водород. **36.** Уланова. **40.** Янус. **41.** Лиса.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой из индейских народов Мексики первым сразился с испанскими войсками? **6.** «Двойной эспрессо». **10.** Парный кастет у китайцев. **12.** Двадцать пять песет чистым золотом. **13.** Штраф кружкой пива у студентов Оксфорда. **15.** Какую игру древних римлян считают прямым предком футбола?

17. В кого из мировых звезд «угодили 22 пули»? **20.** Дух умершего из славянских мифов. **21.** Клюшка гольфиста. **22.** Какой народный герой владел мечами Тисона и Колада? **24.** Индейская юрта. **26.** Двойник Исаака Бабеля в «Конармии». **28.** Кентавр с крыльями. **29.** Женская кофта из Индонезии. **30.** Вьетнамский

гривенник. **31.** Корабельный вар. **33.** Кличка пуделя Артура Шопенгауэра, с которым он часто беседовал за обедом. **34.** Самый трудолюбивый из навозных жуков. **37.** У какого сатирика останавливалась Анна Ахматова, приезжая в Москву? **39.** Охотничий бумеранг из Австралии. **40.** «Хлебодел» из античных времен. **41.** Основатель династии Пирридов. **42.** Кто руководил первым расщеплением атома? **43.** Где Ассоль дожидалась своих «алых парусов»? **44.** Испанский танец «любовного треугольника». **45.** Французский балетмейстер, надоевший Евгению Онегину. **46.** Японский меч.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Как инки называли планету Венеру? **2.** Вьетнамский театр. **4.** Пастила из алычи в грузинской кухне. **5.** Старейший из тех, чей возраст указан в Библии. **7.** Золотая рыбка. **8.** Практические

занятия в вузе. **9.** «Японская пицца». **11.** Божественный орел шумеров. **14.** Какое слово долго заменяло в русском языке «эгоизм»? **16.** Какой регион на карте Франции слывет «сердцем красного виноделия»? **18.** Кокосовое мочало на морские тросы. **19.** Кто из британских философов объявил о том, что Бог не только не может определять будущее, но и сам зависит от того, что произойдет в дальнейшем? **23.** Инициатор создания «Красного креста». **25.** Какая тыква напоминает по форме бутылку? **27.** Охотничья дудочка. **30.** Подставка под испанский свиной окорок. **31.** Повязка на руку из тайского бокса. **32.** Какая сила соединяет молекулы жидкости в капли? **35.** Историк, чьи труды помогли Василию Сурикову при написании картины «Боярыня Морозова». **36.** Первый Великий магистр Приората Сиона. **38.** «Сеть» зараженных компьютеров. **43.** Уэльский пони для конного поло.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Гуго. **3.** Джуз. **7.** Тихий. **11.** Вюрм. **12.** «Манифесто». **13.** Осман. **14.** Ракс. **17.** Рарог. **20.** Триган. **21.** Таз. **22.** Неология. **24.** Графит. **28.** Кислотность. **29.** Кнакер. **30.** Стэнг. **34.** Гилозоизм. **37.** Креатин. **38.** Юрьев. **39.** Себек. **41.** Симон. **42.** Тверк. **43.** Ашук. **44.** Тиаре. **45.** Зотов. **46.** Улуру. **47.** Тиын. **48.** Харан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гимп. **2.** Гунбаз. **4.** Жест. **5.** Звор. **6.** Крок. **8.** Инстита. **9.** Ивасаки. **10.** Эфрон. **15.** Аигути. **16.** Стяг. **17.** Радиатори. **18.** Гейтс. **19.** Глюон. **23.** Алониатикон. **25.** Рэндзю. **26.** Фуко. **27.** Тэра. **31.** Син. **32.** Горелина. **33.** Аотеароа. **34.** Гирокон. **35.** Мргвали. **36.** Перрерс. **40.** Хант. **41.** Сузы.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни
«Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство,
чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время
нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь,
мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена
в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких
и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом
(а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде
на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

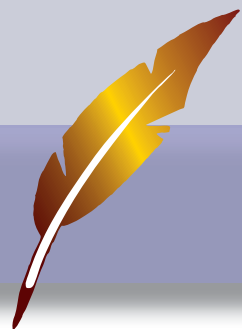
Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы
в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№12 декабрь 2022